

Брэм Стокер Сокровище семи звезд

Посвящаю Элеоноре и Констанции Хойт

Глава I НОЧНОЙ ЗОВ

Происходящее казалось настолько реальным, что я не мог поверить, будто все это уже случилось. И все же события, сменявшие друг друга, были не новыми, незнакомыми, а вполне известными и даже ожидаемыми. Подобным образом с нами шутит память – к добру или злу, радости или боли, счастьем или беде. Вот почему наша жизнь сладостно-горькая на вкус и то, что свершилось, переходит в разряд вечности.

И вновь легкий ялик скользил по ленивым водам, пытаясь скрыться от жгучего июльского солнца в прохладную тень плакучих ив. С блестящих весел стекала вода, а она, то наклоняла голову, то проворными пальцами отводила от себя упругие ветви.

И опять вода казалась золотисто-коричневой под шатром из прозрачной зелени, а берег радовал глаз изумрудной травой.

И снова мы сидели в прохладной тени, и великий мир с его волнениями, бедами и радостями – еще более тревожащими – перестал для нас существовать.

Вновь в этом блаженном уединении юная красавица, отринув условности своего чопорного и сурового воспитания, рассказала мне об одиночестве своей новой жизни. В голосе девушки звучала легкая грусть, когда она говорила о величественном особняке и молчаливо-почтительных слугах, – в этом просторном доме не нашлось места доверию и сочувствию в отношениях между дочерью и отцом.

И снова летящие секунды бесконечно множились, потому что в таинстве снов реальности соединяются, стремясь к изменению и обновлению, но остаются прежними, – словно душа музыканта, вложенная в фугу. Так же и память замирает, в который раз погружаясь в сон.

Похоже, совершенный покой никогда не наступит. Тишина бессонной ночи нарушается грохотом лавины, бурлящим ревом внезапного наводнения, звоном колокола, сопровождающим бег паровоза через сонный городок, шлепаньем лопастей колесного парохода.

Что бы это ни было, оно разрушает чары моего Эдема. Шатер зелени, усеянный алмазными бликами света, подрагивает над нами, подобно опахалу, а неугомонный колокол звонит, не собираясь умолкнуть...

Пробуждение оказалось достаточно прозаичным: на улице кто-то стучал и звонил в одну из дверей дома. Я уже сумел привыкнуть к посторонним звукам, проникавшим в мою квартиру на Джермин-стрит; обычно меня не волновали ни во сне, ни наяву любые, даже шумные, занятия моих соседей. Но этот стук был слишком долгим, настойчивым и в достаточной степени властным, чтобы его можно было игнорировать.

Я не считал себя абсолютным эгоистом и при мысли о чьей-то необходимости поспешно покинул постель. Стрелки на циферблате настенных часов застыли на цифрах «12» и «3»; через просветы в зеленых жалюзи в комнату проникало раннее серое утро. Набросив халат и сунув ноги в шлепанцы, я спустился вниз в холл. Когда я открыл входную дверь, то увидел перед собой щеголеватого грума: одной рукой он нажимал на электрический звонок, а другой непрерывно грохотал в дверь колотушкой. Рядом с ним стоял полисмен с зажженным фонарем на поясе, очевидно привлеченный шумом. Едва заметив меня, грум сразу прекратил свое шумное занятие и, почтительно коснувшись полей шляпы, извлек из кармана письмо. За его спиной виднелась изящная карета; лошади тяжело дышали, словно проделали большой путь.

– Сэр, прошу прощения за беспокойство, но я получил срочный приказ и должен был стучать и звонить до тех пор, пока кто-нибудь не появится. Могу я спросить, сэр, не здесь ли живет мистер Малькольм Росс?

– Я Малькольм Росс.

– В таком случае письмо предназначено вам, сэр, и карета тоже!

Обуреваемый странным чувством, я взял у него письмо. Конечно, должность барристера

время от времени преподносила мне сюрпризы, включая срочные вызовы, но подобного еще не было. Отступив в холл, я прикрыл дверь, но не до конца, и включил свет под сводчатым потолком. Письмо было написано незнакомым женским почерком. Оно начиналось сразу, без обращений «дорогой сэр» или чего-нибудь в этом роде.

Вы обещали помочь мне, если возникнет необходимость. Хотелось бы верить, что это не была лишь вежливая, ничего не значащая фраза. Я в ужасной беде и не знаю, куда и к кому обратиться. Есть все основания полагать, что на жизнь моего отца покушались. Слава богу, он еще жив, но без сознания. Я вызвала врачей, полицию, однако среди окружающих меня людей нет тех, на кого я могла бы положиться. Приезжайте немедленно, если сможете, и простите меня. Одолжение слишком велико, и моя отчаянная просьба ко многим обязывает, но пока я не в силах об этом думать.

Приезжайте! Приезжайте немедленно!

Маргарет Трелони

Боль и радость боролись во мне, пока я читал это письмо. Она в отчаянии и позвала меня – меня! Значит, этот сон не был случайным и предвещал встречу. Распахнув дверь, я кивнул груму:

– Погодите! Через минуту я вернусь! – и бросился наверх.

На то, чтобы привести себя в порядок, мне понадобилось несколько минут, и вскоре мы мчались по улицам так быстро, как могли выдержать лошади. Когда мы пересекали Пикадилли, я попросил грума пересесть ко мне в карету и рассказать о том, что произошло в доме Трелони. Краснея от смущения, он пристроился напротив меня, положил шляпу на колени и, откашлявшись, заговорил:

– Мисс Трелони, сэр, прислала слугу с просьбой немедленно приготовить карету, а затем пришла сама, подала мне письмо и приказала Моргану – вознице, сэр, – гнать что есть мочи. Она велела мне непрерывно стучать и звонить в дверь, пока кто-нибудь не придет.

– Да, это понятно! Но я хочу знать, почему она послала за мной. Что случилось?

– Я и сам толком ничего не знаю, сэр, кроме того, что окровавленного хозяина нашли в его комнате без чувств. Он до сих пор не пришел в себя. Вот и все, что мне известно.

Поскольку он больше ничего не мог сказать, я приказал остановить карету, чтобы он вернулся на козлы, и, оставшись в одиночестве, принялся размышлять о случившемся. Можно было расспросить грума подробнее, и некоторое время я даже злился на себя за то, что не использовал эту возможность. Но с другой стороны, в данной ситуации лучше задавать вопросы самой мисс Трелони, нежели ее слугам.

Мы быстро пересекли Найтсбридж, затем экипаж свернул на улицу Кенсингтон-Палас-Гарденз и вскоре остановился напротив большого дома. Насколько я мог судить, особняк стоял ближе к Ноттинг-Хиллу, чем к Кенсингтонскому дворцу. Здание даже в сером полумраке утра выглядело величественным.

В огромном холле находилось около десятка слуг: мужчины расположились полукругом у лестницы, а женщины неподалеку от них испуганно перешептывались. С мисс Трелони, стоявшей на ступенях лестницы, разговаривал старший офицер полиции, а еще один мужчина в мундире внимательно слушал их беседу. Увидев меня в дверях, девушка радостно улыбнулась и поспешила мне навстречу.

– Я знала, что вы придете!

Порывисто вздохнув, она сжала мою руку, и я почувствовал нежное прикосновение длинных гибких пальцев. Волнение охватило меня, но я старался не подавать виду. Маргарет Трелони обернулась и сообщила старшему офицеру:

– Это Малькольм Росс.

Полицейский вежливо отдал честь и произнес:

– Я знаю мистера Малькольма Росса, мисс. Возможно, он помнит дело фальшивомонетчиков в Брикстоне.

Признаться честно, я не узнал его с первого взгляда, вероятно потому, что все мое внимание

было сосредоточено на мисс Трелони.

– Ну конечно, старший офицер Долан, я прекрасно помню вас! – бодро воскликнул я и пожал ему руку, заметив при этом, что наше знакомство несколько успокоило Маргарет. От моего взгляда не ускользнуло и некоторое замешательство в ее поведении. Почему-то мне показалось, что девушка хочет поговорить со мной наедине, и я сказал офицеру: – Мне хотелось бы задать мисс Трелони несколько вопросов без свидетелей. Затем мы обсудим это дело с вами, если вы не возражаете.

– Буду рад услужить вам, чем могу, сэр, – дружелюбным тоном ответил он.

Проследовав за хозяйкой дома, я оказался в изящно меблированной комнате, окна которой выходили в сад. Я закрыл дверь, и мисс Трелони опустила на стул, жестом указав мне на кресло напротив:

– Прошу вас, садитесь. Я должна сообщить вам все обстоятельства этого странного происшествия.

– Расскажите все, что знаете, и не упускайте подробностей, сколь незначительными они бы ни казались вам сейчас.

Девушка медленно продолжала:

– Меня разбудил какой-то странный звук. Могу сказать только, что он пришел из моего сна, хотя, что мне снилось, я не помню. Я сразу же проснулась, села на постели – сердце громко стучало в груди – и начала прислушиваться, не доносятся ли какие-нибудь звуки из отцовской комнаты. Моя спальня находится рядом с нею, и я часто слышу, как он ходит из угла в угол перед тем, как заснуть. Он работает до поздней ночи, иногда до утра, и поэтому, просыпаясь рано, как со мной иногда происходит, или же в рассветных сумерках, я слышу его шаги. Однажды я пыталась воспрепятствовать этому – такой режим вряд ли на пользу его здоровью, – но отец в достаточно резкой форме отказался слушать мои доводы. Вам известно из моего рассказа, каким суровым может быть мистер Трелони. Его гнев пугает меня меньше, чем неторопливый и педантичный тон голоса; он кривит верхнюю губу, обнажая зубы... Боже, какое у него злое в такие моменты бывает лицо! Итак, этой ночью я осторожно прокралась к двери, боясь потревожить его. Из комнаты отца доносился странный тягучий шум и чье-то медленное, тяжелое дыхание. Это было так ужасно – стоять в темноте и, прислушиваясь к тишине, бояться неизвестно чего! Наконец я собралась с духом и, как можно осторожнее повернув ручку, чуть приоткрыла дверь. Внутри было довольно темно, и я различила лишь очертания окон. Но тяжелое дыхание теперь слышалось громче и, разумеется, вызывало еще больший страх. Некоторое время я прислушивалась к нему, но других звуков не последовало, и тогда я резко распахнула дверь, так как боялась открывать ее медленно, опасаясь, что за нею может быть нечто страшное, готовое на меня броситься. Переступив порог комнаты, я включила свет и сразу посмотрела в сторону письменного стола. В этот момент кто-то опять медленно вздохнул, и мой взгляд устремился на звук. На полу перед большим сейфом лежал на правом боку, подогнув под себя руку, мой отец. Кровавый след тянулся через комнату к письменному столу, и когда я склонилась над отцом, то заметила вокруг него лужу крови, красную и блестящую. Он лежал в бархатной куртке, ее левый рукав был оторван, обнажая его руку, вытянутую по направлению к сейфу. Она – о, это ужасно! – была вся в крови, а вокруг золотого браслета на его кисти шла рваная рана. Я не знала, что он носит подобное украшение!

Девушка на минуту смолкла, и я, желая отвлечь ее хоть на миг, сказал:

– Чему тут удивляться! Сейчас браслеты носят мужчины, о которых никогда не подумаешь, что их интересуют подобные вещи. Я знаю даже одного судью.

Казалось, ее не слишком заинтересовало мое замечание, но короткая пауза немного успокоила мисс Трелони, и теперь она говорила более твердым голосом:

– Я позвонила, а затем вышла в коридор и позвала на помощь громко, как смогла. Должно быть, довольно скоро – хотя для меня время тянулось неимоверно медленно – прибежало несколько слуг, затем комнату заполнили все обитатели этого дома с вытаращенными глазами, всклокоченными шевелюрами и во всевозможных ночных одеяниях. Отца положили на диван, и экономка, миссис Грант, сохранившая самообладание в большей степени, чем остальные, принялась отыскивать источник кровотечения. Я уже говорила, что на руке отца, ближе к кисти, была глубокая, с

рванными краями, рана, которая, по-видимому, задела артерию. Миссис Грант наложила жгут из платка, крепко затянув его серебряным ножом для вскрытия конвертов, и поток крови немедленно прекратился. К этому времени я уже пришла в себя – насколько смогла – и послала слуг за врачом и в полицию. Мне было так страшно... и ужасно захотелось, чтобы рядом оказался кто-нибудь небезразличный к моей участи. Я подумала о вас, о вашем обещании в лодке под ивами – и, написав записку, не раздумывая, отправила ее вам.

Она замолчала. Мне не хотелось ничего говорить, и я посмотрел на нее; очевидно, мой взгляд был достаточно красноречив, потому что ее веки, дрогнув, опустились, а щеки заалели, словно розы. С явным усилием она продолжала свой рассказ:

– Доктор прибыл невероятно быстро и, сделав перевязку, отправился домой за некоторыми инструментами. Надеюсь, он скоро вернется. Потом пришел полисмен, а спустя некоторое время – старший офицер. А теперь и вы...

Последовало долгое молчание, и я осмелился взять ее за руку. Затем мы, молча, поднялись и направились в холл. Офицер бросился нам навстречу.

– Я уже отправил донесение в Скотленд-Ярд. Знаете, мистер Росс, в этом деле столько странностей, что без специалиста из Департамента по уголовным расследованиям в них не разобратся. Поэтому в записке я попросил немедленно прислать сюда сержанта Доу. Вы, наверное, помните его, сэр, по делу об отравлении американца в Хокстоне.

– Еще бы! Не раз убеждался в его ловкости и проницательности. Это самый здравомыслящий человек из всех, кого я знаю. Выполняя роль защитника в том деле и веря, что мой подзащитный невиновен, я был рад ему в качестве обвинителя!

– Весьма высокая оценка, сэр, – с благодарностью произнес старший офицер. – Я рад, что вы одобрили мой выбор.

– Не сомневаюсь, что с его и вашей помощью мы разрешим все загадки, – искренне заметил я.

Мы направились в комнату мистера Трелони, и нашли все в том же виде, как описывала его дочь.

Из холла донесся звонок колокольчика, и через минуту в комнату вошел молодой человек с проницательными серыми глазами и широким, квадратным лбом – такой бывает у мыслителей. Мисс Трелони представила нас друг другу:

– Доктор Уинчестер, мистер Росс, старший офицер Долан.

Мы обменялись поклонами, и доктор без промедления принялся обрабатывать раны мистера Трелони. Врач то и дело обращал внимание офицера на некоторые особенности повреждений, и Долан быстро заносил факты в свой блокнот.

– Смотрите, несколько параллельных порезов или царапин, идущих с внутренней стороны кисти и в некоторых местах подвергающих опасности радиальную артерию... глубокая круговая рваная рана, похоже, сделана тупым инструментом...

Повернувшись к Маргарет, доктор Уинчестер неожиданно спросил:

– Как вы полагаете, мы можем снять браслет? Особой необходимости в этом, правда, нет, но для удобства больного...

Покраснев, девушка тихо ответила:

– Я лишь недавно переехала к отцу, и мне мало что известно о его жизни и привычках... Я не смею судить о подобных вещах.

Внимательно поглядев на нее, доктор сказал:

– Простите меня, я не знал об этом. Пока что трогать браслет не обязательно, в противном случае я взял бы ответственность на себя. В дальнейшем, если понадобится, мы легко снимем его с помощью напильника. Несомненно, у вашего отца были свои причины на то, чтобы носить...

Он неожиданно умолк и склонился ниже, затем подал мне знак держать свечу таким образом, чтобы браслет был хорошо освещен. Вынув из кармана увеличительное стекло, доктор осмотрел украшение, потом выпрямился и протянул лупу Долану.

– Лучше осмотрите браслет сами. Он не совсем обычен. К нему прикреплена стальная цепочка с ключом, а золотые звенья сплетены со стальными, и обычным напильником здесь не

обойдешься.

Офицер опустился рядом с диваном на колени, внимательно обследовал браслет, медленно поворачивая его, чтобы не упустить ни единой, даже мелкой детали. Затем Долан поднялся и передал увеличительное стекло мне.

– Любопытная вещь! Дайте потом взглянуть и мисс Трелони, – сказал он и принялся делать пометки в своем блокноте.

Я не последовал его совету и, обратившись к Маргарет, предложил ей осмотреть браслет первой. Она отшатнулась:

– Ах, нет! Отец, несомненно, показал бы его мне, если бы хотел, чтобы я его увидела. Незачем делать это без его согласия! – Смутившись, девушка добавила, словно желая сгладить резкость своих слов: – Ну конечно, вам нужно осмотреть его и все принять во внимание... право же, я очень вам благодарна.

Мисс Трелони отвернулась, и я увидел, как дрожат ее плечи: она тихо плакала. Оказавшись в трудной ситуации, девушка несколько досадовала на то, что столь мало знала о своем отце и не могла скрыть этого от чужих людей. Слабым утешением могло послужить только то, что все они – мужчины. Пытаясь разобраться в ее чувствах, я не мог не подумать о том, что Маргарет, пожалуй, рада, что в этот час на нее не устремлены проницательные глаза женщины.

Осматривая браслет, я убедился в правильных выводах доктора. Когда я затем отошел в сторону, тот вновь занял свое место у дивана. Бросив взгляд в сторону Уинчестера, старший офицер Долан сказал мне шепотом:

– Думаю, нам повезло с доктором! Я кивнул, соглашаясь, и в свою очередь намеревался сделать комплимент наблюдательности Долана, как в дверь тихо постучали.

Глава II СТРАННЫЕ ИНСТРУКЦИИ

Долан тихо подошел к двери; с нашего молчаливого общего согласия он взял на себя функции старшего. Мы с волнением следили за происходящим. Полицейский слегка приоткрыл дверь, затем с явным облегчением распахнул ее, и в комнату вошел молодой человек – высокий, худощавый, с хищным лицом и яркими, живыми проницательными глазами. При виде его старший офицер протянул руку, и они обменялись крепким рукопожатием.

– Я получил ваше послание и рад, что по-прежнему пользуюсь вашим доверием, – сказал молодой человек.

– Разве можно забыть дни на Боу-стрит,¹ сержант Доу! – ответил старший офицер, а потом перешел к делу и подробно рассказал об обстоятельствах загадочного происшествия.

Сержант Доу в это время осматривал комнату и лежавшего на диване раненого, а затем задал Долану несколько вопросов. Когда старший офицер ответил на них, сержант повернулся ко мне:

– Возможно, вы помните меня, сэр. Мы встречались с вами в суде по делу об отравлении в Хокстоне.

– Разумеется, я не забыл вас, – протянул ему руку я.

Снова заговорил Долан:

– Сержант Доу, поручаю вам это дело.

– Надеюсь, под вашим руководством, сэр, – перебил тот.

Офицер покачал головой и с улыбкой возразил:

– Меня ждет другая работа, но я крайне заинтересован в этом происшествии и рад буду оказать вам любую помощь.

– Хорошо, сэр, – коротко козырнул сержант.

Вначале Доу подошел к доктору и, выяснив его имя и адрес, попросил написать полный отчет, которым можно будет воспользоваться. Доктор Уинчестер с мрачным видом кивнул в знак

¹ Боу-стрит – улица в Лондоне, на которой размещался полицейский суд.

согласия. Затем сержант обратился к мисс Трелони:

– Пожалуйста, меня интересуют любые подробности о вашем отце: его житейские привычки, увлечения...

Я хотел было сказать ему, что девушка уже сообщила нам о своей неосведомленности в делах отца, но Маргарет, жестом остановив меня, с грустной улыбкой ответила:

– Увы! Старший офицер Долан и мистер Росс знают, насколько скудными сведениями я располагаю.

– Что ж, удовлетворимся тем, что имеем, – вежливо согласился сержант. – Вы говорите, что были за дверью, когда слышали шум?

– Я была у себя, когда услышала странный звук, и немедленно покинула комнату. Дверь отца была закрыта, и я могла видеть лестничную площадку и лестницу. Никто не вышел бы через дверь незамеченным, если вас это интересует.

– Именно так, мисс. Кроме того, я хочу знать, передвигали ли вещи в комнате?

– Насколько я знаю, нет, – покачала головой девушка. – Но я спрошу у миссис Грант, экономки, – добавила она, звоня в колокольчик.

Вскоре раздались шаги и осторожный стук в дверь.

– Войдите, – пригласила Маргарет. – Миссис Грант, эти джентльмены хотят знать, не трогал ли кто-нибудь вещи в комнате.

– Только не я, мэм.

– Тогда, – девушка повернулась к сержанту, – этого никто не мог сделать, так как либо миссис Грант, либо я находились здесь все время и видели всех появившихся на мой зов. Отец лежал на полу перед большим сейфом, и все столпились вокруг него. Мы очень быстро отослали слуг.

Когда миссис Грант ушла, Доу принялся осматривать пол с помощью увеличительного стекла. Стоя на коленях, сержант дюйм за дюймом изучил кровавые пятна на полу вокруг того места, где лежало тело, стараясь не касаться их. Этот участок пола он осмотрел в радиусе нескольких ярдов, но, очевидно, не нашел ничего особенно интересного. После этого Доу подошел к окнам, которые закрывали ставни, державшиеся внизу на защелках.

– Ставни были закрыты? – спросил он мисс Трелони небрежно, словно заранее зная, какой ответ получит.

Потом настал черед сейфа: внимание Доу привлек замок.

Все это время доктор Уинчестер занимался пациентом, тщательно осматривая его голову, шею и грудь. Не один раз он касался носом губ бесчувственной жертвы и принохивался. Каждый раз после этого доктор оглядывал комнату, словно что-то отыскивая.

Затянувшуюся тишину прервал низкий голос сержанта:

– Насколько я могу судить, потерпевший хотел открыть сейф ключом, прикрепленным к браслету. Похоже, в механизме есть какой-то секрет, суть которого мне не ясна, хотя у меня имеется по этой части некоторый опыт – я приобрел его до того, как поступил в полицию. Видимо, этот замок каким-то образом заблокирован. Сейф сделан в фирме «Четвуд»; я зайду к ним и наведу справки об этой модели.

Он повернулся к Уинчестеру:

– Как дела, доктор? Если есть сомнения, я могу подождать, но чем скорее получу более-менее определенные сведения, тем лучше.

Ответ доктора последовал немедленно:

– Конечно, я напишу полный отчет. А пока... расскажу вам все, что узнал, хотя фактов не слишком много, и поделюсь всеми своими мыслями, но этому поводу – а их еще меньше. Повреждения головы, которые могли бы вызвать ступор, отсутствуют. Поэтому могу предположить, что его подвергли гипнозу или действию неизвестного мне наркотического препарата. Смею надеяться, что вы уловили в этой комнате характерные египетские ароматы – битума, нарда, смолы, специй. Возможно, где-то в комнате, среди диковин, находится вещество или жидкость, свидетелями, действия которых мы являемся. Возможно, больной принял препарат и в состоянии наркотического опьянения ранил себя...

Доктора перебил сержант Доу:

– Это возможно, но в таком случае мы должны были найти оружие со следами крови.

– Он мог убрать его в сейф перед тем, как окончательно потерять сознание, – эта мысль только что пришла мне в голову, – сказал я.

– Это невозможно! – с жаром возразил Уинчестер. – По крайней мере, вряд ли, – осторожно добавил он, коротко поклонившись мне. – Видите, его левая рука покрыта кровью, но на сейфе нигде нет следов крови.

– Совершенно верно! – кивнул я.

Последовало долгое молчание, первым нарушил его доктор:

– Следует как можно быстрее вызвать сюда сиделку, я знаю одну, которая бы меня полностью устроила. Немедленно приглашу ее, если она свободна. Должен попросить вас постоянно быть с больным до моего возвращения. Позже может возникнуть необходимость перенести его в другую комнату, но пока пусть остается здесь. Мисс Трелони, можно рассчитывать, что вы или миссис Грант побудете здесь – не только в комнате, но и рядом с больным, – пока я не вернусь?

Маргарет кивнула в ответ и расположилась в кресле рядом с диваном. Доктор склонился к ней, и она внимательно выслушала его указания на тот случай, если ее отец придет в себя до возвращения Уинчестера. Когда доктор ушел, старший офицер Долан обратился к сержанту Доу:

– Пожалуй, мне лучше отправиться в участок. Конечно, если вы не желаете, чтобы я побыл здесь еще немного.

Сержант вместо ответа спросил:

– А Джонни Райт все еще служит в вашем подразделении?

– Да. Хотите, чтобы он к вам присоединился?

Доу кивнул в ответ.

– Тогда я пришлю его сюда, как только смогу это оформить. И строго прикажу ему выполнять все ваши инструкции.

Он направился к двери, сопровождаемый сержантом, говорившим на ходу:

– Благодарю вас, сэр. Вы всегда заботитесь о людях, с которыми работаете. Мне очень приятно снова быть с вами. Я вернусь в Скотленд-Ярд и доложу об этом деле моему начальству. Потом зайду в фирму «Четвуд» и вернусь сюда как можно быстрее. – Затем сержант обратился к мисс Трелони: – Могу ли я рассчитывать, мисс, что вы останетесь в доме до тех пор, пока мы не распутаем эту тайну?

– Конечно, – ответила Маргарет.

Доу задержал на ней проницательный взгляд и продолжал:

– Прежде чем я уйду, вы позволите осмотреть письменный стол и бюро вашего отца? Не исключено, что там имеется ключ к разгадке всех этих событий.

Ее ответ не заставил себя ждать.

– Поступайте так, как считаете нужным. Надеюсь, ваши действия помогут нам узнать, что случилось с отцом.

Сержант медленно и методично обследовал письменный стол, затем перешел к бюро. В одном из ящиков его внимание привлек запечатанный конверт, и он тут же вручил его мисс Трелони.

– Письмо адресовано мне и написано почерком отца! – воскликнула девушка, нетерпеливо вскрывая его.

Я следил за ее лицом, пока она читала, но, заметив, как пристально смотрит на нее сержант Доу, ловя малейшие изменения в лице девушки, переключил внимание на него. Когда Маргарет прочла письмо до конца, я пришел к определенному выводу, но предпочел спрятать его в сердце: у детектива явно зародилось подозрение по отношению к самой мисс Трелони.

Несколько минут она держала письмо в руке, опустив глаза и раздумывая. Затем снова внимательно прочла его; на этот раз смена чувств на лице была яснее. Закончив повторное чтение, она, несколько помедлив, передала письмо детективу. Тот нетерпеливо прочел его, сохраняя бесстрастное выражение лица. Пробежав еще раз взглядом по строчкам, Доу с поклоном вернул листок Маргарет, которая протянула его мне. При этом она на миг подняла на меня умоляющие глаза; ее бледные щеки и лоб зарделись.

Я взял письмо, обуреваемый противоречивыми чувствами, но в целом был рад. Она не выра-

зила никакого волнения, дав его сыщику, и вряд ли... У меня не хватило решимости развить эту мысль дальше, и я принялся читать, чувствуя пристальный взгляд детектива.

Дорогая моя дочь!

Я хочу, чтобы ты приняла это послание в качестве инструкции – абсолютной и обязательной, не позволяющей ни малейших отклонений – в случае, если со мной произойдет нечто неожиданное для тебя и других. Если я буду внезапно и таинственно сражен болезнью, несчастным случаем или нападением, ты должна точно следовать этим инструкциям. Если я не окажусь в моем кабинете, меня, следует перенести туда как можно быстрее. Даже в случае моей смерти мое тело должно быть помещено туда. С этого момента и до того, как я приду в сознание и смогу сам дать указания или же буду похоронен, меня нельзя оставлять одного – ни на один миг. С наступления ночи до рассвета не менее двух человек должны находиться в комнате. Желательно, чтобы время от времени в комнате появлялась квалифицированная сиделка и записывала любые постоянные или меняющиеся симптомы, показавшиеся ей необычными. Мои поверенные, Марвин и Джукс из «Линкольнзинн», получили подробные наставления на случай моей смерти, и мистер Марвин лично проследит за выполнением моих желаний. Я посоветовал бы тебе, дочь моя, поскольку у тебя нет родственника, к которому можно обратиться, найти себе друга, которому можно доверять, и пусть он либо находится в нашем доме, где с ним мгновенно можно связаться, либо приходит еженощно для помощи по наблюдению. Этот друг может быть как мужчиной, так и женщиной, но в любом случае следует добавить еще одного наблюдателя или помощника противоположного пола. Пойми, в этом суть моего желания – наличие бодрствующих, помогающих моей цели мужчины и женщины. Еще раз напоминаю, дорогая Маргарет, о необходимости вести наблюдения и на их основании делать выводы, какими бы странными они ни показались. Если я заболею или буду ранен, обстоятельства будут необычными, поэтому хочу предупредить тебя, чтобы ты была максимально осторожной.

Ни единого предмета в моей комнате не должно быть убрано или передвинуто. У меня особые причины и цели в размещении каждой вещи, поэтому перестановка может нарушить мои планы.

Если тебе понадобятся деньги или совет по любому вопросу, мистер Марвин выполнит твои пожелания, на что у него есть мои исчерпывающие инструкции.

Абель Трелони

Я прочел письмо дважды, прежде чем высказаться, потому что боялся выдать себя. У меня были основания надеяться стать ее другом, поскольку она просила меня о помощи, едва пришла беда... но у любви свои сомнения. Разумеется, не следует предлагать себя на эту роль, хотя в ее взгляде был явный намек. Впрочем, когда у Маргарет появилась необходимость в чьей-то помощи, разве не послала она за мной, человеком почти незнакомым, если не считать встречи на званом вечере и короткой дневной прогулки на лодке по реке?! Возможно, самолюбие Маргарет будет задето, если она станет просить меня дважды? Нет, в любом случае ее следует от этого избавить. Поэтому, возвращая ей письмо, я сказал:

– Знаю, что вы простите меня, мисс Трелони, если я окажусь чересчур смелым. Несмотря на грустный повод, буду счастлив, получить привилегию стать вашим другом.

Вопреки мучительным попыткам девушки сохранить самообладание краска залила ее лицо и шею; спустя минуту, которая показалась мне вечностью, она тихо ответила:

– Я очень благодарна вам за помощь! – и почти сразу добавила: – Но вы не должны позволять мне проявлять при этом эгоистичность! Я знаю, что у вас много дел, и было бы нечестно распорядиться вашим временем.

– Не беспокойтесь, – поспешил ответить я, – мое время принадлежит вам. Сегодня, после того как улажу все свои дела, я приду сюда и останусь до утра. Впоследствии, если потребуется, постараюсь, чтобы у меня было еще больше времени.

Маргарет смущенно молчала. Я заметил слезы в ее глазах, и она отвернулась. Заговорил де-тектив:

– Я рад, что вы поможете, мистер Росс. С разрешения мисс Трелони я тоже буду в доме, если позволит начальство в Скотленд-Ярде. Сейчас я отправлюсь в управление, а затем – к изготовителям сейфов. Когда я вернусь, вы, мистер Росс, сможете уйти с легкой совестью.

Когда за Доу закрылась дверь, Маргарет подняла глаза и на миг задержала их на мне; после этого я не поменялся бы местами и с королем. Потом она, попросив меня не сводить с отца глаз, поспешила прочь из комнаты.

Через несколько минут девушка вернулась с миссис Грант и двумя слугами, которые несли легкую железную кровать и постельные принадлежности. Маргарет сказала мне:

– Хорошо, если все будет готово к возвращению доктора. Подходящая постель окажется для отца удобней, чем диван. – Затем она придвинула стул поближе к отцу и уселась, наблюдая за ним.

Я обошел комнату, стараясь запомнить все, что увидел. И верно, в комнате хватало вещей, вызывающих любопытство у любого человека даже при менее странных обстоятельствах. Это были восхитительные диковины, большей частью египетские. Комната была огромна, и в ней размещалось большое количество предметов, некоторые из них весьма внушительных размеров. Я все еще осматривал коллекцию, когда внизу зашуршал гравий под колесами. Послышался звонок, и через минуту, постучав в дверь и услышав «войдите!», появился доктор Уинчестер в сопровождении молодой женщины в темном платье.

– Мне повезло! – объявил он. – Я быстро нашел ее, и она свободна. Мисс Трелони, это сиделка Кеннети.

Глава III НАБЛЮДАТЕЛИ

Меня поразило то, как обе молодые женщины посмотрели друг на друга. По-видимому, я настолько привык мысленно оценивать личности свидетелей и делать выводы, исходя из их поступков и манеры поведения, что эта привычка стала частью моей жизни. В данный момент меня волновало все, что касалось мисс Трелони, и, поскольку гостя явно заинтересовала ее, я принялся внимательно рассматривать сиделку. Сравнивая их обеих, я каким-то образом больше узнал о той, что занимала мои мысли. У Маргарет была прекрасная фигура, смуглая кожа и тонкие черты лица. Ее глаза просто завораживали: большие, широко открытые, черные и мягкие, как бархат, они обладали таинственной глубиной, напоминая черное зеркало, в которое заглядывал доктор Ди,² совершая свои колдовские обряды. Во время пикника один старый джентльмен, известный путешественник по Востоку, сравнил их с сиянием ламп мечети, видимым через открытую дверь. Изогнутые черные брови подчеркивали красоту глаз. Волосы у нее тоже были черными, тонкими как шелк – обычно такой цвет волос говорит о большой энергии, отображает стихию сильной натуры, но в данном случае об этом не могло быть и речи. В Маргарет чувствовались утонченность и хорошее воспитание. В ней не было намека на слабость, но сила ее была скорее духовного, чем физического происхождения. Она была само совершенство и гармония. Осанка, фигура, волосы, глаза, полный рот, словно освещавший своими алыми губами и белыми зубами нижнюю часть лица, подобно тому как глаза освещали верхнюю, длинные изящные пальцы и рука с необычайно гибкой кистью – все это создавало женщину, поражающую своей грацией, душевностью, красотой и очарованием. Она никоим образом не была застенчивой. Она управляла домом уверенно и спокойно, как подобает высокородным особам, и это было тем более удивительно, если иметь в виду ее нынешнее состояние.

Сиделка Кеннети, напротив, была невысока ростом, плотного телосложения, с полными руками и ногами. Желто-каштановые густые волосы своим цветом напоминали осеннюю листву, а

²...доктор Ди... – Ди, Джон (1527–1608), математик, придворный алхимик Марии и Елизаветы Тюдор.

золотисто-карие глаза весело искрились на веснушчатом загорелом лице. Курносый нос и крупный рот широкими белыми зубами говорили о добродушной, неугомонной натуре.

Очевидно, по пути сюда доктор Уинчестер сообщил ей все необходимые подробности, и мисс Кеннети без единого слова занялась больным. Осмотрев постель и встряхнув подушки, она обратилась с каким-то вопросом к доктору, и тот дал ей указания; а затем мы вчетвером перенесли Абеля Трелони с дивана на кровать.

Сразу после полудня, когда возвратился сержант Доу, я поспешил в свое жилище на Джермин-стрит и отправил в дом Трелони с нарочным кое-что из одежды, книг и документов, которые могли мне понадобиться в ближайшие дни, затем поехал на службу.

В тот день суд заседал до вечера, и, когда я оказался у ворот дома на Кенсингтон-Палас-Гарденз, уже стемнело, пробило шесть вечера.

Меня поместили в большой комнате рядом с кабинетом мистера Трелони. Мы еще не распределили очередность наблюдения в эту ночь, и поэтому ранним вечером дежурства были неравномерными. Сиделка Кеннети, продежурившая весь день, легла отдохнуть, договорившись прийти снова в комнату больного поздно вечером. Ее сменили миссис Грант и сержант Доу, пожелавший завершить тщательный осмотр комнаты и прилегающих помещений. Доктор Уинчестер, столующийся у мисс Трелони, после ужина заменил их. В девять часов настал наш черед. Мисс Трелони заверила меня, что спала днем, а ночью намерена не сомкнуть глаз и наблюдать. Мы вошли в кабинет на цыпочках, так тихо, что склонившийся над кроватью доктор не услышал нас и заметно вздрогнул, когда поднял глаза и встретился с нами взглядом. Мне показалось, что Уинчестер несколько сердит на себя за мимолетный испуг, потому что он торопливо заговорил, пытаясь преодолеть свое смущение:

– Я абсолютно не в силах найти малейшую причину для ступора. Похоже, все его жизненные органы не повреждены, нет также наружных признаков какой-либо травмы мозга. Я давал больному пищу, и это пошло на пользу. Дыхание у мистера Трелони сильное и ровное, а пульс стал медленнее, но усилился по сравнению с утренним. Я не могу найти следов каких-то известных препаратов, и его бессознательное состояние не напоминает ни один из случаев гипнотического сна, виденных мною в клинике Шарко в Париже. Что касается этих ран, – он осторожно коснулся забинтованной кисти, лежавшей поверх покрывала, – не знаю, как их объяснить. Пределы вероятности допускают, что всему виной было дикое животное, при условии, что оно имело возможность заточить себе когти. Правда, на мой взгляд, это абсурдно. Но кстати, нет ли здесь в доме каких-либо необычных домашних животных, наподобие выдр?

Мисс Трелони улыбнулась печальной улыбкой, при виде которой у меня сжалось сердце, и ответила:

– Ах, нет! Отец не любит животных, разве что мертвых, то есть превращенных в мумии. – В ее словах прозвучал оттенок горечи или ревности. – Даже мой бедный кот отнюдь не желанный гость в этом доме, и, хотя он самое милое и послушное существо на свете, ему не позволено находиться в этой комнате.

В то время как она говорила, послышался слабый звук: кто-то дергал дверную ручку. Лицо Маргарет мгновенно просветлело, девушка метнулась к двери, сообщив на ходу:

– Это он! Это мой Сильвио. Представляете, он встает на задние лапы и теребит дверную ручку, когда хочет войти в комнату. – Она открыла дверь и обратилась к коту, словно к ребенку: – Хочешь сюда, малыш?

Никогда не видел более красивого «перса», да еще такого редкого шиншиллового окраса! Взяв кота на руки, мисс Трелони вернулась к нам. Это был огромный зверь с надменными манерами и могучими лапами, цепко стоящими на земле. Маргарет стала ласкать его, но Сильвио, завертевшись ужом, вдруг выскользнул из ее рук. Перебежав через комнату, он встал напротив низкого стола, на котором находился саркофаг с мумией кошки,³ и начал мяукать и рычать. Маргарет поспешила к коту и вновь взяла его на руки, несмотря на попытки «перса» вырваться. Впрочем, он

³ Кошка – священное животное богини радости и веселья Баст. В центре культа Баст, городе Бубастисе, существовал некрополь, где были захоронены мумии кошек.

не кусался и не царапался, очевидно, не желая причинить боль прекрасной хозяйке, и даже прекратил громко мяукать.

– Что за несносный Сильвио! Разве можно так себя вести? Пожелай доброй ночи джентльменам и отправляйся ко мне в комнату!

С этими словами она протянула мне кошачью лапу для пожатия. Я не мог не восхититься ее величиной:

– Эта лапа напоминает боксерскую перчатку с когтями.

Девушка улыбнулась.

– Смотрите, у моего Сильвио семь пальцев!

Она раскрыла лапу кота. И в самом деле, на ней было семь когтей. Я осторожно погладил лапу, но один из когтей случайно – потому что кот отнюдь не сердился, а дружелюбно мурлыкал – вонзился мне в руку. У меня невольно вырвалось:

– Э, да у него когти как бритвы!

Услышав мое восклицание, доктор подошел к нам поближе, наклонился и внимательно осмотрел кошачьи когти. От моего внимания не ускользнул его тихий возглас изумления. Уинчестер достал из кармана блокнот, вырвал оттуда лист бумаги и положил его себе на ладонь. Коротко извинившись перед мисс Трелони, он поместил на него кошачью лапу и прижал ее сверху другой рукой. Похоже, коту не понравилась эта фамильярность, и он попытался убрать лапу, проделав несколько прорезей в мягкой бумаге, чего, собственно, доктор от него и добивался. Затем мисс Трелони унесла своего любимца и вернулась через несколько минут.

– Странно! Когда Сильвио оказался в этой комнате впервые, – я принесла его показать отцу, – он, вспрыгнув на стол, также попытался поцарапать или укусить мумию кошки. Отец рассердился и запретил бедняге Сильвио здесь появляться.

Тем временем Уинчестер снял повязку с кисти Абея Трелони; порезы расчертили ее ярко-красными линиями. Доктор приложил к ним бумагу с разрывами, сделанными кошачьими когтями. Прорезы в бумаге соответствовали ранам на кисти! Объяснение было излишним. Долгую минуту в комнате царил молчание, которое неожиданно прервала мисс Трелони:

– Но Сильвио не был здесь прошлой ночью!

– Вы уверены? И смогли бы доказать это?

Девушка, помедлив, ответила:

– Я уверена в этом, но, боюсь, это трудно доказать. Сильвио спит в корзине в моей комнате. Хорошо помню, как положила его туда прошлой ночью, укрыла одеяльцем и подоткнула края. А сегодня утром я сама вынула его из корзины. И конечно, я не заметила его здесь, потому что на самом деле мне было не до того, чтобы уделять внимание Сильвио.

Покачивая головой, доктор печальным тоном произнес:

– Во всяком случае, доказать что-либо нельзя. Любой кот на свете уже очистил бы следы крови со своих лап, причем сделал бы это не меньше сотни раз за истекшее время.

Мы снова замолчали, и вновь первой заговорила Маргарет:

– Но, по-моему, Сильвио все же никак не мог поранить отца. Моя дверь была закрыта, когда я впервые услышала шум, и дверь отца – тоже, когда я оказалась рядом с ней. А когда я вошла, отец уже был ранен, значит, это произошло до того, как туда мог попасть Сильвио.

Подобное рассуждение, если рассматривать его с точки зрения барристера, вполне могло удовлетворить присяжных. Хозяйка Сильвио явно обрадовалась моим словам: «Вердикт: не виновен!» Я тоже получил откровенное удовольствие, произнося это, возможно потому, что кот был любимцем мисс Трелони. Счастливчик!

Уинчестер, помолчав, произнес:

– Приношу извинения Сильвио, но я все же озадачен его гневом. А к другим мумиям в этом доме он относится так же? У входа в холле я видел три штуки.

– Здесь их множество, – ответила Маргарет. – Иногда я не знаю, где нахожусь – в частном доме или в Британском музее. Но Сильвио не интересуется ни одной из них – полагаю, из-за того, что это не мумии животных.

– Согласен, – кивнул доктор. – Взгляните, как хороша эта мумия кошки. Не будь она лю-

бимицей некой важной особы, ее никогда не удостоили бы такой чести. Она помещена в раскрашенный саркофаг, и у нее обсидиановые глаза – в точности как у человеческой мумии. Но что интересно: мертвой кошке, по-видимому, четыре или пять тысяч лет, и кот, родившийся практически в другом мире, готов наброситься на нее, словно на живую. Мисс Трелони, если вы не возражаете, мне хотелось бы немного поэкспериментировать с этой мумией.

Чуть помедлив, Маргарет ответила:

– Конечно, делайте все, что сочтете нужным, но, надеюсь, это не причинит вреда или беспокойства моему бедному Сильвио.

– О, с ним все будет в порядке.

– Поясните подробнее.

– Просто раздобуду мумию-кошку наподобие этой – полагаю, на Музейной улице их предостаточно – и поставлю здесь. Надеюсь, вы не посчитаете это нарушением инструкций вашего отца. И тогда мы сможем, по крайней мере, узнать, питает ли Сильвио неприязнь ко всем мумиям-кошкам или же именно к этой.

– Не знаю, – неуверенно пожала плечами мисс Трелони. – Инструкции отца не допускают никаких компромиссов. Однако обстоятельства требуют, чтобы было сделано все для его пользы. Полагаю, с этой мумией не может быть связано ничего особенного.

Доктор Уинчестер промолчал. Он застыл на стуле с таким мрачным видом, что в какой-то степени его настроение передалось мне, и я только сейчас начал осознавать необычность дела, в котором принял столь глубокое участие. Надо сказать, окружающая обстановка порождала странные мысли. Диковинные предметы невольно заставляли задуматься о древних государствах и давно прошедших временах. Комната была слабо освещена, поэтому ее углы заполняли причудливые тени. Ощущение чьего-то незримого присутствия порой овладевало мною с такой силой, что я непроизвольно и испуганно оглядывался, и в такие минуты меня не могло полностью успокоить даже присутствие доктора и мисс Трелони.

Стоит ли объяснять, какое облегчение я испытал, когда к нам присоединилась сиделка Кеннети. Несомненно, эта уверенная в себе и такая земная женщина сразу же вернула нас в настоящее из мира иллюзий, принеся с собой ощущение безопасности, едва она только переступила порог таинственной комнаты. Вплоть до этой минуты я так окружил больного своими фантазиями, что в конечном итоге все относящееся к нему потеряло связь с настоящим. Но появление рыжеволосой женщины вновь сделало мистера Трелони ее пациентом, комната стала палатой для больного, а тени перестали пугать. Единственное, что не поддавалось устранению, это необычный запах. Можете поместить мумию в стеклянный футляр и герметично запечатать его, но она по-прежнему будет источать свой аромат. Может показаться, что четыре или пять тысячелетий истощают действующие на обоняние свойства любого предмета, тем не менее, эти запахи живут и тайны их нам неизвестны.

И все-таки, неужели ароматы египетских древностей так подействовали на мои нервы, мою память – и на саму волю? Тогда... могло ли случиться, что Абель Трелони, проживший полжизни или больше в этой атмосфере, медленно, но постоянно допускает в свой организм нечто насыщающее его до такой степени, что это превращается в какую-то неведомую силу или власть над ним?

Мне следовало быть осторожным, чтобы не заснуть, и не мешало бы освободиться от погружавших в транс мыслей. Прошлой ночью я проспал лишь часа четыре и в эту ночь также должен не сомкнуть глаз. Не объявляя о своем намерении, так как это могло добавить огорчения и смущения Маргарет, я поспешно покинул дом. Вскоре я нашел лавку аптекаря, купил там респиратор и вернулся. Было десять часов, и доктор как раз покидал нас. Сиделка провожала его до дверей особняка, выслушивая последние наставления. Я вошел в комнату. Мисс Трелони неподвижно сидела возле постели, неподалеку от нее находился сержант Доу.

Когда к нам присоединилась сиделка Кеннети, мы решили, что она с сержантом подежурит до двух, а затем их сменим мы с Маргарет. Итак, согласно инструкциям мистера Трелони, в комнате всегда будут находиться мужчина и женщина, и каждый из них покинет ее, только дождавшись своей смены.

Я лег на диван в отведенной мне комнате, договорившись с одним из слуг, чтобы он разбу-

дил меня около двенадцати. Через минуту-другую я заснул, а когда проснулся, то несколько секунд приходил в себя, с трудом вспоминая, где нахожусь. Впрочем, даже короткий сон пошел мне на пользу, и теперь ситуация казалась мне не такой затруднительной, нежели раньше вечером. Умывшись холодной водой, я направился в спальню мистера Трелони. Сиделка с невозмутимым видом находилась возле постели, а детектив расположился в кресле на другом конце комнаты, в полутьме. Он не пошевелился, пока я не подошел к нему, и затем глухо произнес:

– Все в порядке, я не спал!

Попробуем поверить, подумал я и сказал сержанту, что его дежурство закончено и он может идти спать, пока я не разбужу его в шесть. Казалось, Доу обрадовался и живо направился к выходу, но у двери замешкался и, обернувшись ко мне, тихо произнес:

– Я сплю чутко и буду держать под рукой свои пистолеты. Надеюсь, тяжесть в голове исчезнет, когда я освобожусь от этого запаха мумий.

На мой вопрос, не нужно ли ей чего, сиделка отрицательно покачала головой. От моего внимания не ускользнул флакон с нюхательной солью на коленях у женщины. Несомненно, и она ощущала воздействие запаха. Мне не хотелось, чтобы она заметила респиратор, поэтому я направился к креслу в углу за ее спиной. Здесь я спокойно надел его и устроился поудобнее.

Некоторое время я сидел, размышляя о странном запахе; кстати, сама мысль о том, что я, благодаря респиратору, не чувствую его, доставляла мне большое удовольствие. Отсутствие тревоги успокоило мой мозг, и случилось так, что во сне или наяву ко мне пришло видение.

Я по-прежнему находился в комнате и сидел в кресле. На мне был надет респиратор, и я знал, что дышу свободно. Сиделка располагалась спиной ко мне; Абель Трелони лежал неподвижно, словно мертвый. Откуда-то издалека доносились звуки города: частый стук колес, выкрики загулявшего кутилы, дальнее эхо свистков. В комнате имелся только один источник света – лампа с зеленым абажуром, поэтому помещение опять наполнили таинственные тени. Спустя некоторое время послышалось слабое мяуканье кошки, затем шорох штор и металлический звон, как при слабом ударе металла о металл. Я сидел как зачарованный, не в силах двинуть рукой или ногой, постепенно погружаясь в трясину кошмарного сна.

И вдруг – возвращение к реальности! Яркий свет на мгновение ослепил меня, в ушах зазвонел отчаянный крик. Послышались пистолетные выстрелы – один, другой... Когда зрение мое полностью восстановилось, я едва не вскрикнул от ужаса при виде того, что предстало моим глазам.

Глава IV ВТОРАЯ ПОПЫТКА

Тени исчезли под ярким светом многих ламп, и каждая вещь приобрела четкий и реальный облик. У пустой кровати по-прежнему сидела Кеннети, всем своим видом напоминая каменное изваяние. На лице у нее не было ни страха, ни ужаса, в глазах – ни удивления, ни интереса, женщина превратилась в существо, абсолютно безразличное к окружающему миру. Постельное белье было разбросано, будто больного вытащили из-под простынь, на полу валялись бинты. Что касается мистера Трелони, то он оказался почти на том же месте, где его нашли предыдущей ночью, – у огромного сейфа. На него опять напали, причем опять попытались отрезать руку – очевидно, чтобы снять браслет. Со стены был снят тяжелый нож «кукри» – такое оружие используют горные племена Индии, и теперь он валялся рядом с неподвижным телом. Сбоку от мистера Трелони стояла на коленях Маргарет, и ее белую ночную рубашку покрывали пятна крови. Посредине комнаты полуодетый сержант Доу с ошеломленным видом перезаряжал свой револьвер. Судя по всему, он не совсем проснулся и не отдавал себе отчет в том, что происходит. Несколько слуг со всевозможными светильниками в руках теснились в дверях.

Когда я поднялся с кресла и шагнул вперед, Маргарет, взглянув на меня, пронзительно закричала и вскочила на ноги. Насколько я понял, мое лицо, которое все еще прикрывал респиратор, и взъерошенные после сна волосы действовали на нее устрашающе. Кстати сказать, сама девушка в белой рубашке, испачканной в крови, стекавшей на ее босые ноги, тоже вызывала неволь-

ную дрожь. Так как я всего лишь спал и к тому же был в респираторе, меня не коснулось странное воздействие, поразившее мистера Трелони, сиделку Кеннети и в меньшей степени сержанта Доу. Поэтому я успел предотвратить другую катастрофу, потому что полуневменяемый детектив уже целился в меня. Он действовал машинально, и в его красных полусонных глазах не было даже намек на осознанное действие. Но я успел сорвать респиратор и криком предупредить его. Как ни странно, напряжение этой ситуации было снято довольно простым способом: миссис Грант, видя, что на юной леди надета одна лишь ночная рубашка, отправилась за халатом и, принеся его, набросила ей на плечи. Этот обычный жест вернул нас в реальность, и все как один занялись самым безотлагательным делом, а именно остановкой кровотечения из руки раненого. Урок прошлой ночи не был потерян даром: теперь мы знали, что делать в подобном случае. После перевязки мистер Трелони был поднят на диван, где он лежал вчера, и затем наше внимание переключилось на сиделку. Во время всей этой суматохи она ни разу не шевельнулась и продолжала сидеть на стуле, сохраняя спокойное, естественное дыхание и безмятежную улыбку. Поскольку предпринимать что-либо до прихода доктора было явно неразумно, мы с Доу принялись делиться своими соображениями по поводу положения в целом.

Тем временем миссис Грант увела с собой юную хозяйку дома и помогла ей переодеться. Когда Маргарет вернулась, она выглядела немного спокойнее, хотя ее руки мелко дрожали, а лицо было белым как мел. Я видел, как девушка, прежде всего, посмотрела на отца, а затем ее взгляд бежал комнату, то и дело, останавливаясь на каждом из присутствующих, как будто в поисках утешения. Для меня было очевидным, что Маргарет не знала, с чего начать и кому довериться, и, чтобы ее успокоить, я сказал:

– Со мной уже все в порядке, я просто заснул.

Чуть задыхаясь, мисс Трелони тихо ответила:

– Просто заснул! Но мой отец оказался в опасности! А ведь я доверилась вам!

Я ощутил укол правды в ее упреке, но, тем не менее, продолжал:

– Да, просто заснул. Это весьма плохо, я знаю, но дело обстоит не так уж просто. Не прими я определенных предосторожностей, то сейчас напоминал бы нашу сиделку.

Маргарет живо глянула на зловещую фигуру, похожую на раскрашенную статую, и черты ее лица смягчились. С обычной своей прямоотой она извинилась:

– Простите меня! Не хотела быть грубой, но я так расстроена и напугана... Едва понимаю, что говорю. Ах, как это ужасно – каждую минуту опасаться новой беды!

Эти слова болью отозвались в моем сердце, и я попытался ее утешить:

– Возможно, когда-нибудь эти события будут нам понятны, но сейчас давайте попытаемся хоть как-то объяснить случившееся. Расскажите мне все, что помните!

Пожалуй, мое предложение несколько оживило девушку. Немного успокоившись, Маргарет заговорила:

– Я спала и внезапно проснулась из-за ужасного чувства, что отцу грозит большая опасность. Вскочив с постели, я даже не набросила на себя халат и побежала в его комнату. Там была кромешная тьма, но, когда я открыла дверь, света оказалось достаточно, чтобы я увидела белевщую ночную рубашку отца и поняла, что он лежит возле сейфа, на том же месте, где и в первую ужасную ночь. Затем я, кажется, на миг обезумела. – Маргарет вздрогнула.

Я встретился взглядом с сержантом Доу, все еще крутившим в руках револьвер, и спокойно предложил ему:

– А теперь расскажите нам, куда вы стреляли?

Полицейский некоторое время собирался с мыслями, и в этом ему помогла привычка подчиняться приказам, затем, оглядев оставшихся в комнате слуг, сказал с важностью, присущей представителю закона:

– Вам не кажется, сэр, что мы должны позволить слугам уйти?

Я одобрительно кивнул, слуги поняли намек и удалились, хотя и неохотно. Когда последний из них закрыл за собой дверь, сержант продолжил:

– Пожалуй, я лучше расскажу вам о своих впечатлениях, сэр, чем просто перечислю мои действия, насколько я помню их.

В его манерах появилось глубокое почтение, вероятно возникшее из-за того, что собственное положение казалось ему довольно неловким.

– Я, не раздеваясь, лег спать, положив револьвер под подушку. Не знаю, как долго я проспал, – меня разбудил крик, хотя я не уверен в этом, потому что чувствовал тяжесть в голове. Первое, о чем я подумал, был револьвер. Схватив его, я выскочил в коридор, где теперь уже действительно услышал вопль или, скорее, зов о помощи, и вбежал в эту комнату. Здесь было темно, и единственный свет проникал из коридора через открытую дверь. Мисс Трелони – это она кричала – стояла на коленях возле своего отца. Мне показалось, будто кто-то движется между мною и окном, и я выстрелил. Нечто немного продвинулось вправо и оказалось между окнами – я снова нажал на курок. Затем вы поднялись с кресла и... Мне показалось – ведь я с трудом соображал, наполовину проснувшись, поэтому, сэр, непременно примите это в расчет, – показалось, будто вы и есть это самое существо, в которое я стрелял. Так что я собрался выстрелить снова, но вы сняли респиратор.

Я постарался как можно точнее сформулировать вопрос:

– Вы говорите, я показался вам тем существом, в которое вы стреляли. Каким существом?

Сержант озадаченно почесал в затылке, но не ответил.

– Продолжайте, – настаивал я. – Что это за существо и как оно выглядело?

– Не знаю. Мне показалось, будто там кто-то был, но кто это и на кого похоже это существо, я не имею ни малейшего понятия. Наверное, всему виной мои мысли о пистолете перед тем, как заснуть, а также то, что я примчался сюда, ничего не соображая, едва проснувшись, – обратите на это внимание, сэр. – Он цеплялся за свое объяснение, словно за спасательный круг.

Мне не хотелось портить с ним отношения; напротив, такой союзник вовсе не оказался бы лишним. К тому же не следовало забывать и о собственном промахе, поэтому я обратился к нему как можно более мягким тоном:

– Не волнуйтесь, сержант! Вы действовали правильно, поэтому давайте, пока события свежи, вернемся на то место, где вы стояли, и проследим траекторию ваших пуль.

Сразу за креслом, в котором совсем недавно сидел я, чуть позади стоял высокий инкрустированный перламутром шкафчик. Стекло дверца была разбита, и я спросил:

– Сюда угодила ваша первая пуля или вторая?

Ответ последовал немедленно:

– Вторая. Первая попала вон туда!

Он указал чуть левее, поближе к стене, где стоял огромный сейф. Проследив направление его руки, я подошел к низенькому столу, на котором среди прочих диковин находилась мумия кошки, вызвавшая гнев Сильвио. Пуля разбила стеклянную вазочку и чашу из черного базальта с изящной гравировкой.

Что касается шкафчика, в который угодила вторая пуля, он, очевидно, служил для хранения ценных диковин, потому что в нем находились несколько золотых скарабеев⁴ и изящных поделок из зеленой яшмы, аметиста, лазурита, опала и сине-зеленого фарфора. К счастью, ни одна из этих вещей не пострадала. Мое внимание привлекли фигурки павиана, шакала, сокола и человека⁵ около изящной золотой фигурки бога с головой сокола;⁶ эти древние диковины обладали тем же странным запахом, и на меня через разбитое стекло повеяло специями, смолой и битумом, причем сильнее, чем от других предметов, находившихся в комнате.

Я настолько утратил чувство времени, что удивился, заметив, как посветлело снаружи, и в этот момент миссис Грант подошла к окнам и подняла жалюзи.

Трудно было представить себе нечто более призрачное, нежели эта комната, когда в нее проник слабый свет раннего утра – без розоватого оттенка, появлявшегося на рассвете в восточной

⁴ Для древних египтян скарабей являлся символом жизни и солнца.

⁵ Фигурки изображают сыновей бога Гора – Дуамутефа, Хани, Кебексенуфа и Амсета. Эти боги участвуют в бальзамировании умершего и хранят его внутренности в особых сосудах – канопках.

⁶ Гор – бог неба и света. Изображался в виде сокола, человека с головой сокола или крылатого солнца.

части неба, поскольку окна выходили на север. Электрические лампы казались тусклыми, однако каждая тень обрела особую четкость и насыщенность. Все было резким и невыразимо унылым; лицо бесчувственного человека на диване приобрело желтоватый оттенок, а лицо сиделки – зеленый из-за колпака находившейся рядом лампы. Фарфоровая бледность мисс Трелони заставила мое сердце болезненно сжаться. Неужели сюда никогда не вернуться краски жизни и счастье?..

Не сомневаюсь, что присутствующие испытали самое настоящее облегчение, когда в комнате появился задыхающийся от бега доктор. Уинчестер задал лишь один вопрос:

– Кто-нибудь может сказать, каким образом была получена эта рана?

Видя, как все качают головами под его взглядом, он с мрачным видом склонился над искалеченной рукой Абея Трелони. Всего лишь на секунду доктор поднял глаза на неподвижно сидевшую женщину, но тут же вновь занялся раной, и хмурые морщинки прорезали его лоб. В комнате царило молчание, прерываемое отрывистыми просьбами Уинчестера о помощи в тех случаях, когда ему нужен был какой-то инструмент. Наконец закончив свою работу, он спросил у Маргарет:

– Что случилось с мисс Кеннети?

– Не знаю. Я обнаружила ее, войдя в комнату в половине третьего, сидящей точь-в-точь как сейчас. Мы не трогали ее и не меняли ее положения. Она так и не просыпалась. Даже пистолетные выстрелы сержанта Доу не разбудили ее.

– Пистолетные выстрелы? Так значит, вы обнаружили нападавшего?

Все молчали, и я решил ответить:

– Мы никого не обнаружили. Я находился в комнате, дежуря вместе с сиделкой. Еще в начале вечера мне показалось, будто запахи в комнате действуют на меня усыпляюще, и поэтому я решил воспользоваться респиратором. Я надел его, когда пришел на дежурство, но все равно заснул. Очнувшись, я увидел, что комната полна людьми: здесь были мисс Трелони, сержант Доу и слуги. Мисс Кеннети сидела на своем стуле в той же позе, что и раньше. Сержант Доу, находясь под действием запаха, или гипноза, или... словом, я не знаю, как определить это влияние, вообразил, что видит нечто движущееся в полутьме комнаты, и дважды выстрелил. Он, кстати, собрался стрелять и третий раз, так как не узнал меня в респираторе, но, к счастью, я успел назвать себя. Мистер Трелони лежал на том же самом месте, что и прошлой ночью, – на полу рядом с сейфом, и из новой раны на его кисти струилась кровь. Мы подняли его на диван и наложили жгут. До ножа никто не дотрагивался, он так и лежит в луже крови.

Доктор Уинчестер погрузился в размышления, затем сказал:

– Происшествия нынешней ночи так же таинственны, как и те, что случились прошлой ночью...

– Верно, – кивнул я.

Он помолчал, затем повернулся к Маргарет и добавил:

– Пожалуй, лучше перенести сиделку Кеннети в другую комнату. Полагаю, для этого нет никаких препятствий?

– Конечно! Пожалуйста, миссис Грант, подготовьте комнату и распорядитесь отнести туда сиделку.

Экономка немедленно покинула нас и, вернувшись через несколько минут, объявила:

– Комната готова, и люди уже здесь.

Двое слуг вошли в комнату и, подняв одеревенелое тело женщины, вынесли ее из комнаты под бдительным присмотром доктора. Маргарет оставалась со мной, а миссис Грант отправилась с доктором в комнату, предназначенную сиделке. Едва за ними закрылась дверь, девушка подошла ко мне и, взяв мои руки в свои, сказала:

– Надеюсь, вы забудете о моих словах. Я не хотела обидеть вас, а просто была очень расстроена.

Я ничего не ответил, но поднес ее руки к губам и почтительно поцеловал их. Затем мы подошли к дивану. Рассвет уже заметно набрал силу, и, глядя на неподвижное лицо мистера Трелони, напоминавшее при свете утра маску, я еще раз утвердился в мысли, что за событиями последних двадцати шести часов кроется тайна. Знал ли о ней этот обладатель широкого лба, кустистых бровей и массивной челюсти? Пока я со вниманием настоящего физиономиста изучал застывшие

черты лица Абея Трелони, мною вновь овладело ощущение надвигавшегося сна, как это случилось прошлой ночью. Однако я твердо держался за настоящее, чему в немалой степени способствовало то, что Маргарет, прижавшись к моему плечу, тихо заплакала. Какие-либо слова здесь не имели значения, мы поняли друг друга, и девушка не отстранилась, когда я положил ей руку на плечо, словно старший брат, утешающий младшую сестру в ее детских обидах. То, что я взял на себя роль защитника, усилило мою решительность и, похоже, очистило мозг от смутных мыслей. Кстати, у меня хватило сообразительности убрать руку с ее плеча, когда у двери послышались шаги доктора.

Войдя в комнату, Уинчестер пристально посмотрел на больного, прежде чем заговорить. Брови его были нахмурены, а губы плотно сжаты. Наконец он медленно, точно размышляя, произнес:

– Мне кажется, что ваш отец и сиделка подверглись одному и тому же воздействию. Правда, в случае с мисс Кеннети кома не столь выражена, поэтому мы сможем добиться успеха быстрее. Я поместил ее на сквозняке, и уже заметны признаки обычного обморока, хотя и весьма слабые. Одеревенение уменьшилось, и кожа кажется более чувствительной – или, скорее, менее нечувствительной к боли.

– Как вы думаете, – спросил я, – почему тело мистера Трелони не было одеревенелым?

– На ваш вопрос я не могу ответить. Но рано или поздно мы узнаем диагноз. Это полезный урок нам и, возможно, тем, кто придет после нас! – добавил он с искренним жаром человека увлекающегося.

На протяжении утра доктор постоянно курсировал между двумя комнатами, наблюдая за обоими своими пациентами. Миссис Грант он приказал приглядывать за сиделкой, а с хозяином дома постоянно была его дочь или я, чаще мы оба. Тем не менее, мы смогли помыться, переодеться и даже позавтракать, пока доктор с миссис Грант заменяли нас у постели мистера Трелони.

Сержант Доу отправился в Скотленд-Ярд доложить о событиях прошлой ночи, а затем в ближайший участок для того, чтобы встретиться там с Джонни Райтом, о котором говорил старший офицер Долан. Когда он вернулся, я по его несколько смущенному виду предположил, что ему здорово досталось за стрельбу в комнате без надлежащего повода. Его фраза несколько прояснила для меня этот вопрос:

– Хороший характер кое-чего стоит, сэр, что бы там ни говорили. Вот, посмотрите, у меня не отобрали оружие!

День выдался напряженным, на его исходе сиделке стало заметно лучше. Мисс Кеннети по-прежнему дышала спокойно и ровно и не пугала неподвижностью статуи, а всем своим обликом напоминала спокойно спящего человека. Поздним вечером явились приглашенные доктором две сиделки, одна из которых должна была оставаться с Кеннети, а другая – разделить ночное наблюдение с Маргарет, отказавшейся покинуть отца. Готовясь к дежурству, девушка проспала несколько часов днем. Мы договорились о дежурстве в комнате мистера Трелони. Миссис Грант должна была оставаться с ним до двенадцати, после чего ее сменит мисс Трелони. Новая сиделка должна была находиться в комнате Маргарет и навещать своего подопечного каждые четверть часа. Доктор останется до двенадцати, а затем его сменю я. Детектив на протяжении ночи должен быть неподалеку от комнаты и периодически заходить в нее, проверяя, все ли в порядке. Таким образом, организовав двойное наблюдение, мы предполагали избежать повторения событий прошлой ночи.

Когда зашло солнце, всех охватило странное угрюмое волнение, и каждый по-своему приготовился к бодрствованию, причем по совету доктора все без исключения обзавелись респираторами.

Глава V ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ИНСТРУКЦИИ

Придя на дежурство в половине двенадцатого, я обнаружил в комнате образцовый порядок. Новая сиделка со строгим видом расположилась на том же стуле у постели мистера Трелони, что и мисс Кеннети прошлой ночью. Чуть поодаль, между кроватью и сейфом, расхаживал доктор Уин-

честер, он на редкость комично выглядел в закрывавшем нос и рот респираторе. Задержавшись на пороге, я услышал тихий звук, оглянулся и увидел нового детектива. Джонни Райт кивнул, приложил палец к губам и бесшумно удалился. Я, ощущая себя часовым на посту, занял стул снаружи у двери, пока что не испытывая желания попасть под таинственное воздействие, как это случилось прошлой ночью. Разумеется, мои мысли вращались вокруг недавних событий, я то и дело приходил к странным заключениям, выводам и догадкам, однако чувство реальности не покидало меня. Казалось, прошло совсем немного времени, когда совершенно неожиданно для меня дверь из комнаты распахнулась и в коридор шагнул доктор Уинчестер, снимая на ходу респиратор.

– Я ухожу, – произнес он, – и приду рано утром, разумеется, если за мной не пошлют раньше.

Сержант Доу не заставил себя ждать (он сменил доктора), а я по-прежнему оставался снаружи, через каждые десять минут заглядывая в комнату. Пустая формальность, надо сказать, так как в темноте ничего не было видно.

Ближе к полуночи ко мне присоединилась Маргарет. Она спросила меня, не случилось ли что-нибудь особенное, и была вполне удовлетворена отрицательным ответом. Прежде чем пойти к отцу, девушка навестила мисс Кеннети, и мне показалось, что после визита к спящей сиделке она, если можно было так сказать, слегка повеселела. Надев респираторы, мы вошли в комнату. Детектив и сиделка поднялись нам навстречу, и мы заняли их места.

Комнату освещала единственная лампа, она отбрасывала белый круг на потолок, окрашивая в изумрудный цвет нижние края абажура. Черные силуэты теней, как и прошлой ночью, заполняли углы. Ночные звуки, доносившиеся с улицы, усиливали таинственность, царившую в словно окутанной черным покровом комнате. Я не чувствовал ни малейшей сонливости и, тихо приближаясь раз в десять минут к постели мистера Трелони, видел, что его дочь не спускает с него глаз. Каждые четверть часа то один, то другой полисмен заглядывал через приоткрытую дверь.

Время шло, и круг света по-прежнему оставался на потолке, но был уже не столь ярким, а края колпака лампы напоминали скорее нефрит, нежели изумруд. Из коридора послышался серебряный перезвон часов: они пробили дважды, и почти сразу меня охватило странное ощущение. Судя по движению Маргарет – она настороженно оглядывалась по сторонам, – девушка испытывала похожее чувство. Детектив только что заглядывал, таким образом, мы остались с нею вдвоем у бесчувственного Абея Трелони на четверть часа.

Мое сердце сильно заколотилось, и тело сковал страх: мне показалось, что кто-то, неслышно ступая, вошел в комнату и его присутствие теперь ощущалось рядом. Что-то задело мою ногу. Преодолевая оцепенение, я торопливо опустил руку – и коснулся шелковистой спины кота. Со слабым, еле слышным рычанием животное провело когтистой лапой по моей руке. Тихо поднявшись, я подошел к постели больного. Мисс Трелони вскочила при моем приближении, глаза ее обезумели, и она тяжело дышала, будто от нехватки воздуха. Когда я коснулся ее, она едва ли почувствовала это, продолжая двигать руками перед собой, словно отгоняя что-то невидимое.

Нельзя было терять ни минуты: схватив ее на руки, я бросился к двери, широко распахнул ее и шагнул в коридор с громким криком:

– Помогите! Помогите!

На мой призыв почти мгновенно откликнулись двое детективов, миссис Грант и сиделка. Следом за ними прибежали несколько слуг, женщин и мужчин. Я положил девушку на диван в соседней комнате, предоставив заботиться о ней миссис Грант, и бросился назад, в кабинет хозяина дома. Сержант Доу и сиделка последовали за мной.

Мы успели как раз вовремя. Рядом с большим сейфом, как и в предыдущие две ночи, лежал мистер Трелони, вытянув левую, забинтованную руку. Сбоку от него я заметил воткнувшийся в паркет египетский нож в форме листа – раньше оружие находилось среди диковин в разбитом шкафчике. В комнате все оставалось на своих местах, никаких признаков кого-либо или чего-либо необычного. Мы с полисменом тщательно обыскали ее, а тем временем сиделка и двое слуг снова уложили раненого на кровать. Вскоре Маргарет вернулась в комнату. Она была бледной, но, судя по всему, самообладание вернулось к ней. Подойдя ко мне, девушка тихо сказала:

– Я почувствовала, что теряю сознание и... Вы ранены! Посмотрите, ваша рука в крови!

Мисс Трелони схватила меня за руку и поднесла ее к глазам. Увидев параллельные линии царапин, она не смогла сдержать крик:

– Это та же рана, что и у отца! – Затем, осторожно, но быстро опустив мою руку, она обратилась ко мне и сержанту Доу: – Идемте в мою комнату! Сильвио там, он в своей корзине.

Мы последовали за ней и обнаружили кота сидящим в корзине и тщательно облизывающим лапы. Маргарет наклонилась и взяла одну из его передних лап в ладонь, но Сильвио это явно не понравилось, и он зарычал. Тут в комнату вошла миссис Грант. Увидев, что мы смотрим на кота, она сказала:

– Сиделка – сестра Дорис – утверждает, что Сильвио спал на постели Кеннети, он явился туда сразу после того, как вы вошли в комнату хозяина. Еще она говорит, что женщина стонет и бормочет во сне, словно ей приснился кошмар. Думаю, пора пригласить доктора Уинчестера.

– Пошлите за ним немедленно! – попросила Маргарет, и мы вернулись в комнату Абея Трелони.

Девушка некоторое время стояла, молча, сдвинув брови, затем, очевидно приняв решение, обратилась ко мне:

– Вам не кажется, что нам следует созвать консилиум? Конечно, я полностью доверяю доктору Уинчестеру; похоже, у этого человека острый ум. Но все же он молод, а нам нужны те, кто обладают большим количеством знаний и опытом, – именно эти качества помогут им определить, что случилось с моим бедным отцом. Ах! Все это так ужасно!

На ее глазах показались слезы, и я, как мог, постарался утешить ее.

Снизу донесся голос доктора – Уинчестер прибыл, как всегда, быстро. Прежде всего он намеревался посетить хозяина дома, но, узнав, что тот не получил новых ран, сперва отправился к сиделке Кеннети. Увидев ее, доктор облегченно вздохнул. Взяв полотенце, Уинчестер окунул его кончик в холодную воду и легко провел им по ее лицу. Спящая чуть пошевелилась. Тогда новой сиделке, сестре Дорис, были даны следующие указания:

– Она проснется самое большее через несколько часов. Может быть, вначале у нее будет кружиться голова или с ней приключится истерика. В таком случае... – Дальше доктор перешел на медицинскую терминологию.

– Да, сэр! – послушно кивнула Дорис, и мы пошли к мистеру Трелони.

Едва мы вошли, миссис Грант вместе с сиделкой покинули комнату, оставив нас наедине с хозяином дома. Когда дверь за ними закрылась, доктор попросил меня рассказать о недавних событиях. Я постарался не пропустить ни единой мелочи. Мое не слишком долгое повествование прерывалось его вопросами о том, кто при этом присутствовал и в каком порядке каждый из нас приходил в комнату. Он спросил и о других вещах, но они показались мне не слишком важными и такие подробности не удержались в моей памяти. По окончании нашего разговора он весьма решительно обратился к Маргарет:

– Полагаю, мисс Трелони, только моими знаниями здесь не обойтись. Давайте соберем консилиум.

Она ответила сразу же:

– Рада, что вы пришли к такому выводу, и полностью согласна с вами. Кого вы можете предложить?

– А вы? – спросил он. – Кого-нибудь, кто знает вашего отца? Его никто не консультировал?

– Мне об этом неизвестно. Но я надеюсь на вас – выберите того, кого считаете лучшим. Моему дорогому отцу необходимо срочно оказать помощь, и я буду глубоко признательна вам.

– Есть несколько хороших специалистов, но все они рассеяны по всему свету. Как ни странно, специалистами по мозгу рождаются, а не становятся, хотя для окончательного совершенствования в этой работе необходим тяжелый труд. Самый смелый исследователь на сегодняшний день – японец Чиуни, но он, скорее хирургический экспериментатор, нежели практик. Кроме него есть Цаммерфест из Упсалы, Фенелон из Парижского университета и Морфесси из Милана. Но на первое место я бы поставил Фрере из Королевского колледжа. Он лучше всех названных сочетает теорию и практику, обладает огромным опытом. Для всех нас, кто восхищается им, большая жалость, что столь стойкие нервы и проворные руки подвержены влиянию времени. Со своей сторо-

ны я предпочел бы Фрере любому другому.

– В таком случае, – решительно произнесла мисс Трелони, – давайте пригласим доктора Фрере и сделаем это как можно скорее!

Казалось, с плеч доктора Уинчестера упал груз, он заметно повеселел и заговорил с легкостью и живостью, которых не проявлял прежде:

– Я отправлюсь к нему рано утром и попрошу немедленно приехать сюда. – Затем он повернулся ко мне и добавил: – Позвольте-ка забинтовать вам руку.

– Просто царапина. – Я пожал плечами.

– Тем не менее, ее следует обработать. Царапина, нанесенная любым животным, может представлять опасность, лучше не рисковать.

Я подчинился, и он с помощью увеличительного стекла осмотрел несколько параллельных царапин и сравнил их с отметинами когтей Сильвио на листе бумаги, который извлек из своей записной книжки. Затем он убрал бумагу, коротко заметив:

– Этот Сильвио способен проскользнуть, куда ему не следует, и вовремя убратся.

Утро тянулось медленно. К десяти часам сиделке Кеннети стало настолько лучше, что она смогла сесть на постели и пробормотать несколько фраз. Но мысли ее путались, и она не знала, что с ней произошло, и не интересовалась происходящим.

Около одиннадцати вернулся доктор Уинчестер вместе с сэром Джеймсом Фрере. Итак, мисс Трелони придется вновь испытать боль, объясняя очередному незнакомцу, насколько она не осведомлена в том, что касалось образа жизни ее отца.

Сэр Джеймс Фрере был человеком, привлекавшим к себе внимание, прежде всего неординарной внешностью: пронзительные глаза, упрямый решительный рот. Казалось, стоит ему нахмурить широкие кустистые брови – и немедленное повиновение его желаниям обеспечено. Впрочем, когда мы познакомились ближе, вся эта таинственность и суровость куда-то исчезла.

Оба доктора оставались в комнате мистера Трелони достаточно долго и один раз посылали за сестрой Дорис для непродолжительной беседы с ней. Затем оба они задали несколько вопросов сиделке Кеннети. Позже Уинчестер рассказал мне, что эта женщина дала полные и исчерпывающие ответы на все вопросы доктора Фрере, касавшиеся Абея Трелони до того момента, как она потеряла сознание. Затем доктора отправились в кабинет хозяина дома, откуда вскоре донеслись их громкие голоса: судя по всему, спор был таким бурным, что я почувствовал себя неловко. Маргарет находилась на грани нервного срыва. Бедная девушка! На ее долю выпало столько печальных волнений, что нервные силы ее почти истощились.

Наконец они вышли – сэр Джеймс первым, с суровым и загадочным видом, словно сфинкс. Доктор Уинчестер следовал за ним по пятам, лицо его было бледным и выдавало сильное волнение. Сэр Джеймс предложил мне и мисс Трелони уединиться с ним и доктором Уинчестером в одной из комнат. Как только мы сели в кресла, он обратился ко мне:

– Доктор Уинчестер объяснил мне, что вы друг мисс Трелони и уже довольно много знаете об этом деле. Возможно, ваше присутствие пойдет нам на пользу. Я слышал о вас самые лестные отзывы, мистер Росс, жаль, что не имел удовольствия с вами раньше познакомиться. Доктор Уинчестер уверяет меня, что некоторые события этого дела озадачили его и особенно интересуют вас, поэтому сообщу вам свои соображения по этому поводу. Что касается меня, я не слишком верю в чудеса, не считая научных, и могу сказать, что наемным убийцам или грабителям не помешали бы элементарные уроки анатомии перед следующей попыткой, поскольку они показали себя полными невеждами. Если их целью было только ограбление, они, похоже, провели его с изумительной беспомощностью. Впрочем, это не мое дело.

Повернувшись к мисс Трелони, сэр Джеймс продолжал:

– А теперь о вашем отце. Оставляя в стороне его болезни, на данный момент мы можем лишь сказать, что он страдает от сильного приступа каталепсии. Сейчас помочь ничем нельзя, за исключением поддержания его сил. В основном я одобряю лечение, предпринятое моим другом, и уверен, что с любым незначительным изменением состояния больного он справится достойно. Случай интересен, крайне интересен, и, если последует нечто особенное, счастлив буду приехать в любое время. Хочу обратить ваше внимание лишь на одно обстоятельство. Доктор Уинчестер сообщил

мне, что вы скованы инструкцией, данной вашим отцом на случай подобных событий. Я же настоятельно советую, чтобы мистера Трелони переместили в другую комнату или же убрали оттуда все эти мумии и прочие вещицы. Право, не годится держать больного человека в подобном окружении, заставляя его дышать исходящими от этих предметов запахами. У вас уже есть доказательства того, как могут действовать подобные миазмы. Эта сиделка – кажется, Кеннети? – все еще не полностью вышла из состояния каталепсии, и вы, мистер Росс, как мне сказали, испытали такое же воздействие. Итак, – тут его брови сдвинулись к переносице, – будь я здесь главным, я настаивал бы на смене обстановки для больного – или же бросил бы это дело. Во всяком случае, мои дальнейшие консультации можно получить лишь после выполнения этого условия. Я верю, что вы поступите, как хорошая дочь, и сделаете то, что поможет ему сохранить здоровье или разум, нежели последуете его причудам, будь они поддержаны неминуемыми страхами или же любым числом «ужасных» тайн. Пока еще не настал день, когда Британский музей поменяется функциями с больницей Святого Фомы. До свиданья, мисс Трелони. Искренне надеюсь вскоре увидеть вашего отца в добром здравии. Повторяю, если элементарные условия, предложенные мною, будут выполнены, я к вашим услугам в любое время дня и ночи. До свиданья, мистер Росс. Надеюсь, вы вскоре поставите меня в известность, доктор Уинчестер.

Он удалился, и мы стояли молча, пока не затих грохот колес его кареты. Первым заговорил доктор:

– Думаю, как врач сэр Джеймс совершенно прав. Сознаюсь, я готов был наброситься на него, когда он выставил свое условие, но в то же время... Он не понимает странных особенностей этого случая и узла, завязанного вокруг нас инструкциями мистера Трелони. Разумеется...

Маргарет перебила его:

– Доктор Уинчестер, не желаете ли вы тоже бросить это дело – или предпочтете продолжать его на условиях вам известных?

– Бросить его! Я никогда не бросаю своего пациента, пока в нем теплится жизнь!

Она промолчала, но протянула руку, и он бережно пожал ее.

– Что ж, – продолжала девушка, – сэр Джеймс знает ненамного больше вас о состоянии моего отца, и будь он хоть на сотую часть заинтересован в этом, как вы, то не выставил бы подобных притязаний. Но конечно, я слишком волнуюсь о бедном отце, и, если появится возможность выполнить некоторые из условий доктора Фрере, я это сделаю. Сегодня попрошу прийти сюда мистера Марвина и попытаюсь получить от него совет – можно ли отступать от пожеланий отца. Если он полагает, что я могу действовать на свой страх и риск, то я не поколеблюсь сделать это.

Вскоре доктор Уинчестер откланялся, а мисс Трелони не без моей помощи написала письмо мистеру Марвину, в котором она сообщала о ситуации в доме и просила его нанести визит. Письмо было отправлено с каретой, предназначенной для поверенного, а нам осталось только вооружиться терпением и ждать.

Путь от Кенсингтон-Палас-Гарденздо «Линкольнзинн» не слишком далек, и менее чем через час мистер Марвин был с нами. Понимая нетерпение Маргарет, он едва ли не с порога спросил у нее:

– Когда вам угодно обсудить со мною детали, касающиеся желаний вашего отца?

– В любое время, – ответила она, очевидно не понимая его намека.

– Почему бы не сейчас? Но... – Он посмотрел на меня как на конкурента и выпалил: – Мы не одни.

– Я специально пригласила сюда мистера Росса, – успокоила она поверенного, – Он уже столько знает, поэтому я хочу, чтобы он узнал еще больше.

Мистер Марвин казался несколько смущенным. Те, кто знал его по выступлениям в суде, вряд ли поверили бы в это.

– Но, любезная юная леди, пожелания вашего отца! Конфиденциальность...

Мисс Трелони перебила его с выступившим на бледных щеках румянцем:

– Вы действительно полагаете, что это соответствует настоящим обстоятельствам, мистер Марвин? Отец никогда не был откровенен со мной, а теперь я должна узнать о его пожеланиях от чужого мне джентльмена, о котором понятия не имела до того, как вскрыла письмо отца, написан-

ное на случай такой крайности... Я полностью доверяю мистеру Россу и хочу, чтобы он присутствовал здесь. Разумеется, – добавила она, – лишь в том случае, если это не запрещено моим отцом. Ах! Простите меня, мистер Марвин, если я кажусь вам резкой, но мне так трудно...

Маргарет на несколько секунд закрыла рукой глаза, а мы с мистером Марвином, обменявшись взглядами, пытались казаться бесстрастными. Она продолжала, на этот раз более твердым голосом:

– Пожалуйста, не думайте, мистер Марвин, что я не благодарна вам за вашу доброту и за то, что вы быстро приехали. Если вы настаиваете, мы можем остаться одни.

Я поднялся, но поверенный сделал протестующий жест. Очевидно, ему понравились ее слова, и он отвечал с сочувствием в голосе:

– Что вы, никоим образом! Ваш отец не сделал никаких указаний по поводу чьего-либо участия, а я со своей стороны с радостью пойду вам навстречу. Из ваших разъяснений о болезни мистера Трелони и прочих происшествий следует, что возможность зловещего развития событий должна управляться непрекращаемыми инструкциями вашего отца. Ибо, пожалуйста, поймите меня, его требования неоспоримы. Они настолько жестки, что он наделил меня властью, позволяющей мне надзирать за их выполнением. Пока он жив, он должен оставаться в своей комнате, где ничего нельзя двигать, ни в коем случае! Он даже предоставил список предметов, которые должны оставаться на своих местах.

Маргарет молчала. Она казалась опечаленной, и, полагая, что знаю причину этого, я спросил:

– Можно посмотреть этот список?

Лицо девушки мгновенно просветлело, но снова омрачилось грустью при быстром ответе поверенного, – а он явно был готов к этому вопросу.

– Только не в случае, если я принужден применить власть поверенного. Я захватил этот документ с собой. Убедитесь, мистер Росс, – он протянул мне документ, – как грамотно он составлен и насколько исчерпывающе доверитель высказывает свои пожелания, исключая любые уловки. Таковы его собственные слова, не считая некоторых формальностей, и я заверяю вас, что редко видел более надежный документ. Даже я не имею права позволить малейшее послабление его инструкциям без явного нарушения доверия. А это, сами понимаете, невозможно. – Очевидно, последние слова он добавил, чтобы предотвратить обращения к его сочувствию. Впрочем, ему явно не понравилась жесткость собственных слов, и он миролюбиво продолжил: – Надеюсь, мисс Трелони, вам понятно мое искреннее и однозначное желание сделать все, что могу в пределах своей власти, для облегчения вашей беды. Но в поступках вашего отца были собственные цели, которые он не раскрывал мне. Насколько я понимаю, в его наставлениях нет ни единого необдуманного слова. – Он тяжело вздохнул. – Наверняка я опечалил вас и искренне переживаю по этому поводу, поскольку вижу, что вам многое довелось перенести. Но выбора у меня нет. Если хотите посоветоваться со мной по любому поводу, я обещаю прийти, не задерживаясь ни на минуту, в любой час дня и ночи. Вам известен мой адрес, а вот – адрес клуба, где меня обычно можно найти по вечерам.

С этими словами он протянул ей листок из своей записной книжки, затем с вежливым поклоном удалился. Едва закрылась дверь в холле, как в кабинет вошла экономка. На лице ее читалось такое горе, что Маргарет, побледнев, поднялась ей навстречу и спросила:

– В чем дело, миссис Грант? Случилось еще что-нибудь?

– С горечью сообщаю, мисс, что все слуги, за исключением двух, уведомили меня, что желают покинуть дом сегодня. Они уже обсудили это дело между собой, и теперь дворецкий высказался за всех. Он говорит, что, хотя им очень жаль терять жалованье, но они готовы даже выплатить неустойку, лишь бы уйти сегодня же.

– Какую причину они называют?

– Никакой, мисс. Я спросила Джейн, горничную с верхнего этажа, которая держится особняком от них, и девушка по секрету сказала мне, что они вбили в свои глупые головы, будто дом населяют привидения!

Глава VI ПОДОЗРЕНИЯ

Первой пришла в себя мисс Трелони. Гордо выпрямившись, она высокомерным тоном произнесла:

– Прекрасно, миссис Грант, пусть они уходят! Заплатите им сегодня месячное жалованье. До сих пор они были очень хорошими слугами, однако нельзя ожидать большой преданности от тех, кого обуревают страхи. Те, кто останется в доме, получают жалованье в двойном размере.

Экономка с трудом сдерживала негодование:

– Подумать только, уйти от такой хорошей хозяйки! В жизни не видела, чтобы кто-либо так по-доброму обращался со слугами. А едва беда на пороге – полюбуйтесь, как они поступают! Это наглость, другого слова не подобрать!

Миссис Грант в течение нескольких минут продолжала рассуждать по поводу «неблагодарных людей», затем удалилась, недовольно бурча себе под нос. Вскоре она вернулась – совершенно в другом настроении, чтобы осведомиться, не угодно ли хозяйке нанять полный штат новых слуг.

– Вы же знаете, мэм, – с порога начала она, – как только в доме поселяется страх, избавиться от него почти невозможно. Слуги придут, но быстро уйдут, наслушавшись рассказов, и их ничем не удержишь.

– Полагаю, миссис Грант, нам следует обойтись теми, что остались, – спокойным тоном заметила Маргарет. – Пока мой дорогой отец болеет, гостей у нас не предвидится. Если желающих остаться слишком мало, наймите нескольких горничных – из тех, кого вы знаете. Пожалуйста, имейте в виду, что вновь нанятые, хорошо зарекомендовав себя, должны получать точно такое же жалованье. И, разумеется, хотя я никоим образом не ставлю вас в один ряд с ними, правило двойной оплаты распространяется и на вас.

Я не мог не восхититься великодушием девушки по отношению к слугам и мысленно согласился с экономкой:

– Наша хозяйка – настоящая принцесса!

«Принцесса!» – именно это слово пришло мне в голову, когда я впервые увидел Маргарет на балу. Высокая, стройная, похожая на лилию, гибко покачивающуюся на стебле, или на цветок лотоса – ей так шло платье из тончайшей черной ткани с золотым шитьем. В темных волосах отсвечивало лунным блеском украшение из крупного жемчуга и драгоценных камней, обрамленное вырезанными из лазурита страусиными перьями. Запястье украшал широкий браслет в виде двух крыльев из золота, между которыми был укреплен круглый желтый самоцвет, обвитый серебряными змеями. Нас представили друг другу, и, несмотря на ее чарующую любезность, я чувствовал себя неловко в обществе этой красавицы. Лишь несколько недель спустя, во время пикника, когда у меня появилась возможность познакомиться с ней поближе, моя робость перешла в иное чувство.

Следующая сцена, в которой мне пришлось принять участие, оказалась несравненно более волнующей и болезненной. Около трех часов дня в дверь кабинета, где я находился, осторожно постучал сержант Доу. Переступив порог, он внимательно оглядел комнату.

– В чем дело? – спросил я. – Кажется, вы хотите поговорить со мной наедине?

– Совершенно верно, сэр. Могу я рассчитывать на полную конфиденциальность?

– Вне всякого сомнения.

Он помедлил, затем ответил:

– Вы знаете меня достаточно, чтобы предположить, что я человек долга. Я полицейский, детектив, и моя обязанность – расследовать любое дело, которое мне поручено, никого не боясь и никого не покрывая.

– Ну конечно, конечно! – машинально кивнул я, и сердце мое почему-то болезненно сжалось. – Будьте откровенны, я обещаю, что любая информация, которую вы мне сообщите, не выйдет за пределы этого кабинета.

– Спасибо, сэр. Полагаю, то, что я скажу, не должно быть сообщено никому. Даже мисс Трелони или ее отцу, когда он поправится.

– Разумеется, если таково условие! – произнес я более сухим тоном.

Уловив перемену в моем голосе, сержант заметно смутился.

– Простите, сэр, но я нарушаю мой долг, говоря с вами на эту тему. Впрочем, я знаю вас давно и чувствую, что могу доверять вам. Не вашему слову, сэр, – в нем я уверен, – но вашему благоумию!

Я поклонился.

– Продолжайте!

И он не заставил себя ждать.

– Я обдумывал это дело, сэр, до тех пор, пока у меня голова кругом не пошла, но пока что не могу найти для него простой разгадки. Несмотря на нападения, по-видимому, никто не входил в дом и тем более не выходил. На какой вывод это вас наталкивает?

– Что кто-то или что-то уже было в доме, – ответил я, не сдержав улыбки.

– Я думаю так же, – произнес он и с облегчением вздохнул. – Прекрасно! Но кто это может быть?

– «Кто-то или что-то», как я уже сказал.

– Пусть будет «кто-то», мистер Росс! Конечно, кот мог исцарапать или укусить, но вряд ли стянул бы старого джентльмена с постели и попытался бы снять с его руки золотой браслет с ключом. Такие вещи хороши для книжек, где детективы-любители знают все еще до того, как это случилось, и затем подгоняют факты под свои теории, но в Скотленд-Ярде не все идиоты, и обычно мы докапываемся до людей, которые совершают преступления.

– Ради бога, сержант, пусть это будут «люди».

– Мы говорили о «ком-то», сэр.

– Верно. Пусть будет кто-то!

– Давайте восстановим события этих трех ночей – кто первым оказывался около хозяина дома?

– Постойте! В первую ночь мисс Трелони подняла тревогу. Вторую ночь я сам провел в комнате мистера Трелони и крепко заснул, как и сиделка Кеннета. Когда я очнулся, там уже находилось несколько человек, в том числе мисс Трелони и вы. Во время последнего нападения мисс Трелони упала в обморок, я вынес ее из комнаты и вернулся. Кажется, вы вошли следом за мной.

Сержант Доу после небольшого раздумья ответил:

– Не удивило ли вас, сэр, что мисс Трелони присутствовала или была первой в комнате во всех случаях, а ранения были нанесены в первом и во втором?

Как юрист, я всегда считал, что лучший способ в борьбе с выводом – это высказанное вместо него заключение.

– Вы утверждаете, что мисс Трелони была первой, обнаружившей раненого отца, и отсюда следует вывод, что она нанесла ему рану либо как-то была связана с нападением?

– Я не смею выражаться с подобной ясностью, но к этому меня склоняют мои сомнения. – Сержант Доу был храбрым человеком и не боялся делать заключения на основе фактов.

В кабинете повисло многозначительное молчание. У меня не было никаких сомнений по поводу Маргарет и ее действий, но я опасался, что они могут быть поняты превратно. Здесь явно присутствовала тайна, и, если не найти разгадки, тень подозрений будет брошена на кого-то одного. В подобных случаях люди склонны идти по линии наименьшего сопротивления, и если найдутся доказательства чьей-то выгоды от смерти мистера Трелони, если таковая случится, то очень сложно будет доказать свою невиновность перед лицом подозрительных фактов. Сейчас не годилось оспаривать какие-либо теории, выдвинутые детективом, надо было просто выслушать его и попытаться понять. Но когда придет время развеять эти теории в пух и прах, я выступлю во всеоружии.

– Что вы намерены предпринять? – осторожно поинтересовался я.

– Пока еще не имею представления, сэр. Как видите, даже для подозрений еще не время. Скажи мне любой, что эта милая леди замешана в таком деле, я посчитал бы его ненормальным, но я вынужден следовать собственным выводам. Мне хорошо известно, что довольно часто виновными признают самых неподходящих для этой роли людей, когда все (кроме прокурора, зна-

ющего факты, и судьи, умеющего ждать) готовы поклясться в их невиновности. Я ни за что на свете не согласился бы причинить вред юной леди, тем более зная о том, что ей пришлось испытать. Можете быть уверены, я не сделаю ни единого намека, который послужил бы уликой против нее. Вот почему я говорю с вами наедине, как мужчина с женщиной. Вы специалист по доказательствам, это ваша профессия. Моя профессия ограничивается подозрениями и тем, что мы называем своими доказательствами, – по сути, это не что иное, как улики. Вы знаете мисс Трелони лучше меня, и, хотя я разгуливаю по дому, где хочу, у меня нет возможности поближе познакомиться с ее образом жизни, разведать что-либо о ее средствах и вообще обо всем, что могло бы объяснить ее действия. Попытайся я задать ей подобные вопросы, она тут же заподозрит меня. И тогда, в случае если она виновата, вся надежда на неоспоримые улики пропадет, потому что она с легкостью уничтожит их. Но если она невиновна (а я надеюсь на это), то обвинять ее было бы неоправданной жестокостью. Я знакомлю вас со своей точкой зрения на ситуацию и прошу прощения, если позволил себе при этом лишнее.

– Вас не в чем упрекнуть, Доу, – с воодушевлением произнес я, потому что мужество, честность и рассудительность этого человека внушали уважение. – Рад, что вы были со мной откровенны. Мы оба хотим узнать правду, но в деле этом очень много странностей, и поэтому, чтобы выяснить истину, необходимо прилагать совместные усилия, независимо от наших взглядов и жизненных установок.

Сержант одобритительно кивнул и продолжал:

– На мой взгляд, заподозрив кого-либо, следует по крупицам собирать доказательства. И тогда мы придем к выводу, а возможно, отбросим все другие версии, оставляя лишь самую подозрительную из всех нами рассмотренных. После этого нам нужно...

В эту минуту дверь открылась и вошла мисс Трелони. Едва увидев нас, она сделала шаг назад, воскликнув:

– Ах, простите! Я не знала, что вы здесь.

– Пожалуйста, входите, – предложил я, – Мы с сержантом Доу просто разговаривали.

Неловкая ситуация разрешилась сама собой: появилась экономка и сообщила:

– Пришел доктор Уинчестер и желает видеть хозяйку.

Повинуясь взгляду девушки, я покинул кабинет и последовал за ней.

Осмотрев больного, доктор сказал нам, что видимых перемен не обнаружил. Он добавил, что хотел бы остаться в доме на ночь. Маргарет заметно обрадовалась, услышав это, и приказала экономке приготовить для него комнату. Позже, когда мы остались с ним наедине, он вдруг сказал:

– На самом деле я хотел побеседовать с вами без свидетелей, и, по-моему, лучше всего это будет сделать вечером, когда мисс Трелони отправится дежурить к отцу.

Мы по-прежнему придерживались с Маргарет очередности наблюдения за больным. Вместе мы должны были наблюдать за ним утром, и меня беспокоило то обстоятельство, что детектив также собирался вести свои наблюдения и быть при этом особенно бдительным.

День прошел без каких-либо событий. Мисс Трелони спала днем и после обеда отправилась сменить сиделку. Экономка оставалась с нею, а сержант Доу дежурил в коридоре. Мы с доктором Уинчестером пили кофе в библиотеке. Когда пришла очередь сигар, он спокойным тоном произнес:

– Итак, можно начать разговор. Разумеется, мы связаны обетом молчания по поводу происходящих событий?

– Совершенно верно! – подтвердили, и мое сердце тревожно застучало при мысли об утреннем разговоре с сержантом. С тех пор гнетущий страх за Маргарет поселился в моем сознании.

Доктор продолжал:

– Этот случай выбил меня из колеи – полагаю, и всех остальных тоже. Чем больше я над ним думаю, тем сложнее мне сохранять беспристрастность, чувствуя, как обе постоянно укрепляющиеся версии тянут нас в противоположные стороны.

– И что это за версии?

Прежде чем ответить, Уинчестер бросил на меня пронизательный взгляд. Он мог бы подействовать на меня, будь у меня какая-то личная заинтересованность в этом деле, не считая участия

в мисс Трелони. Но мне удалось спокойно выдержать его, и ни один мускул на моем лице не дрогнул, я также не отвел глаза. Теперь я был поверенным в этом деле: с одной стороны – *amicus curia*,⁷ а с другой – представителем защиты. Сама мысль о наличии у столь умного человека двух равносильных и противоположных версий была достаточно утешительна, чтобы ослабить мое волнение по поводу вероятности новых подозрений. Доктор заговорил, и лицо его постепенно приобрело выражение жесткой угрюмости:

– Две версии: факт и фантазия. По первой это дело о нападении и попытке грабежа и убийства, о каталепсии, указывающей либо на гипноз, либо на яд, неизвестный пока нашей токсикологии. По второй версии действует «влияние», не определенное ни в одном из известных мне научных трудов – не считая романов. Никогда еще не поражала меня столь сильно истина гамлетовских слов: «Есть многое в природе, друг Горацио...» Для начала рассмотрим версию «факта». Перед нами человек в окружении домочадцев; в его доме множество слуг из различных классов, что исключает возможность организованного заговора. Он богат, образован, умен. Судя по его физиономии, несомненно, обладает железной волей и определенными стремлениями. Его юная дочь (единственная, насколько мне известно), бойкая и умная девушка, спит в соседней комнате. Кажется, для каких-либо нападений или неприятностей извне нет ни разумных поводов, ни возможностей. И все же нападение происходит. Оно быстро обнаружено – настолько быстро, что можно заподозрить обдуманное намерение. Нападающего или нападающих спугнули, тем не менее, нет следов их побега – ни улики, ни шума, ничего. Нет даже открытой двери или окна. На следующую ночь – новое нападение, хотя дом полон бодрствующими людьми, среди которых наблюдают за комнатой и соседними помещениями офицер-детектив, опытная сиделка, верный друг и собственная дочь жертвы. Сиделку поражает каталепсия, а друга (защищенного респиратором) – глубокий сон. Детектив тоже оказался настолько подвержен ступору, что даже не может вспомнить, в кого он стрелял. Похоже, ваш респиратор – единственное, что относится к стороне «факта». То, что вы сохранили ясность рассудка, указывает на отсутствие гипноза. Но опять-таки есть факт, противоречащий данному. Мисс Трелони, пробывшая в комнате дольше вашего (поскольку она то и дело заходила и выходила из комнаты и сидела там подолгу во время своих дежурств), по-видимому, не подверглась странному воздействию. Следовательно, «влияние» не поражает всех подряд – если не предположить, конечно, что дочь хозяина дома почему-либо не подвержена ему. Если окажется так, что виноват некий загадочный «аромат», исходящий от многих египетских вещей, то дело проясняется, но тогда мы столкнемся с тем фактом, что мистер Трелони большую часть времени – по сути, полжизни – провел в этой комнате и больше всех был подвержен ему. Какого типа влияние могло вызвать все эти противоречивые последствия? Чем больше я думаю об этом, тем больше запутываюсь! В самом деле, если предположить, что физическое нападение на мистера Трелони совершил некто проживающий в доме и попадающий в круг подозреваемых, выборочность воздействия остается тайной. Погрузить человека в каталепсию нелегко. Насколько известно сейчас науке, подобную цель нельзя осуществить усилием воли. Итак, в центре этого дела остается мисс Трелони, очевидно не подверженная ни одному из влияний или разновидностей одного и того же влияния. Она проходит через все испытания невредимой, не считая одного легкого полубоморока. Крайне странно!

Я слушал доктора, чувствуя, как отчаяние овладевает мной. Хотя он ничем не выказал недоверия Маргарет, его доводы весьма беспокоили меня. Они не были столь же прямыми, как подозрения детектива, но также отделяли мисс Трелони от прочих, а оказаться в одиночестве, когда дело касается тайны, все равно что быть подозреваемой, если не сразу, то в конечном итоге. Я предпочел промолчать; хорошо, что доктор, высказывая свои доводы, не требует ответа от меня – по крайней мере, сейчас.

Обхватив ладонью подбородок, он молчал, уставясь в пространство перед собой и сведя брови. Сигара повисла в его пальцах, очевидно, он забыл про нее. Затем он продолжал ровным голосом, словно подхватывая мысль там, где оставил ее:

– Другая версия касается совершенно иной области, и, вступая в нее, мы должны отметить в

⁷ Друг закона (*лат.*).

сторону все, что имеет отношение к науке или эксперименту. Сознаюсь, многое в ней меня привлекает, хотя каждая новая мысль настолько захватывает своей романтикой, что приходится одергивать себя и строго глядеть фактам в лицо. Иногда я спрашиваю себя, не действует ли временами это влияние или эманация в комнате больного и на меня, как подействовала на прочих, к примеру, на детектива. Конечно, в случае, если это было неким химическим веществом, например наркотиком в парообразной форме, его воздействие могло быть проникающим. Но что могло вызвать подобный эффект в этой комнате? Здесь столько вещей из египетских гробниц, не говоря уже о настоящей мумии, на которую бросается Сильвио. Кстати, завтра я собираюсь подвергнуть его испытанию. Я напал на след мумии-кошки и собираюсь завладеть ею завтра утром. Когда я принесу ее сюда, мы узнаем, будет ли он реагировать на нее так же, как на аналогичную древность, находящуюся в доме. Впрочем, вернемся к делу. Сами по себе запахи мумии возникают от присутствия субстанций или их соединений, найденных египетскими жрецами, которые были образованными и учеными людьми своего времени. На протяжении веков они обнаружили опытным путем, что эти субстанции прекращают природный процесс разложения. Интересно, есть ли подобные знания или хотя бы намеки на них у мисс Трелони?.. Единственное, в чем я твердо уверен: худшую атмосферу для комнаты больного трудно вообразить, и я восхищаюсь мужеством сэра Джеймса Фрере, отказавшегося в этих условиях лечить больного. Инструкции, данные мистером Трелони своей дочери, и то, что, судя по вашим словам, он тщательно защитил их через своего поверенного, показывают, что хозяин дома что-то подозревал и готовился к каким-то событиям. Как интересно было бы узнать об этом хоть что-нибудь! Наверняка в его бумагах может содержаться какой-то намек... Это сложная задача, но она должна быть решена. Его настоящее состояние не может длиться вечно, и если что-то произойдет, будет расследование. В этом случае придется рассмотреть все аспекты до мелочей... По сути, полицейское заключение покажет неоднократную попытку нападения. Поскольку явных улик нет, необходимо будет заняться поводом.

Он смолк. Последние его слова прозвучали совсем тихо, в них чувствовалась безнадежность. У меня не было сомнений, что настал мой черед выяснить наличие у него определенного подозрения, и, словно подчиняясь мысленному приказу, я спросил:

– Вы подозреваете кого-нибудь?

Похоже, мой вопрос больше испугал его, нежели удивил.

– Подозреваю кого-нибудь? Конечно, я подозреваю наличие «влияния» – и все. Позже, если подтвердятся мои выводы или предположения, а подозрения станут более конкретными...

Он вдруг замолчал и посмотрел на дверь: послышался слабый звук, и ручка повернулась. Мне показалось, будто сердце мое остановилось в предчувствии зловещей, неопределенной опасности. В тот же миг я вспомнил об утреннем вторжении во время моего разговора с детективом.

Дверь открылась, и в комнату вошла мисс Трелони.

Увидев нас, девушка замерла на месте, и яркий румянец залил ее лицо. Несколько долгих секунд длилось молчание, наконец, Маргарет заговорила, и напряжение, в котором мы с доктором находились (я это легко заметил), ослабело:

– Прошу прощения, я искала вас, доктор, чтобы спросить, можно ли мне отправиться спать, зная, что вы будете здесь. Я чувствую такую ужасную усталость, что боюсь нервного расстройства, и сегодня явно ни на что не пригожусь.

Уинчестер не медлил с ответом:

– Ступайте к себе и выспитесь как следует! Ей-богу, вам это необходимо, и я весьма рад, что вы сами это предложили, потому что, увидев вас этим вечером, я уже решил, что вы вскоре попадете ко мне в пациенты.

Она с облегчением вздохнула, и усталость, казалось, сошла с ее лица. Никогда не забуду глубину ее больших прекрасных глаз и искренность взгляда, устремленного на меня:

– Вы ведь вместе с доктором будете охранять отца, правда? Я так о нем волнуюсь, что каждая секунда приносит мне все новые опасения. Но я совершенно выбилась из сил... Нынешнюю ночь я проведу в другой комнате: если останусь поблизости от отца, каждый звук стократно умножит мой страх. Но, разумеется, вы разбудите меня, если возникнет необходимость. Я займу будуар и спальню возле холла. Эти комнаты я занимала в первые дни, когда переехала жить к от-

цу, там хорошо спится, и, может быть, я забудусь на несколько часов. Утром я встану бодрой. Спокойной ночи!

Когда я закрыл за ней дверь и вернулся к маленькому столу, за которым мы сидели, доктор Уинчестер сказал:

– Бедная девушка измотана до последней степени. Я рад, что она, наконец, выспится, ее нервная система на грани срыва. Вы заметили, как она волнуется и как покраснела, войдя сюда и застав нас за разговором? Казалось бы, к чему ей беспокоиться о подобных мелочах в собственном доме и церемониться с приглашенными ею гостями?

Я собрался было рассказать ему о похожести ситуации – когда она застала нас с детективом днем, но вспомнил о строгой конфиденциальности того разговора и промолчал.

Мы направились в комнату Абеля Трелони, и по дороге я не мог избавиться от бесконечных мыслей (они не оставляли меня еще много дней) о странном совпадении: ведь она перебила нас два раза, едва мы затронули тему подозрений.

Определенно, здесь была странная паутина случайностей, в которой мы все запутались.

Глава VII ПРОПАЖА У ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Следующая ночь прошла спокойно. Зная, что Маргарет отдыхает, мыс доктором удвоили внимание. Миссис Грант дежурила попеременно с сиделками, и каждые четверть часа в комнату наведывались детективы. Абель Трелони всю ночь пребывал в трансе, его грудь равномерно вздымалась и опускалась. Но он ни разу не пошевелился, и если бы не дыхание, легкое, как у ребенка, его можно было бы принять за мраморное изваяние. Мы с доктором надели респираторы, но в невыносимо жаркую ночь они нам очень досаждали. Между двумя и тремя часами ночи меня внезапно охватила тревога, снова возникло то неприятное ощущение, которое за последние несколько ночей стало почти привычным. Каждый вздох сиделки или шорох ее платья, каждый шаг ноги в мягкой туфле наверху или в коридоре, каждый таинственный звук (мне показалось, что я слышу звон стекла) прибавляли новый импульс охватившему меня напряжению. Однако едва сквозь щели жалюзи стал пробиваться серый свет утренней зари, я испытал неожиданное облегчение. Рассвет принес прохладу и надежду, задышал ось свободнее; дом постепенно просыпался. Доктор Уинчестер отправился к себе после того, как сиделка Дорис сменила миссис Грант. Мне показалось, он был слегка разочарован тем, что за всю долгую ночь бодрствования не случилось ничего необычного.

В восемь часов к нам присоединилась мисс Трелони, и я был поражен, увидев, какую пользу ей принес сон. Ее бледные щеки, разительно контрастировавшие с черными бровями и алыми губами, окрасились легким румянцем, в глазах появился блеск. Она живо напомнила мне ту Маргарет, в чьем обществе я провел упоительные часы на пикнике. С еще большей нежностью девушка поправила подушки отцу и расчесала ему волосы, убирая их со лба.

Бессонная ночь давала о себе знать, и теперь, когда Маргарет приступила к дежурству, я мог отправиться спать.

К полудню я проснулся с ясной, отдохнувшей головой и, позавтракав, собрался отправиться к себе домой на Джермин-стрит, но в холле заметил какого-то незнакомца. Лакей по имени Моррис, которого раньше считали чудаковатым, однако после побега остальных слуг повысили в звании до дворецкого, ни на шаг не отходил от высоких двойных дверей, так что посетитель не мог пройти дальше. Его громкий голос разносился по просторному холлу:

–...Это все очень хорошо, но я должен видеть мистера Трелони! Можете сколько угодно твердить мне, что я не могу, и все-таки я должен. Я пришел в девять часов; вы сказали, что он спит и его нельзя тревожить. Я явился в двенадцать и снова услышал, что он еще не вставал с постели. На мой вопрос о мистере Трелони я не получил вразумительного ответа. Сейчас три часа, и вы снова мне говорите, что он в постели и еще не проснулся. Где его дочь, мисс Трелони? Вы отвечаете: «Она занята, ее нельзя беспокоить!» Но кто-то же должен ее побеспокоить! Я здесь по особому делу, касающемуся мистера Трелони, и приехал из таких мест, где слуги всегда начинают раз-

говор со слова «нет». Три года я провел у дверей зданий, где начинает казаться, что люди внутри не живее, чем мумии, и легче достучаться в могилу. С меня хватит! Когда я прихожу в дом человека, на которого работал, и нахожу его дверь закрытой, а слуги не пускают меня к нему, этого я не понимаю. Разве мистер Трелони распорядился не пускать меня?..

Он прервал свою речь и возбужденно вытер лоб. Моррис был сама любезность:

– Мне очень жаль, сэр, если, выполняя свои обязанности, я каким-то образом обидел вас. Но у меня есть приказы, и я должен им подчиняться. Если вы пожелаете оставить записку, я передам ее мисс Трелони; если же оставите адрес, она сможет связаться с вами.

– К вам лично я ничего не имею, но любой человек разозлится, оказавшись в таком положении. Нельзя терять ни часа – да что там, ни минуты! И все же я торчу здесь, полдня обивая порог и все это время зная, что ваш хозяин рассердится в сто раз больше, когда узнает, как бесцельно пропало столько времени. Его надо разбудить хоть тысячу раз, чтобы он смог поговорить со мной, и пока еще не поздно. Бог ты мой, это так ужасно – видеть, как твои труды пропадают в последнюю секунду: когда ты уже у самой двери, тебя отпихивает тупой лакей! Хоть у кого-нибудь в этом доме есть здравый смысл или хотя бы авторитет, если здравым смыслом он не обладает? Я очень быстро смогу его убедить, что вашего хозяина надо разбудить, даже если он спит, как Спящая красавица...

В искренности этого человека нельзя было усомниться, так же как и в том, что дело срочное, по крайней мере, с его точки зрения. Я обратился к дворецкому:

– Моррис, вам бы следовало известить мисс Трелони, что этот джентльмен хотел бы увидеться с ней. Если она занята, попросите миссис Грант передать ей.

– Очень хорошо, сэр, – с облегчением ответил новоиспеченный дворецкий и поспешно удалился.

Я провел незнакомца в небольшую гостиную. По дороге он спросил меня:

– Вы секретарь?

– Нет, я друг мисс Трелони. Меня зовут Росс.

– Огромное вам спасибо, мистер Росс, за вашу доброту! – воскликнул он. – Меня зовут Корбек. Я дал бы вам свою визитную карточку, но в тех местах, откуда я приехал, ими не принято пользоваться. А если бы они у меня и были, то, полагаю, прошлой ночью тоже бы исчезли...

Он внезапно остановился, оборвав фразу, – очевидно, решил, что сказал слишком много.

Пока мы молча ждали Маргарет, я украдкой рассматривал странного посетителя. Невысокий, загорелый человек; вероятно, склонный к полноте, но сейчас крайне исхудавший. Глубокие морщины на его лице и шее не были обязаны своим происхождением времени и солнцу, а безошибочно указывали на то, что кожа потеряла свою упругость. Что касается цвета кожи, то такой загар можно заработать, побывав на Среднем Востоке, в тропиках или в пустыне, но в каждом случае оттенок загара был свой: смуглое сияние, яркий красно-коричневый цвет, темный, близкий к ожогу. У мистера Корбека была массивная голова с косматой темной красно-коричневой гривой волос, высокий и широкий лоб с четко обозначенными лобными пазухами (если использовать термины физиогномики), что свидетельствовало о логическом мышлении и склонности к языкам. Короткий широкий нос, выдающийся вперед подбородок и мощная челюсть говорили об энергичности и решительности.

«Весьма подходящий для пустыни тип», – почему-то пришло мне в голову.

Мисс Трелони не заставила себя ждать. Увидев ее, мистер Корбек, казалось, был удивлен, хотя его раздражение и возбуждение еще не прошли. По меньшей мере, странно, что такое вторичное и чисто внутреннее ощущение, как удивление, проявилось столь заметно. Когда девушка заговорила, он уже не отводил от нее глаз, и я сказал себе, что следует узнать причину его удивления.

Маргарет начала с извинений, чем быстро свела на нет его возмущение:

– Конечно, если бы отец хорошо себя чувствовал и я не дежурила бы у его постели, когда вы приходили в первый раз, вас не заставили бы ждать. Не будете ли вы так любезны сказать, что у вас за срочная причина видеть моего отца?

Взглянув на меня, он заколебался, но девушка поспешно добавила:

– У меня нет никаких секретов от мистера Росса. Я ему полностью доверяю. Он помогает мне стойко переносить мои несчастья. Думаю, вы не совсем понимаете, в каком состоянии находится мой отец. Уже три дня он не приходит в сознание; я очень встревожена. К несчастью, мне очень мало известно о нем. Я живу в его доме только год и не имею представления о том, чем он занимается. Я даже не знаю, кто вы и какое у вас может быть дело к нему. – По ее губам скользнула легкая извиняющаяся улыбка.

Мужчина секунд пятнадцать предавался размышлениям, затем заговорил, сразу же приступив к делу. Он, судя по всему, принял решение, и к нему вернулась прежняя уверенность.

– Меня зовут Юджин Корбек. Я магистр гуманитарных наук, доктор юриспруденции и магистр хирургии в Кембридже; доктор литературы в Оксфорде; доктор естественных наук и доктор филологии в Лондонском университете; доктор философии в Берлине; доктор восточных языков в Париже. У меня есть и другие степени, титулы и прочее, но не стоит тратить время на их перечисление. В молодости – в соответствии со своими интересами и желаниями, но во вред своему карману – я заинтересовался египтологией. Наверняка меня укусил какой-то ядовитый скарабей. Я был на мели, когда встретил вашего отца, который проводил кое-какие собственные исследования. Он – настоящий специалист; такой свихнувшийся египтолог, как я, и мечтать не станет о лучшем патроне!

Гость говорил с искренним воодушевлением; мне было радостно видеть, что Маргарет порозовела от удовольствия, слушая похвалы в адрес ее отца. Однако с моей точки зрения мистер Корбек в какой-то степени терял время впустую, если только... Возможно, он хотел разведать обстановку и определиться, следует ли ему доверять двум незнакомым людям. Я не мог не заметить, что по мере того, как он говорил, его уверенность росла.

– Несколько раз я возглавлял организованные вашим отцом экспедиции в Египет, и никогда у нас не возникало каких-либо проблем. Многие из своих сокровищ, – а у него, скажу я вам, немало редкостей, – он получил с моей помощью, благодаря этим экспедициям, некоторые я покупал для него... были и другие пути... Ваш отец, мисс Трелони, обладает уникальными познаниями. Иногда ради какой-нибудь редкостной вещицы он может объехать весь мир – настолько велико желание иметь ее в своей коллекции...

Юджин Корбек резко остановился, как будто бы рот его захлопнулся с помощью постороннего вмешательства. Мы ждали. Спустя некоторое время он продолжал, тщательно подбирая слова, как бы стремясь предупредить любые наши вопросы:

– Я не могу упоминать о своем поручении – где был, с какой целью и так далее – без разрешения мистера Трелони. Я обязан хранить тайну.

Он сделал паузу, затем на его лице отразилось замешательство. Его вопрос несказанно удивил нас:

– Мисс Трелони, вы уверены, что ваш отец не в состоянии со мной сегодня увидеться?

Маргарет смутилась лишь на мгновение. Когда она заговорила, в ее голосе не было ничего, кроме любезности и спокойного достоинства:

– Идите и убедитесь сами!

Она вышла из комнаты, гость последовал за ней, а я старался не отставать.

Мистер Корбек уверенно переступил порог комнаты Абея Трелони, как будто бывал здесь не один раз. Поведение человека всегда безошибочно подскажет, когда он находится в новой или необычной для него обстановке. Наш гость сосредоточил свое внимание на постели. Я не спускал с него глаз, потому что чувствовал, что от Юджина Корбека в значительной степени зависит решение вопроса, которым мы занимались. Нельзя сказать, что он не внушал мне доверия, этот человек обладал кристальной честностью, и именно этого качества нам следовало опасаться. Его действиям была присуща смелая простота, но если бы он счел своей обязанностью хранить тайну, то держался бы до последнего. А наша неосведомленность в этом запутанном деле означала беспомощность. Любые факты из прошлого хозяина дома, возможно, пролили бы свет на причину его столь необычного состояния.

Мои размышления странным образом пытались увести меня в сторону; заставив себя сосредоточиться, я продолжал наблюдать. На загорелом обветренном лице Юджина Корбека отража-

лось бесконечное сожаление, когда он смотрел на своего сломленного непонятым недугом покровителя. Суровый облик Абея Трелони, не смягчившийся под действием сна, в сочетании с его беспомощностью выражал собой великое поражение. Для нас уже стало привычным наблюдать за решительным могучим человеком, охваченным непроницаемым сном, но я видел, что Маргарет снова ощутила боль, спровоцированную присутствием незнакомца. Тем временем жалость во взгляде нашего гостя сменилась мрачным обещанием расправы над тем, кто оказался причиной этого поражения. Таким образом, вулканическая энергия исследователя сосредоточилась на вполне определенной цели. Когда же его глаза остановились на сиделке, брови слегка поднялись. Заметив эту реакцию, женщина обменялась взглядами с мисс Трелони и тихо вышла из комнаты, закрыв за собой дверь. Мистер Корбек посмотрел сначала на меня – естественное желание мужчины говорить скорее с мужчиной, чем с женщиной; затем, вспомнив о приличиях, он обратился к Маргарет:

– Как и когда это началось?

Девушка посмотрела на меня, и я, подчиняясь ее безмолвной просьбе, коротко, не вдаваясь в подробности, рассказал, что мистера Трелони нашли окровавленного, в состоянии ступора в своем кабинете, что была вызвана полиция, а также его поверенный, мистер Марвин. Слушая меня, Юджин Корбек никак не выражал свою заинтересованность и лишь слегка оживился в конце моего рассказа – когда речь зашла о визите поверенного. Заметив его посветлевший взгляд, я остановился на деталях договора.

– Отлично! Теперь мне ясны мои дальнейшие действия!

Эта фраза, казалось, лишила меня надежды на догадку.

– Что вы имеете в виду?

Его ответ усилил мои страхи:

– Трелони знает, чего хочет. Все его поступки всегда преследовали определенную цель, и мы не должны вмешиваться. Он, очевидно, ожидал каких-то событий и обезопасился со всех сторон.

– Не со всех! – энергично возразил я. – Где-нибудь, очевидно, было слабое место, иначе он не лежал бы здесь!

Спокойствие мистера Корбека меня удивило. Я ожидал, что он сочтет мою реплику серьезным аргументом, но она его не взволновала – по крайней мере, не до такой степени, как я думал. Что-то похожее на улыбку промелькнуло на его смуглом лице, когда он отвечал:

– Это еще не конец! Трелони не зря обезопасил себя. Несомненно, он предусмотрел и такую возможность.

– Вы знаете, чего он ждал? – спросила Маргарет.

Ответ последовал незамедлительно:

– Нет! Могу лишь предположить... – Он резко оборвал себя.

– Что предположить?

Возбуждение в голосе девушки достигло пика. Черты лица Юджина Корбека, казалось, окаменели, но, тем не менее, он ответил вежливо и с некоторой сердечностью:

– Поверьте, я сделал бы все возможное, чтобы успокоить вас. Но у меня есть обязательства.

– Какие обязательства?

– Я должен молчать! – спокойно ответил Корбек.

В комнате повисла напряженная тишина, которую спустя некоторое время нарушила мисс Трелони. Я видел, как в ее взгляде появилась ярость, но перед тем, как заговорить, она сумела взять себя в руки.

– И все же каково было то срочное дело, по которому вы хотели видеть отца?

Непоколебимое спокойствие Юджина Корбека быстро, как в пантомиме, сменилось трагической серьезностью.

– Бог ты мой! – воскликнул он и яростно ударил рукой по подлокотнику кресла, в котором сидел. Сдвинув брови, мистер Корбек продолжал: – Меня постигла неудача – именно сейчас, когда до успеха был один шаг! А мистер Трелони лежит здесь абсолютно беспомощный и не может дать мне совета, а я должен держать язык за зубами и к тому же не могу двинуть ни рукой, ни ногой, не зная его желаний!

– В чем же дело? Пожалуйста, скажите нам! Я так тревожусь о своем дорогом отце! Неужели какая-нибудь новая беда? Надеюсь, нет? Не могли бы вы сказать хоть что-нибудь, что могло бы уменьшить эту ужасную тревогу и неуверенность? – Маргарет умоляюще смотрела на него.

Наш гость поднялся с кресла.

– Увы! Не могу, не имею права вам что-то говорить. Это его тайна. – Он указал на кровать. – И, тем не менее... тем не менее, я пришел сюда за его советом. А он лежит здесь беспомощный... Время летит! Не исключено, что скоро будет слишком поздно!

– Что же это? Что же это... – перебила его девушка с болезненной гримасой на лице. – Говорите же хоть что-нибудь! Такая таинственность убивает меня!

Мистер Корбек, очевидно, призвал на помощь все свое самообладание.

– Я не могу говорить с вами о деталях, но у меня огромная потеря. Моя работа, на которую у меня ушло три года, увенчалась успехом. Я нашел все, что просил мистер Трелони, и, более того, я успешно довез это сюда. Сокровища сами по себе бесценны, но вдвойне драгоценны для него, так как я искал их по его желанию. Я прибыл в Лондон вчера вечером, а когда проснулся сегодня утром, то обнаружил, что мой уникальный груз украден, причем каким-то таинственным способом. Ни одна душа в Лондоне не знала о моем приезде. Никому, кроме меня, не было известно, что хранится в старой потертой сумке. В моей комнате – а она находится на пятом этаже, так что никто не мог влезть через окно – только один выход, дверь была заперта на замок и защелку. Опять-таки, я сам закрыл окно и запер его на щеколду, потому что стремился обезопасить себя со всех сторон. Утром оказалось, что к щеколде никто не прикасался. И, тем не менее, моя сумка была пуста. Светильников там не оказалось!.. Ну, вот, проболтался. Итак, я поехал в Египет, чтобы отыскать древние светильники, которыми интересовался мистер Трелони. С невероятным трудом, пройдя через множество опасностей, я их нашел и к тому же успешно довез их. А теперь!

Махнув рукой, Корбек в огорчении отвернулся. Даже для его крепкой натуры ощущение потери было невыносимым.

Маргарет, подойдя к Юджину Корбеку, коснулась его плеча. Я смотрел на нее в изумлении. Горечь и боль, которые, казалось, овладели ею целиком, неожиданным образом превратились в решимость. Девушка выпрямилась, ее глаза сияли, она вся излучала энергию. Какая сильная натура! Очевидно, мои глаза выдавали восхищение, но я не мог отвести от нее взгляда.

– Мы должны действовать – и немедленно! Желание моего отца должно быть выполнено... если мы можем это сделать. Мистер Росс, вы юрист. У нас в доме человек, которого вы считаете лучшим сыщиком Лондона. Мы, несомненно, обязаны что-нибудь предпринять. Начнем, не медля ни минуты!

Ее энтузиазм заразил и мистера Корбека.

– Отлично! Вы достойная дочь своего отца! – только и сказал он.

Я двинулся к двери, собираясь пригласить сержанта Доу, и по благожелательному взгляду Маргарет понял, что она одобряет мои намерения. Я уже переступил порог, когда мистер Корбек окликнул меня.

– Подождите минуту, – сказал он. – Пока мы не ввели в ситуацию новое лицо, вы обязаны себе уяснить, что он не должен знать известных вам фактов, а именно: светильники – предмет длительного, трудного и опасного поиска. Все, что я могу ему сказать, и все, что ему следует узнать из любого другого источника, это то, что украдена моя собственность. Я должен буду описать лампы, – кстати, одна из них сделана из золота, и я боюсь, что вор, не подозревая об исторической ценности этого сокровища, расплавит ее, чтобы скрыть следы. Я с удовольствием бы заплатил в десять, двадцать... в тысячу раз больше, чем стоит это золото, лишь бы светильник не превратился в слиток металла. Я расскажу детективу только самое необходимое. Так что, пожалуйста, позвольте мне отвечать на все его вопросы, если, конечно, я не попрошу ответить вас.

Мы кивнули. Однако у меня возникла одна идея, которой я поспешил поделиться:

– Кстати, если необходимо держать язык за зубами, лучше обратиться к частному детективу. Если Скотленд-Ярд что-то узнает, то хранить тайну станет невозможным. Я побеседую с сержантом Доу – возможно, он сможет расследовать это дело частным образом и будет молчать.

Мистер Корбек сразу же ответил:

– Тайна – это главное. Мой бог, как я боюсь, что светильники будут уничтожены!

К моему крайнему удивлению, мисс Трелони мгновенноотреагировала на его фразу, сказав тихим, но решительным голосом:

– Они не будут уничтожены, ни один из них!

Наш гость едва ли не открыл рот от изумления.

– Откуда вы можете это знать? – спросил он после небольшой паузы.

Ее ответ был еще более загадочным:

– Не знаю, откуда мне это известно... но, тем не менее, это так.

Глава VIII СВЕТИЛЬНИКИ НАШЛИСЬ

Сержант Доу сначала высказал мне все свои сомнения по этому поводу, но наконец согласился проконсультировать нас. Внимательно глядя на меня, он произнес:

– Вам следует помнить, что я могу только дать совет; но если потребуются конкретные действия, очевидно, буду вынужден обратиться к начальству.

Я оставил его в кабинете и отправился за Маргарет и мистером Корбеком. Не успели мы выйти из комнаты, как сиделка заняла свое место у кровати Абеля Трелони.

С какой осторожной и хладнокровной точностью наш гость рассказал детективу о своем деле! Казалось, он ничего не скрывал, но, тем не менее, подробно не распространялся по поводу пропавших предметов, представив все так, словно речь шла о рядовой краже в отеле. Зная, что единственной целью Юджина Корбека было найти светильники до того, как их могут испортить, я восхищался его редким даром – говорить по существу дела, ловко скрывая детали и при этом создавая впечатление подробного рассказа. Да, этот человек научился многому на восточных базарах и с помощью западного интеллекта обошел своих учителей!

Детектив, внимательно выслушав его, ненадолго задумался, затем спросил:

– Горшок или весы?

– Что это значит? – Мистер Корбек, сдвинув брови, уставился на него.

– Это старое выражение бирмингемских воров, однако, сейчас воровской жаргон многим известен. Прежде в Бирмингеме мастерские по обработке металлов находились чуть ли не на каждой улице, поэтому в небольших количествах металлы можно было купить недорого, если не спрашивать, откуда они взялись. Обычно задавали только один вопрос: нужен ли товар в виде слитка (а горшок для плавки всегда стоял на огне) или требовалось сохранить форму предмета (тогда его взвешивали). Этим делом занимаются и до сих пор, и не только в Бирмингеме. Много зависит от того, понятно ли вору, что вещь стоит дороже содержащегося в ней металла, и в этом случае он будет иметь дело с человеком, который может переправить ее дальше – в Америку или Францию, например. Кстати, кроме вас, кто-нибудь мог бы определить, что это именно те самые, разыскиваемые вами светильники?

– Кроме меня – никто.

– Существуют ли другие, похожие на них?

– Не знаю, – мистер Корбек пожал плечами, – но, возможно, таковые имеются.

Детектив, помолчав, спросил:

– А смог бы какой-нибудь другой знающий человек – из Британского музея, например, или торговец антиквариатом, или коллекционер, как мистер Трелони, – оценить их художественную ценность и, соответственно, стоимость?

– Конечно! У кого есть голова на плечах, с первого взгляда поймет, что это ценные вещи.

Лицо детектива просветлело.

– Тогда еще есть шанс. Если дверь и окно были заперты, то эти светильники не могли быть украдены случайно, горничной или чистильщиком обуви. Кто бы это ни был, он нацеливался именно на них и не расстанется с добычей, не получив за них достойную цену. Нет необходимости сообщать в Скотленд-Ярд, если вы этого не желаете. Мы можем провести расследование частным образом.

После паузы мистер Корбек спросил:

– У вас есть какие-либо предположения о том, как была совершена эта кража?

На губах полицейского появилась улыбка знающего и опытного человека.

– Разумеется, сэр. Все эти таинственные преступления, в конце концов, оказываются на удивление простыми. Преступник знает свою работу, он постоянно наготове, ожидая удобный случай. Более того, он по опыту знает, каковы могут быть эти удобные случаи и как они обычно возникают. Жертва соблюдает осторожность, но ей не известны все трюки, которые могут быть для нее подготовлены, и, сделав ту или иную малейшую ошибку, она попадает в ловушку.

Когда мы узнаем все об этом деле, вы поразитесь, что не заметили вполне очевидных вещей.

Мистер Корбек, казалось, слегка обиделся:

– Послушайте, сэр, в этом деле все не так просто – кроме того, что вещи украдены. В окне нет форточки, и оно было закрыто, камин заложен кирпичами. В комнату вела только одна дверь, которую я запер на замок и задвижку. Ночью из комнаты я не выходил. Перед тем как лечь спать, я все осмотрел и проверил свои вещи еще раз. Когда я проснулся, светильники были украдены. Если вы можете найти здесь признаки простой кражи, то вы умный человек.

Маргарет коснулась его руки, пытаясь успокоить раздосадованного гостя, и тихо сказала:

– Не огорчайтесь понапрасну. Я уверена, что они отыщутся.

Сержант Доу повернулся к ней так резко, что я в это же мгновение вспомнил о его подозрениях насчет нее, и спросил:

– Могу ли я узнать, мисс, на чем основывается ваше мнение?

Я боялся услышать ее ответ, обращенный к человеку, не доверяющему ей, но все равно ее слова отдались во мне новой болью:

– Не могу сказать вам, откуда я это знаю. Но я в этом уверена!

Детектив молча смотрел на нее некоторое время, затем бросил быстрый взгляд на меня. Потом он еще немного поговорил с мистером Корбеком, выясняя всевозможные детали, касающиеся отеля, номера и украденных светильников, и покинул нас. Вслед за ним откланялся и наш гость, пообещав, что после того, как устроит некоторые свои дела, вернется рано утром и остановится в доме мисс Трелони.

Большую часть дня мы провели, разглядывая антикварные редкости, собранные мистером Трелони. Со слов Юджина Корбека я уже получил некоторое представление о масштабах его исследований Египта, и в этом свете все вокруг меня начало приобретать новые краски, а недавнее безразличие сменялось восхищением. Этот дом теперь казался мне настоящим музеем древнего искусства. В дополнение к экспонатам разных размеров, находившимся в огромном кабинете мистера Трелони, в огромном зале, на лестничных площадках и в комнатах было множество других, от огромных саркофагов до крошечных скарабеев. Все это наверняка вызвало бы зависть у любого коллекционера.

Маргарет с растущим интересом осматривала все вокруг. Перебирая изящные статуэтки и таинственные амулеты, располагавшиеся на полках многочисленных шкафов, девушка заметила:

– Прежде они казались мне частью обстановки. Наверное, так же люди относятся к семейным портретам, воспринимая их как нечто само собой разумеющееся. Вы не поверите, но я совсем недавно стала обращать внимание на эти вещи, и теперь они привлекают меня все больше и больше. Интересно, не проявление ли это родственной связи с коллекционером? Если так, то странно, что раньше я ее не ощущала. Как чудесно мы с вами проведем время, рассматривая коллекцию!

Последняя фраза привела меня в самый настоящий восторг. Итак, мы вместе блуждали по многочисленным комнатам дома, восхищаясь чудесными вещами. Их там было столько, что поначалу мы ограничились беглым осмотром, но потом нам захотелось более подробно ознакомиться с каждым экспонатом и, осматривая их день за днем, постепенно изучить.

В зале располагалось что-то вроде большой стальной рамы, украшенной цветочным орнаментом, которую, по словам Маргарет, ее отец использовал для подъема каменных крышек саркофагов. Сама рама оказалась не слишком тяжелой, так что ее можно было легко передвигать. Мы по очереди поднимали крышки и рассматривали бесконечные ряды рисунков и иероглифов, вырезанных на саркофагах. Несмотря на признание в собственном невежестве, Маргарет было известно

о них более чем достаточно из бесед с отцом. Прожитый вместе с ним год способствовал расширению ее кругозора. Мисс Трелони обладала замечательным умом и хорошей памятью, так что ее познаниям могли бы позавидовать многие ученые. Единственное, в чем девушку можно было упрекнуть, так это в наивности и простоте ее высказываний. Ей была присуща такая свежесть во взглядах и мнениях, что в ее компании я снова почувствовал себя юным. А все беды и тайны, обрушившиеся на этот дом, казалось, отступили...

Из саркофагов, на мой взгляд, самыми интересными были, без сомнения, те три, что находились в кабинете мистера Трелони. Два – из темного камня: один – из порфира, а другой из неизвестного мне минерала, похожего на бурый железняк. Что касается третьего, он был сделан из желто-коричневого камня, напомнившего мне мексиканский оникс, но его естественный рисунок был выражен меньше, причем в некоторых местах камень выглядел почти прозрачным. И нижнюю часть, и крышку покрывали сотни, а может быть, и тысячи мелких иероглифов сине-зеленого цвета.⁸ Саркофаг был длинным, футов девять, и, возможно, ярд в ширину. Волнистые края и изящно изогнутые углы радовали глаз, на них было приятно смотреть.

– Поистине, – сказал я, – он, должно быть, предназначался для гиганта.

– Или для великанши, – согласилась со мной Маргарет.

Я обратил внимание на весьма существенную деталь: дно этого саркофага было сделано по форме человеческой фигуры. Все остальные, из какого бы материала они ни были сделаны – гранита, порфира, железняка, базальта, сланца или дерева, – отличались простотой форм. На самом деле саркофаги во многом походили на каменные или мраморные ванны римлян, которые я когда-то видел. У некоторых внутренняя поверхность была чистой, у других ее целиком или частично покрывали иероглифы. Я поинтересовался у Маргарет, что ей известно по этому поводу. В ответ она лишь вздохнула:

– Отец не хотел говорить. Разумеется, странный саркофаг тоже привлек мое внимание; но отец сказал следующее: «Когда-нибудь я расскажу тебе об этом, малышка, если доживу! Но не сейчас! Когда-нибудь, и, возможно, скоро, я узнаю все, и тогда мы вместе этим займемся. Ты убедишься, что это весьма интересная история – от начала и до конца!» Только один раз после этого я ему напомнила, и, боюсь, слегка легкомысленно: «Не расскажешь ли ту историю о саркофаге, отец?» Он покачал головой, посмотрел на меня очень серьезно и ответил: «Еще нет, но это будет – если доживу!» Его слова, надо признаться, меня очень испугали, и я больше не возвращалась к этой теме.

Рассказ Маргарет более чем заинтересовал меня – не знаю почему, но это было похоже на какой-то проблеск надежды. Бывают моменты, когда мышление сразу принимает что-то на веру. До сих пор мы пребывали в полном неведении в отношении мистера Трелони и того странного нападения, которому он подвергся, поэтому сейчас все, что могло навести нас на какой-либо след, даже самый слабый и сомнительный, приобретало оттенок уверенности и определенности. Здесь мы имели дело с двумя моментами. Во-первых, мистер Трелони связывал с этим определенным предметом какие-то сомнения насчет продолжительности своей жизни. Во-вторых, он чего-то ждал или у него были какие-то намерения, о которых он не хотел рассказывать даже своей дочери, пока все не разъяснится до конца. Опять же, нужно принимать во внимание то, что этот саркофаг отличался от других. Что означало это странное углубление? Я ничего не стал говорить Маргарет, опасаясь напугать или обнадежить; но про себя решил при первой же возможности заняться исследованием этой проблемы.

Рядом с саркофагом находился низкий столик из зеленого камня, похожего на гелиотроп или красный железняк, его ножки были сделаны в виде лап шакала, и вокруг каждой из них обвивалась змея, искусно отлитая из чистого золота. На столике стоял ларец необычной формы – семигранная пирамида, сделанная из цельного куска неизвестного мне камня. В длину она была примерно два с половиной фута, вдвое меньше в ширину и почти фут в высоту. Основания ее граней были разной протяженности. Внизу она была интенсивно зеленого цвета, напоминавшего изумруд, но без блес-

⁸ Цвета красок, применявшихся в гробницах, символизировали: синий – небо и тела небесных богов, зеленый – воз-
рождение.

ка. Однако постепенно камень светлел, причем изменение цвета происходило незаметно для глаз, и наверху становился нежно-желтым. Вся поверхность шкатулки, кроме нескольких мест, была испещрена мельчайшими иероглифами, искусно выполненными той же сине-зеленой краской, как и на саркофаге. Пробелы располагались неравномерно, эти места казались более прозрачными, чем все остальное. Я попытался поднять крышку, чтобы посмотреть, не просвечивают ли они, но не смог: крышка была так плотно пригнана, что весь ларец казался единым целым.

С другой стороны от огромного саркофага тоже располагался небольшой столик – из гипса, с искусно вырезанными фигурами богов и знаков зодиака. Хозяин дома поставил на него шкатулку с основанием примерно в квадратный фут, сделанную из пластин горного хрусталя в золотой оправе, гравированной сине-зелеными иероглифами. Это произведение искусства выглядело вполне современным, однако его содержимое таковым не являлось. Мыс Маргарет не могли отвести глаз от руки мумии, покоившейся на подушке из тонкой шелковой ткани, затканной золотом. Тонкая кисть с длинными, сужавшимися к кончикам пальцами (что удивительно, их было семь – два средних и два указательных) за тысячи лет ничуть не потеряла своей красоты. Даже запястье, казалось, сохранило гибкость, лежа на подушке в изящном изгибе. Цвет кожи – старая слоновая кость – наводил на мысль о жаре – и о тени, которая могла послужить спасением от солнца. Верхняя часть запястья была неровной, ее покрывали красно-коричневые пятна. Рядом с рукой на подушке лежал небольшой золотой скарабей, искусно украшенный изумрудами.

– Это еще одна из тайн отца. Когда я его спросила, что это, он ответил: «Вероятно, самое ценное из всего, что у меня есть, если не считать еще одной вещи». Но больше он ничего не сказал и запретил мне упоминать об этих предметах: «Ты узнаешь все, когда придет время – если я доживу!»

Опять «если доживу»! Три предмета – саркофаг, шкатулка и рука – объединились в триаду тайн!

В этот момент девушку отвлекла миссис Грант, и она покинула меня. Я стал осматривать другие диковины, находившиеся в комнате, но без мисс Трелони они потеряли для меня всякое очарование. Затем меня пригласили в будуар возле холла, где Маргарет и экономка обсуждали, какую комнату выделить мистеру Корбеку – рядом с комнатой хозяина дома или в отдалении. Женщины единодушно решили посоветоваться со мной, и я пришел к выводу, что ему не следует жить слишком близко с кабинетом Абея Трелони; во всяком случае, при необходимости его легко можно будет переселить поближе. Когда миссис Грант ушла, я спросил Маргарет, как получилось, что мебель в будуаре так сильно отличается от других комнат дома.

– Предусмотрительность отца! – ответила она. – Когда я переехала к нему, он подумал – и вполне справедливо, – что меня могут напугать все эти символы смерти и погребений, которыми заполнен дом. Поэтому комнату, в которой мы находимся, и мою спальню он обставил красивыми вещами. Видите, какая красота! А этот шкафчик принадлежал Наполеону Великому...

– Значит, в ваших комнатах нет ничего египетского? – спросил я скорее из вежливости, желая показать интерес к тому, что она говорила. – Замечательный шкафчик! Можно посмотреть?

– Конечно! Буду очень рада! – ответила она с улыбкой. – Отец говорил, что его отделка совершенна как внутри, так и снаружи.

Шкафчик был сделан из красного дерева с инкрустацией и отделан позолоченной бронзой. Я начал было вытаскивать один из ящиков, заинтересовавшись внутренней отделкой, но внутри что-то покатилося и загремело. Послышался звук удара металла о металл.

– Ого! – заметил я. – Там что-то есть. Я тогда лучше не буду открывать.

– Насколько я знаю, ящик пуст, – сказала она. – Хотя... может быть, горничная положила туда что-то и забыла предупредить меня. Все равно, открывайте!

Я вытянул ящик, и мы в изумлении отступили. Внутри оказалось семь древних египетских светильников самых различных размеров и форм. Наклонившись, мы стали их внимательно рассматривать. Мое сердце билось, как паровой молот; и по движению груди Маргарет я видел, что она тоже необычайно взволнована.

Пока мы смотрели на светильники, не решаясь к ним прикоснуться, внизу раздался звонок, и спустя некоторое время в будуар вошли мистер Корбек и сержант Доу. Юджин Корбек быстро по-

дошел к нам и мрачным тоном произнес:

– Дорогая мисс Трелони, мы с детективом осмотрели весь мой багаж, и там все на месте. – Затем, еще более помрачнев, добавил: – Если не считать светильников. Светильников, которые стоили в тысячу раз больше всего остального...

Он замолчал, пораженный необычной бледностью ее лица. Затем его глаза остановились на лампах в ящике.

– Мои светильники! Мои светильники! С ними все в порядке! В порядке! Но как, бога ради, ради всех богов, как они здесь очутились?

Мы молчали. Детектив громко вздохнул. Я посмотрел на него, а он, встретившись со мной взглядом, почти мгновенно перевел его на Маргарет. В его глазах виднелась та же самая подозрительность, которая была в них, когда он говорил мне, что мисс Трелони всякий раз первой обнаруживала своего отца после нападений.

Глава IX НЕДОСТАТОК ЗНАНИЙ

Юджин Корбек почти обезумел от радости – светильники нашлись! Он брал их по одному, с восхищением рассматривал, нежно гладил, шумно дыша от восторга и возбуждения. Сержант Доу, наконец, заговорил, и его голос прозвучал явным диссонансом:

– Вы вполне уверены, что это те самые светильники, которые были у вас украдены?

– Несомненно! – Мистер Корбек в изумлении уставился на него. – Конечно, я уверен! Другого такого комплекта светильников нет нигде в мире!

– Откуда вам это известно? В Британском музее, несомненно, могут быть подобные им, или эти находились в коллекции у мистера Трелони. Нет ничего нового под солнцем, как вам известно, мистер Корбек, даже в Египте. – Настойчивый тон детектива, казалось, свидетельствовал о том, что у него есть для этого некий повод. Он продолжал: – Возможно, перед нами оригиналы, а у вас были копии. Есть ли какие-то особые признаки, по которым вы можете определить, что светильники ваши?

Мистер Корбек на этот раз не на шутку рассердился. Забыв о сдержанности, он излил свое возмущение в виде потока отрывочных фраз:

– Определить! Копии! Британский музей! Проклятье! Может быть, такой набор есть в Скотленд-Ярде, чтобы преподавать идиотам-полицейским египтологию! Знаю ли я их? Я три месяца нес их по пустыне, спрятав на себе, и ночь за ночью проводил без сна, охраняя их! Да я часами рассматривал их через лупу, пока у меня глаза не начинали болеть, пока каждая мельчайшая царапина, вмятина или пятно не стали мне знакомыми, как карта капитану! Молодой человек, взгляните! – Он поставил семь светильников в ряд на шкафчике. – Вы когда-нибудь видели что-нибудь подобное? Посмотрите на них! Вы когда-нибудь видели такие – даже в Скотленд-Ярде, даже на Боу-стрит? Смотрите! На каждом изображена богиня Хатхор⁹ в разных ипостасях. Посмотрите, вот фараон в короне двух Египтов, увенчанной уреем,¹⁰ плывет в царство мертвых рядом с Ра¹¹ и Осирисом. Вы такое видели в Скотленд-Ярде или на Боу-стрит? Или, может быть, из ваших исследований в музеях Гизы, Парижа, Лейдена и Берлина вам известно, что эта сцена очень популярна среди египтологов? А что означает эта фигура Птаха-Сокара-Осириса, держащего Тота? Вы такое видели раньше, хотя бы в Британском музее или в Скотленд-Ярде?

Внезапно он замолчал и, переведя дух, продолжал уже совершенно другим тоном:

⁹ Хатхор – богиня неба. Почиталась также как богиня любви, веселья, музыки, пляски.

¹⁰ После объединения Верхнего и Нижнего Египта около 3000 года до н. э. фараоны возлагали на свою голову двойную бело-красную корону. Урей – священная кобра, символ непобедимости и могущества фараона.

¹¹ Ра – бог солнца. Осирис – царь загробного мира, бог плодородия и производительных сил природы. Птах – бог-творец. Сокар – бог плодородия и покровитель мертвых. Отождествлялся с Птахом и Осирисом. Тот – бог мудрости, счета и письма. В культе мертвых Тоту принадлежала ведущая роль.

– Послушайте! Какой же я идиот! Я прошу у вас прощения за свою грубость. Я просто потерял контроль над собой, когда услышал ваше предположение о том, что я никогда не видел этих светильников. Но вы не гневаетесь, а?

Детектив добродушно ответил:

– Нет, сэр, только не я. Мне нравится наблюдать, как люди сердятся, когда я имею с ними дело, – тогда я понимаю, на чьей они стороне. Когда люди в гневе, тогда вы и узнаете от них правду. Я держусь спокойно, это моя профессия! Вы знаете, за эти две минуты вы рассказали мне об этих светильниках больше, чем тогда, когда описывали их, чтобы я мог их опознать.

Мистер Корбек крикнул, недовольный тем, что выдал себя. Повернувшись ко мне, он спросил:

– Теперь скажите мне, как вам удалось их заполучить?

Я был так поражен, что ответил не думая:

– Мы тут ни при чем!

Путешественник звонко расхохотался.

– Что вы этим хотите сказать, черт побери? – спросил он. – Мы вас застали за тем, что вы их разглядывали.

К этому времени я справился со своим изумлением и вполне владел собой.

– В этом-то все и дело, – сказал я. – Мы случайно на них наткнулись, именно в тот момент, когда вы вошли!

Юджин Корбек, отстранившись, внимательно смотрел на нас с мисс Трелони, переводя взгляд с одного на другого, затем спросил:

– Вы хотите мне сказать, что никто их сюда не приносил и вы нашли их в шкафчике?

– Думаю, кто-то все же должен был их сюда принести; они не могли здесь очутиться сами по себе. Но кто это был, когда и как это произошло, мы не знаем.

Может, кому-нибудь из слуг известно? – ответила мисс Трелони.

В комнате повисло напряженное молчание. Пауза затягивалась, наконец, ее прервал сержант Доу:

– Черт меня побери! Но я ничего не понимаю, извините, мисс, – и он развел руками.

Мы вызывали слуг по одному и спрашивали их, не знают ли они чего-нибудь о предметах, положенных в шкафчик будуара, разумеется, не показывая светильников. Этот допрос не дал никаких результатов.

Мистер Корбек, упаковав светильники в вату, поместил их в жестяную коробку, которую, кстати, замечу, отнесли в комнату детективов. Специально вызванный полицейский охранял ее всю ночь, вооружась револьвером. На следующий день был доставлен небольшой сейф, и мы поместили светильники в него. Сейф отпирался двумя различными ключами. Один из них я держал при себе, а другой положил в свой сейф в банке. Мы были полны решимости не допустить повторной утраты светильников.

Вечером того дня, когда мы нашли светильники, появился доктор Уинчестер с большой коробкой. Когда он ее открыл, выяснилось, что там мумия кошки. С разрешения мисс Трелони я отнес ее в будуар, и туда впустили Сильвио. К нашему всеобщему удивлению (исключая доктора), кот вообще никак не отреагировал на мумию. Затем, следуя своему плану, Уинчестер, сопровождаемый нами, отнес Сильвио в комнату мистера Трелони. Доктор не пытался скрыть своего возбуждения, а Маргарет – тревоги. Что касается меня, то я тоже волновался, так как начал понимать, в чем состоит идея Уинчестера. Детектив держался с холодным и спокойным высокомерием; мистер Корбек, напротив, был оживлен и полон энтузиазма.

Как только доктор внес кота в комнату, Сильвио громко замяукал и стал выворачиваться из его рук. Наконец его попытки увенчались успехом, кот стрелой понесся к мумии и стал, яростно, царапать раскрашенный саркофаг. Мисс Трелони с трудом поймала его и поспешила за дверь. Оказавшись за пределами комнаты, Сильвио мгновенно успокоился. Когда Маргарет возвратилась, мы обменялись репликами.

– Я так и думал! – сказал Уинчестер.

– Что это может значить? – спросила мисс Трелони.

– Очень странно! – удивился Юджин Корбек.

– Странно, но ничего не доказывает, – усмехнулся сержант Доу.

– Никаких соображений по этому поводу! – Я пожал плечами: надо было хоть что-то сказать. Затем, по общему согласию, обсуждение этой темы решили перенести на другое время.

Вечером у себя в комнате я делал некоторые заметки в дневнике о произошедших событиях, когда раздался стук в дверь. Вошел сержант Доу и тщательно закрыл за собой дверь.

– Ну, сержант, – сказал я, – садитесь. В чем дело?

– Я хотел поговорить с вами, сэр, об этих светильниках.

Я кивнул, приготовившись слушать, но он молчал. Наконец детектив прервал затянувшуюся паузу.

– Вы знаете, что комната, в которой их нашли, смежная со спальней мисс Трелони?

– Да.

– Ночью в той части дома открылось и снова закрылось окно. Я почти мгновенно отреагировал на этот звук – обошел вокруг здания, – но ничего не заметил.

– Да, мне тоже показалось, что где-то звенело стекло, – согласился я.

– Вы не думаете, что здесь происходит нечто странное, сэр?

– Странное! – Я покачал головой. – Странное! Это самая поразительная, сводящая с ума вещь, с которой мне приходилось сталкиваться в жизни. Это все настолько необычно, что никто ничему не удивляется и все просто ждут, что же произойдет дальше. Но что кажется странным вам?

Детектив помолчал, подбирая слова, затем нерешительным тоном продолжил:

– Видите ли, я не из тех, кто верит в магию и прочее. Предпочитаю иметь дело с фактами, и, в конце концов, оказывается, что все можно объяснить. Этот джентльмен утверждает, что светильники были украдены из его комнаты в отеле. Судя по некоторым его словам, я понял, что они на самом деле принадлежат мистеру Трелони. В тот вечер, когда было совершено похищение, мисс Трелони почему-то решает поменять спальню и отправляется спать на первый этаж. Ночью было слышно, как открывается и закрывается окно. И что же? Мы обнаруживаем украденные вещи в комнате, находящейся рядом с той, в которой она спала!

Он остановился. Тревога и боль за девушку вспыхнули в моем сердце с новой силой. Однако же ситуация требовала разрешения. Это касалось наших отношений с Маргарет, моих чувств к ней, которые, как я теперь прекрасно осознавал, были не чем иным, как любовью и уважением. Я старался говорить по возможности спокойно, зная, что острые глаза сыщика нацелены на меня.

– И какой же здесь вывод?

Он ответил с холодной дерзостью убежденного человека:

– Полагаю, что кражи вообще не было. Кто-то принес эти вещи в дом и передал их кому-то через окно на первом этаже. Их положили в шкафчик с той целью, чтобы они были найдены в подходящее время!

Почему-то я почувствовал облегчение – предположение само по себе было слишком чудовищным. Однако мне не хотелось подавать виду, поэтому я ответил как нельзя более серьезным тоном:

– И кто же, вы думаете, принес их сюда?

– Этот вопрос остается открытым. Возможно, сам мистер Корбек. Доверяться какому-то третьему лицу было бы слишком рискованно.

– Тогда естественным продолжением ваших выводов явится то, что мистер Корбек лжец и у него есть тайные дела с мисс Трелони.

– Ваши слова слишком резки, мистер Росс. Они прямо направлены против конкретных людей, и тогда насчет них возникают новые сомнения. Но я предпочитаю следовать здравому смыслу. Может быть, мисс Трелони здесь и замешана, но насчет Корбека я уверен. Эти светильники не могли быть взяты без его ведома. Мне кажется, опасно оставлять его в доме, где хранится такое количество ценных вещей, но, с другой стороны, это даст нам с напарником возможность за ним наблюдать. Мистер Корбек сейчас в моей комнате, сторожит эти светильники, но и Джонни Райт тоже там. Кстати, мистер Росс, хочу напомнить: все, что я говорил, должно остаться между нами.

– Само собой! Вы можете быть уверены в моем молчании, – сказал я, и Доу отправился следить за египтологом.

Не успел я как следует осмыслить только что закончившийся разговор, как с визитом явился доктор Уинчестер, который, осмотрев своего пациента, собирался идти домой. Расположившись в предложенном ему кресле, он сразу же заговорил:

– Мисс Трелони только что рассказала мне об украденных светильниках и о том, как их нашли в шкафчике. Это, по-видимому, еще более усугубляет тайну, но, тем не менее, я испытываю облегчение, потому что уже исчерпал все естественные и человеческие объяснения этого дела и начал верить в сверхъестественные и сверхчеловеческие. Здесь происходят такие странные вещи, и если я не сойду с ума, то думаю, что нам уже недалеко до разгадки. Хотелось бы задать несколько вопросов мистеру Корбеку – чтобы не было дальнейших осложнений и проблем. Мне нужна его помощь. Он, по-видимому, необычайно много знает о Египте и обо всем, что с ним связано. Может быть, вы попросите его и он согласится перевести небольшой отрывок иероглифического текста – полагаю, для него это детская игра. Как вы считаете?

Я задумался. Безусловно, мы нуждались в каждой крупице информации. Ни доктор, ни Корбек не вызывали у меня никаких сомнений в плане доверия им обоим, к тому же любое сравнение мнений и взаимопомощь могли бы дать хорошие результаты.

– Обязательно его об этом попрошу. Он производит впечатление человека, сведущего в египтологии, и, я думаю, он хороший парень и энтузиаст. Но постарайтесь, чтобы те сведения, которые вы получите от него, не стали доступны чужим ушам.

– Конечно! – кивнул он. – Я вообще не собираюсь никому об этом говорить, кроме вас. Нужно помнить, что, когда мистер Трелони выздоровеет, ему может не понравиться то, что мы суем нос в его дела.

– Хорошо. Давайте сделаем так: я попрошу Корбека зайти сюда и выкурить с нами трубку. Мы сможем все обсудить.

Уинчестер одобрил мое предложение, и я отправился за Юджином Корбеком. Мне показалось, что детективы были рады, что он уходит. По дороге мистер Корбек заметил:

– Мне совсем не нравится оставлять светильники под охраной только этих полицейских. Они ведь не понимают их истинной ценности!

Едва мистер Корбек и доктор Уинчестер обменялись парой фраз и оценивающе оглядели друг друга, как мне сразу стало понятно, что они понравились друг другу. Наш ученый гость согласился помочь нам, если, добавил он, это не будет нечто такое, о чем он не имеет возможности нам рассказать.

– Мне бы хотелось, чтобы вы перевели небольшой текст.

– Пожалуйста, с большим удовольствием, если смогу. Потому что, должен вам сказать, иероглифическое письмо еще не полностью расшифровано, но мы идем к цели! Да-да, цель близка! Какого рода текст? Надпись?

– Их две, – ответил доктор. – Я принесу одну из них.

Он вышел и через минуту вернулся с мумией кошки, которую раньше показывал Сильвио. Ученый взял ее в руки и после недолгого осмотра сообщил нам:

– Здесь нет ничего особенного. Это воззвание к Баст, правительнице Бубастиса, с просьбой дать богатые хлеба и молоко. Внутри, может быть, написано еще что-нибудь, и, если вы пожелаете ее распеленать, я опять-таки сделаю, что смогу. Не думаю, однако, что здесь скрывается нечто особенное. По тому, как завернута мумия, можно сделать вывод, что она из Дельты и относится к периоду, когда подобное мумифицирование было дешевым и широко распространенным. Где же другая надпись?

– Надпись на мумии кошки в комнате мистера Трелони.

Лицо Юджина Корбека вытянулось.

– Нет! – энергично потрянул он головой. – Я не могу этого сделать! Ввиду всех происходящих событий я просто обязан соблюдать тайну в отношении вещей, находящихся в комнате мистера Трелони.

Мыс доктором Уинчестером едва ли не хором воскликнули:

– Обязан соблюдать тайну?

Мистер Корбек пожал плечами:

– Поймите меня правильно: я не давал каких-то определенных обязательств, но уважаю мистера Трелони и ценю доверие, которое он мне оказывает. У него есть определенные цели относительно многих предметов в этой комнате, и мне, его доверенному лицу и другу, не подобает говорить об этих намерениях. Мистер Трелони, как вы знаете, ученый, великий ученый. Этот человек в течение долгих лет стремится достигнуть определенных результатов, не жалея ни сил, ни средств, пренебрегает опасностями, не думает о себе. Он на пути к открытию, которое поставит его в один ряд с самыми великими исследователями и первооткрывателями нашего времени. А теперь, именно в тот момент, когда дорог каждый час, я вижу его недвижно лежащим в постели!

Эмоции переполняли его, и он остановился, однако спустя несколько секунд сумел успокоиться и продолжил:

– Опять же, прошу меня правильно понять еще в одном вопросе. Мои слова о том, что мистер Трелони доверял мне, вовсе не означают, что я осведомлен обо всех его планах. Мне известен изучаемый период и вполне конкретное историческое лицо, чьей жизнью он интересовался, а также то, какие записи были им расшифрованы – одна за другой с бесконечным терпением. Но кроме этого, я не знаю ничего. Нисколько не сомневаюсь в том, что у него есть какая-то цель, к которой он придет по завершении этой работы. В чем она состоит – могу только догадываться, но сказать что-либо определенное – увы! Помните, пожалуйста, джентльмены, что я добровольно согласился не претендовать на ваше полное доверие, на то, что вы расскажете мне все о том, что произошло в этом доме. И этот договор я соблюдаю, поэтому должен просить всех своих новых знакомых поступать так же.

Он говорил с большим достоинством, и с каждой минутой мое уважение к нему росло. Я обменялся взглядом с доктором. Судя по всему, Уинчестер разделял мои чувства.

– Я сказал достаточно много и осознаю, что даже такой легкий намек, который содержится в моих словах, может поставить под сомнение... нет, провалить всю его работу. Но я уверен, что вы оба хотите помочь ему... и его дочери, – добавил он, глядя мне прямо в глаза, – сделать все, что в ваших силах, без каких-либо корыстных побуждений. Мой бог! Он лежит не шевелясь, и это настолько таинственно, что нельзя не предполагать – подобное состояние в какой-то мере результат его собственной работы. Нет сомнений, в его расчеты закралась неточность. Бог знает, мне хотелось бы сделать все, что смогу, использовать все мои знания. Я прибыл в Англию, воодушевленный мыслью, что выполнил его поручение. Мне удалось раздобыть то, что он называл «последними предметами», которые ему надо было найти... Я был уверен, что теперь он сможет начать тот эксперимент, на который часто мне намекал. Это ужасно, что именно сейчас с ним стряслась такая беда. Мистер Уинчестер, вы врач, и если ваши глаза не лгут, а лицо выражает то, кем вы являетесь на самом деле, то я вижу перед собой умного и смелого врача. Нет ли способа, при помощи которого вы могли бы вывести Абея Трелони из этого неестественного ступора?

После непродолжительной паузы доктор заговорил, тщательно подбирая слова:

– Насколько мне известно, обычных средств не существует. Не исключено, что имеются средства необычные. Но бессмысленно пытаться их найти, если не будет соблюдено одно условие.

– Какое?

– Наличие определенного знания. Я не имею ни малейшего представления о Египте, его языке, письменности, истории, легендах, медицине, ядах, оккультных силах – обо всем, что является сущностью этой таинственной земли. Эта болезнь, или состояние, или... словом, назовите как угодно то, от чего страдает мистер Трелони, – каким-то образом связано с Египтом. Я сразу же заподозрил нечто подобное, и постепенно мое подозрение переросло в уверенность, хотя и бездоказательную. То, что вы рассказали, подтверждает мое предположение и заставляет сделать вывод, что доказательство надо найти. Я думаю, вы не вполне осведомлены о том, что происходило в этом доме, начиная с ночи, когда произошло нападение и нашли мистера Трелони. Теперь, полагаю, нам следует довериться вам. Если мистер Росс не станет возражать, я попрошу его все вам рассказать – он лучше меня умеет излагать факты и сделает самый подробный пересказ того, что он видел своими глазами и слышал от свидетелей, которых опросил, – участников или зрителей

произошедшего. Когда вы узнаете все, то вам придется решать, каким образом вы сможете лучше помочь мистеру Трелони в осуществлении его целей – будете продолжать хранить молчание или все-таки заговорите.

Кивком я выразил свое одобрение. Мистер Корбек, вскочив в своей уже привычной нам импульсивной манере, протянул руку каждому из нас.

– Договорились! – воскликнул он. – Вы оказываете мне честь, доверяясь мне; и я в свою очередь обещаю: если решу, что сам мистер Трелони пожелал бы, чтобы я в его интересах нарушил обет молчания, то я буду говорить совершенно свободно.

Итак, я рассказал ему как можно точнее обо всем, что произошло с тех пор, как меня разбудил стук в дверь дома на Джермин-стрит. Единственное, о чем я не стал распространяться, – это мои чувства к мисс Трелони и связанные с этим незначительные детали, а также мои разговоры с сержантом Доу, которые сами по себе носили частный характер и в любом случае должны были оставаться таковыми. Мистер Корбек слушал, затаив дыхание. Иногда наш гость вскакивал и возбужденно шагал по комнате, затем внезапно останавливался и едва ли не падал в кресло. Иногда он порывался что-то сказать, но сдерживал себя. Мне кажется, что этот рассказ помог, в том числе и мне самому, так как я уже по прошествии некоторого промежутка времени сумел несколько по-иному оценить ситуацию. Происшествия большие и маленькие, в соответствии с их отношением к этому делу, расположились в определенном порядке. Рассказ стал последовательным, если не считать того, что причина происшедшего нам была неизвестна и казалась еще более таинственной, чем раньше. Однако целый ряд фактов, сомнений, подозрений, предположений превратились в одно убедительное целое, и в этом было несомненное достоинство повествования, составленного из отдельных событий.

Выслушав меня, мистер Корбек не стал заниматься выяснением деталей, а заговорил твердо и решительно, как настоящий мужчина:

– Это меняет дело. Здесь действует некая сила, требующая особого обращения. Если мы будем блуждать в потемках, то начнем путаться другу друга под ногами и потеряем то направление, в котором могли бы двигаться в поисках правильного решения. Мне кажется, первое, что нам необходимо сделать, – это вывести мистера Трелони из состояния неестественного сна. То, что его можно разбудить, очевидно – выздоровела же сиделка! Хотя неизвестно, какой дополнительный вред ему мог быть причинен за то время, что он жил в этой комнате. Нам, однако, придется идти на риск. Что же касается вашей просьбы пролить свет на некоторые тайны Египта, то... Мистер Росс, как я понимаю, сегодня ночью вам предстоит дежурить в комнате хозяина дома. Я дам вам книгу, которая поможет с пользой провести время. Мне известна полка, на которой она стояла, когда я был в прошлый раз в библиотеке. Вряд ли она понадобилась мистеру Трелони – он уже давным-давно знаком с тем, что изложено в ней. Но вам необходимо или, по крайней мере, полезно понять некоторые вещи, о которых я сообщу позже. Затем вы сможете рассказать доктору Уинчестеру обо всем, что могло бы ему помочь. Каждый из нас будет решать свою задачу, для чего потребуются время и сообразительность. Кстати, вам необязательно читать всю книгу – только то, что вас заинтересует и, разумеется, поможет разобраться с нашей проблемой. Хотя книга очень занимательна – это описание путешествия по Египту, в то время когда эта страна мало кому была известна. Прочтите предисловие и две-три главы, которые я вам отмечу.

Он тепло пожал руку доктору Уинчестеру, собиравшемуся уходить, и направился в библиотеку.

Пока Юджин Корбек искал книгу, я сидел в одиночестве, предаваясь размышлениям. Мир вокруг представлялся безгранично большим, меня подстерегали неведомые опасности, а та, что являла собой центр моего мироздания... Что ж, ради нее стоило вступить в схватку с таинственным противником, и за нее можно было и умереть!

Не прошло и нескольких минут, как вернулся мистер Корбек с книгой в руках – он нашел ее сразу же, на том же месте, где видел три года назад. Заложив бумажными полосками несколько мест, которые мне следовало прочитать, он вручил ее мне со словами:

– Это то, что чрезвычайно заинтересовало и увлекло мистера Трелони и меня. Считайте эту книгу интересным прологом к особому исследованию – каким бы ни был его эпилог. Если, конеч-

но, кому-нибудь из нас он станет известен.

Задержавшись у двери, он добавил:

– Я хочу взять обратно свои слова насчет детектива. Он отличный парень. То, что вы мне рассказали, в корне изменило мое отношение к нему. Я сегодня буду спать спокойно, оставив светильники под его присмотром!

Когда он ушел, я захватил с собой книгу и респиратор и отправился выполнять свои обязанности в комнату Абея Трелони.

Глава X ДОЛИНА МАГА

Положив книгу на маленький столик, на котором стояла лампа с экраном, я отодвинул экран в сторону. Итак, теперь я мог, отрывая взгляд от книги, видеть и кровать, и сиделку, и дверь. Не могу сказать, что обстановка способствовала возможности сосредоточиться и заняться чтением. Даже беглого взгляда на книгу было достаточно, чтобы понять: она потребует пристального внимания прежде всего еще и потому, что была написана на голландском языке. Кто-то перевел ее, просто написав английские слова под соответствующими голландскими. Поначалу я с трудом разбирал витиеватые буквы двухсотлетней давности (книга была издана в Амстердаме в 1650 году), однако через некоторое время обнаружил, что вполне понимаю фразу на английском языке, построенную по синтаксическим правилам голландского. Осталось только привыкнуть к почерку – и тогда чтение не будет вызывать столько затруднений.

Поначалу я слегка тревожился, что мисс Трелони может неожиданно зайти и увидеть книгу у меня в руках. Перед тем как доктор Уинчестер ушел домой, мы договорились между собой, что не будем посвящать ее в детали предстоящего расследования, прежде всего потому, что женское мышление вряд ли сумеет быть объективным перед лицом очевидной тайны. Кроме того, Маргарет как дочь мистера Трелони может оказаться в трудном положении, если станет способствовать нарушению его приказов или даже просто будет знать об этом. Но когда я вспомнил, что она должна сменить сиделку в два часа ночи, мне стало спокойнее: в запасе еще оставалось почти три часа.

В очередной раз оторвав взгляд от ровных строчек, я оглядел комнату. Выздоровевшая сиделка Кеннети находилась на стуле у кровати. Из коридора доносилось тиканье часов – кроме этих звуков, пожалуй, ничто не нарушало ночную тишину. Свет на страницах книги и успокаивающее зеленое сияние абажура усиливали окружающую меня темноту. Когда мои глаза вернулись к книге, свет показался ослепительным.

В предисловии автор Николас Ван Хайн из Хорна сообщал о том, что он, увлеченный книгой Джона Гривса¹² под названием «Пирамидография», сам посетил Египет. Его настолько заинтересовали чудеса этой древней страны, что он посвятил несколько лет жизни путешествиям по необычным местам и исследованиям руин многих храмов и захоронений. Николас Ван Хайн из Хорна познакомился со множеством рассказов о том, как строились пирамиды, некоторые из них он записал. Их я читать не стал и сразу перешел к отмеченным страницам.

Однако по мере того, как я углублялся в чтение, во мне стало расти ощущение какого-то тревожного воздействия. Один или два раза я поднимал глаза, чтобы посмотреть, не покинула ли сиделка свое место, так как я чувствовал чье-то присутствие рядом со мной. Мисс Кеннети спокойно сидела на стуле, и я снова возвратился к книге. Путешественник преодолел за несколько дней горы, расположенные к востоку от Асуана, и собирался пересечь долину, простиравшуюся на восток и на запад – вид на нее открывался сразу за широким проходом между скалами. Впрочем, представлю слово самому Николасу Ван Хайну – его рассказ я передам, изложив подстрочник на современном английском языке.

«Феллахи решительно отказались входить в долину в такое время, ссылаясь на то, что ночь

¹² Гривс, Джон (1601–1656) – путешественник, профессор астрономии Оксфордского университета. В 1646 году опубликовал книгу «Пирамидография, или Рассуждение о пирамидах в Египте».

может застать нас прежде, чем мы пересечем ее. Поначалу они никак не объясняли свой страх, тем более что до сих пор шли куда угодно в любое время, без колебаний. Однако когда я настоял на объяснении, египтяне сообщили, что это место называется Долиной Мага и ночью там никто не смеет появляться. Я попросил их рассказать о маге, но они отказались, утверждая, что ничего о нем не знают. На следующее утро, когда солнце взошло и осветило долину, ночные страхи исчезли. Тогда я услышал рассказ, что в древности – „миллионы миллионов лет назад“, по их словам, – здесь был похоронен великий маг, мужчина или женщина, они не знали точно. Что касается имени, то мои спутники утверждали, что тот, кто осмелится его произнести, исчезнет с лица земли и не сможет снова воскреснуть в Другом Мире. Проходя по долине, они сбились в кучу, стараясь не отстать друг от друга. Они объяснили это тем, что у мага длинные руки, поэтому идти последним опасно. Их слова меня не очень обрадовали, так как мне пришлось оказаться именно на этом почетном месте.

В самой узкой части долины, с южной стороны, возвышалась огромная скала, на одной из ее стен с гладкой и ровной поверхностью, располагавшейся почти отвесно, были высечены каббалистические знаки, фигуры людей и животных, рыб, земноводных и птиц. Среди этих изображений я разглядел солнце, звезды, а также множество причудливых символов, напоминавших человеческие конечности и части лица, например руки и ноги, пальцы, глаза, носы, уши, губы. Скала настолько поразила меня своей необычностью, что я приказал остановиться и почти весь день рассматривал скалу в подзорную трубу. Египтяне были очень напуганы и использовали всевозможные предлоги, чтобы побудить меня идти дальше.

Наступил вечер, но мне так и не удалось найти никакого входа в гробницу, которая, как я подозревал, была скрыта в скале. К этому времени феллахи чуть не взбунтовались, и мне пришлось уйти из долины, так как я не хотел остаться в одиночестве. Но про себя я принял решение вернуться к погребению и исследовать его. С этой целью я пошел дальше в горы, где встретился с арабским шейхом Абу Сомом, который пожелал пойти со мной – арабов не связывают суеверные страхи египтян.

Когда я с бедуинами вернулся в долину, мы попытались взобраться по скале. Камень, достаточно плоский и гладкий от природы, был доведен до совершенства людьми. Раньше в скале были сделаны ступеньки, но потом от них решили избавиться – на их месте остались следы пилы, резца и молотка.

Наконец мы оказались на вершине скалы – не стану описывать, сколь замысловатым было это восхождение, – и оттуда спустились на веревках к предполагаемому входу. Он оказался более чем в ста футах от земли, в двух третях высоты скалы, и его закрывала огромная каменная плита. Иероглифы и каббалистические символы, выбитые в скале, были расположены так, чтобы скрыть плиту, она настолько плотно закрывала вход, что никакой инструмент по камню из тех, что я взял с собой, не входил в зазоры. Я, однако, напрягал все силы и, совершив не один удар, пробил путь к захоронению, поскольку таковым оно и оказалось. Каменная дверь повернулась внутрь, и я прошел в склеп, заметив у входа длинную железную цепь, свешивавшуюся со скобы и сложенную в бухту рядом с дверью.

Гробница была сделана по образцу самых лучших египетских захоронений, с молельной камерой и шахтой, что вела в коридор, заканчивавшийся помещением для мумии. Все стены камеры и проход покрывали странные письмена, ничем не отличавшиеся от тех, что были выбиты на внешней стороне скалы. Огромный каменный гроб, или саркофаг, в глубокой погребальной камере был также сплошь покрыт всевозможными знаками. Материалом для него послужил неизвестный мне редкий по красоте камень. Жаль, что саркофаг нельзя было унести с собой – условия путешествия по пустыне делали это невозможным.

Арабам, которые отважились отправиться со мной, очевидно, были привычны подобные мрачные исследования, поэтому им удалось снять крышку с саркофага, не разбив ее. Внутри саркофага находился деревянный гроб в форме человеческого тела. На его верхней части я увидел в свете факелов изображение прекрасной черноволосой женщины с царскими регалиями. Бедуины удивились: подобная добыча, сказали они, вряд ли стоила таких усилий. Мы вскрыли гроб и увидели мумию, обернутую хлопчатобумажными бинтами, однако одна ее рука покоилась на груди,

свободная от покровов. У мумий, которых я видел прежде, ноги и руки были запеленуты...

Я не мог отвести глаз от этой руки, которая в процессе бальзамирования приобрела цвет, напоминавший слоновую кость, которую долго держали на воздухе. Кожа и ногти остались целыми и неповрежденными, причем на руке было семь пальцев – тонких, длинных и очень красивых. Я прикоснулся к руке, пошевелил ее, она оказалась немного гибкой; в это мгновение меня перевернуло, и мурашки побежали по телу. Она пролежала без движения столько тысячелетий и все еще походила на живую плоть! Под ладонью, скрытый от посторонних глаз, находился огромный драгоценный камень – рубин необычной величины, потому что рубины обычно бывают мелкими. Его цвет напоминал кровь, освещенную солнцем. Но главное чудо заключалось не в размере или цвете, хотя и они свидетельствовали, как я уже говорил, о необычности камня, а в вырезанных в нем семи звездах, каждая с семью лучами, настолько ясными, как будто небесные светила действительно находились внутри камня.

Этот огромный рубин поразил меня, и я застыл на месте, словно скованный мгновенным параличом. Я стоял, не в силах отвести взгляд и пошевелиться, как и шейх, оказавшийся рядом со мной. Перед нами словно была сказочная голова Медузы Горгоны, вид которой превращал в камень всех, кто на нее смотрел.

Мне внезапно пришло в голову, что я нахожусь в безлюдном месте, с незнакомыми людьми, которые пришли сюда со мной только потому, что не являлись чрезмерно щепетильными. Мы были в тайном склепе мертвеца, в сотне футов над землей, где меня не найдут, да никто и искать не будет. Поэтому про себя я решил вернуться сюда в менее опасном окружении.

Наконец избавившись от наваждения, мы поспешно обследовали захоронение и нашли огромное количество необычных вещей, включая шкатулку странной формы, сделанную из какого-то неведомого камня, в которой, как я думаю, содержались другие драгоценные камни, так как она покоилась внутри большого саркофага. В склепе был также еще один украшенный ларец, более простой формы, но редких пропорций, сделанный из бурого железняка. Крышка его была только слегка прикреплена чем-то вроде смолы, вероятно для того, чтобы внутрь не проникал воздух. Арабы настояли на том, чтобы открыть его, очевидно рассчитывая найти там драгоценности, но их надежды не оправдались. Внутри близко друг к другу располагались четыре сосуда в форме фигурок павиана, шакала, сокола и человека. Мне было известно, что подобные сосуды использовались для хранения внутренностей мумифицированного мертвеца, но когда мы их открыли – это оказалось легко, так как они были запечатаны тонким слоем воска, – то нашли в них только масло. Бедуины, разлив большую часть масла, совали туда руки, надеясь, что там могли быть сокровища.

Косые взгляды арабов предупредили меня об опасности. Поэтому, чтобы поторопить их, я постарался возбудить в них суеверные страхи, которые, очевидно, не были чужды и этим грубым людям. Глава бедуинов поднялся из камеры и дал знак тем людям, что были наверху, поднимать нас. Взяв с собой редкостный рубин и несколько амулетов, искусно сделанных из драгоценных камней, я поспешил за ним. Мои спутники не сразу последовали за нами. Полагаю, они снова по собственной воле переворошили весь склеп. Однако я не стал упрекать их в этом. Наконец они пришли.

Первый, кого начали поднимать, оступился, когда достиг верха, и упал вниз. Смерть наступила мгновенно. К счастью, его участь при подъеме не разделил никто из нас. Когда настала моя очередь, то перед уходом я постарался вернуть на место каменную плиту, закрывавшую вход в могилу. Мне хотелось сохранить ее от разграбления, потому что я предполагал вернуться сюда.

Как приятно было видеть яркое солнце и безоблачное небо после тьмы могилы! Я радовался даже тому, что араб, упавший со скалы, нашел свою гибель при солнечном свете, а не в той мрачной пещере, откуда мы вышли. Я предложил найти и похоронить его, и шейх велел двум своим людям сделать это, в то время как мы продолжали свой путь.

Когда мы расположились на ночлег, вернулся только один из посланных и сказал, что львица убила его спутника после того, как они похоронили мертвеца глубоко в песке за пределами долины и навалили сверху много больших камней, чтобы шакалы и другие любители мертвечины не смогли его раскопать.

Позже я заметил, как в свете костра, вокруг которого сидели или лежали люди, он показывал своим приятелям какой-то предмет, который они рассматривали с почтением и благоговением. Тихо подобравшись поближе, я увидел не что иное, как кисть руки мумии! Никакой ошибки: мне удалось разглядеть семь пальцев, а еще – красные пятна на запястье, как будто его опустили в свежую кровь. Я слышал, как бедуин рассказывал, что нашел руку на теле того, кто упал со скалы. Этот человек, должно быть, оторвал ее, когда мы были заняты осмотром гробницы. Судя по благоговению остальных, я не сомневался, что бедуин надеялся использовать ее в качестве амулета или талисмана. Но если этот талисман и обладал какими-то силами, они наказали того, кто похитил руку у мертвой.

В ту ночь я изо всех сил старался не заснуть, опасаясь, как бы мне не причинили зла, ибо если рука умершей воспринималась как талисман, то какой же ценностью с этой точки зрения обладал редкостный камень, который она охраняла! И хотя о нем знал только шейх, мои сомнения из-за этого были, вероятно, еще сильнее: бедуины безропотно выполняли приказы своего предводителя. При первой же возможности я покину этих людей и отправлюсь сначала к берегам Нила, затем на лодке вниз по течению до Александрии с другими провожатыми, которые не будут знать, что за необычные вещи я везу с собой.

В конце концов я почувствовал, что не могу сопротивляться сну. Опасаясь, что глава бедуинов может обыскать меня спящего и найти драгоценность, я незаметно достал рубин из кармана и, немного полюбовавшись, сжал его в кулаке. Сила свечения камня в отблесках костра и сиянии звезд – так как луны не было – оставалась неизменной; я заметил, что с обратной стороны на нем были вырезаны глубокими штрихами таинственные знаки, похожие на те, что я видел в гробнице. Итак, когда я смежил веки, погружаясь в сон, рубин находился у меня в кулаке.

Разбуженный светом солнечного утра, я сел и огляделся. Костер был потушен, и лагерь обезлюдел, если не считать фигуры, распростершейся неподалеку от меня. Приблизившись к ней, я узнал шейха, который лежал на спине. Лицо его было почти черным, а открытые глаза с ужасом смотрели в небо, как будто бы перед смертью он увидел что-то страшное. Он, очевидно, был задушен, так как на его горле я обнаружил красные следы от пальцев – их было семь. Я задрожал, вспомнив о руке мумии. Существование колдовства не вызывало сомнений!

Когда я наклонился над убитым, кулак моей правой руки, который до этого инстинктивно сжимался, удерживая то, что в нем было, раскрылся. Рубин выпал и ударил мертвеца по рту, откуда сразу хлынула кровь, и красный камень на мгновение затерялся в ее потоке. Я перевернул умершего, чтобы найти драгоценность, и обнаружил, что в его правой руке зажат огромный острый нож – арабы носят такие на поясе. Может быть, он собирался меня убить и в этот момент его остановили – человек, или Бог, или древние боги, не берусь судить. Я нашел рубин, который сиял, как живая звезда, и, не задерживаясь, поскорее покинул это место. Я шел по жаркой пустыне в одиночестве, пока, по благословению Божьему, не наткнулся на расположившееся у колодца арабское племя. Я не расставался с ними до тех пор, пока не отправился домой. Что стало с рукой мумии, а также с теми, у кого она была, мне не известно. Возможно, какое-нибудь племя пустыни использует ее как талисман силы.

При первой же возможности я исследовал рубин с семью звездами, так как хотел понять, что на нем было вырезано. Символы на нем – их значения я понять не мог – были следующие...»

Дважды, пока мои глаза скользили по строкам этого захватывающего повествования, мне показалось, что я увидел на странице темные полосы, причем разыгравшееся воображение заставило меня принять их за тень от руки. В первый раз, призвав на помощь здравый смысл, я решил, что эта иллюзия возникает из-за бахромы зеленого шелкового абажура на лампе. Однако когда я поднял глаза во второй раз, то невольно уставился на ларец, где хранилась рука мумии; свет звезд, пробивавшийся из-под края занавески, падал на него. Неужели здесь, в этой комнате, рядом со мной действительно находится рука, о которой писал путешественник Ван Хайн?! Я поспешно перевел взгляд на кровать, желая удостовериться, что сиделка все еще спокойно сидит на стуле возле своего подопечного. Ночью, читая подобные истории в окружении таинственных предметов, хорошо иметь поддержку в виде присутствия другого человека.

Я сидел, глядя на книгу перед собой, и от всевозможных мыслей неожиданно закружилась

голова. Затем мир и время на мгновение стали неподвижными – на странице лежала настоящая рука! Разумеется, я почти сразу узнал руку, потому что любил ее обладательницу. Тем не менее меня охватило непонятное чувство, которое исчезло еще до того, как голос Маргарет Трелони достиг моего сознания.

– Что с вами? Почему вы так странно смотрите на книгу? Мне показалось, что на вас опять что-то нашло!

Я вскочил с кресла.

– Я читал... старую книгу из библиотеки, – сказав это, я поспешно закрыл ее и сунул под мышку. – Пойду отнесу ее на место, так как понимаю, что ваш отец желает, чтобы все лежало на своих местах, особенно книги.

Мне не хотелось, чтобы она знала, о чем я читал. Поэтому лучше было не возбуждать ее любопытство, оставив книгу на столе. Я ушел, но не в библиотеку, а к себе в комнату. После того как я выплюсь, у меня будет возможность продолжить чтение.

Когда я вернулся, сиделка Кеннети собиралась идти спать – ее сменила мисс Трелони. Мне не нужны были никакие книги, когда она была со мной. Мы сидели рядом и шепотом болтали – отнюдь не о Египте, легендах, мумиях, мертвецах, пещерах или бедуинах, – а время летело. Края занавесок порозовели в лучах рассвета, и при свете наступающего дня я мог видеть, что на руке Маргарет не семь пальцев, а пять, – ее руку сжимала моя ладонь.

Доктор Уинчестер явился утром. Он нашел меня в столовой. Я сидел, безразлично поглощая пищу (завтрак или ужин, не знаю, как это назвать) перед тем, как лечь спать. Не успели мы обменяться несколькими фразами, как пришел мистер Корбек, и мы возобновили нашу беседу с того момента, на котором остановились вчера вечером. Я сообщил о том, что прочитал отмеченную главу и, по моему мнению, Уинчестеру тоже следовало бы с ней ознакомиться. Доктор попросил разрешения взять книгу с собой до вечера – сейчас ему надо было ехать в Ипсуич, так что он мог бы почитать ее в дороге. Я пошел в свою комнату, чтобы принести книгу, но нигде не мог ее найти, хотя точно помнил, что оставил ее на столике у кровати. Это показалось мне странным: книга не такая вещь, которую могли взять слуги, – кому она могла понадобиться? Мне пришлось вернуться ни с чем.

Когда доктор Уинчестер ушел, мистер Корбек, который, казалось, знал текст наизусть, обсудил со мной ряд проблем. Я сказал ему, что остановился на описании того, какие знаки были вырезаны на рубине. Он улыбнулся:

– Ни во времена Ван Хайна, ни на два столетия позже никому не удалось расшифровать, что означает эта надпись. Истинный ее смысл стал понятен благодаря исследованиям Юнга и Шампольона,¹³ Лепсиуса и Розелини, Мариетта и Питри, а также других ученых. Позже я расскажу вам об этом подробнее – или мистер Трелони сам вам все объяснит; впрочем, возможно, он позволит это сделать мне. Я думаю, – продолжал свой рассказ мистер Корбек, – вам лучше было бы узнать, как развивались события дальше, потому что после описания драгоценности и отчета о том, как Ван Хайн привез его в Голландию, его путешествие завершилось, но история камня не закончилась. Главное в этой книге то, что она заставила думать других – думать и действовать. Среди них были мистер Трелони и я. Мистер Трелони хорошо разбирается в восточных языках, но знает не все европейские. Что касается меня, то во время учебы в Лейдене я изучил голландский настолько, что мог легко пользоваться библиотекой. В то самое время, когда Абель Трелони, собирая свою коллекцию работ по Египту, заказал по книготорговому каталогу эту книгу и, получив ее, велел сделать рукописный перевод, я читал точно такую же книгу в Лейдене, на языке оригинала. Нас обоих поразило описание одинокой гробницы, пробитой так высоко в скале, что любопытствующие не могли до нее добраться, так как все ступени, ведущие к ней, были тщательно уничтожены,

¹³ Юнг, Томас (1773–1829) – врач, физик, египтолог. Занимался расшифровкой иероглифов. Шампольон, Жан Франсуа (1790–1832) – филолог, археолог. Первым расшифровал иероглифы. Лепсиус, Карл Рихард (1810–1884) – египтолог, археолог, языковед, искусствовед. Его находки лежат в основе египетской коллекции Государственного музея в Берлине. Розелини, Ипполито – итальянский археолог, одним из первых начавший раскопки захоронений фараонов в Долине Царей. Мужетт, Огюст (1821–1881) – египтолог, археолог, основатель Египетского музея. Питри, Уильям Мэтью Флиндерс (1853–1942) – профессор Лондонской) университета, универсальный специалист по истории Египта.

а поверхность самой скалы выровнена и украшена надписями и символами, как описывал голландский путешественник. Так как за годы, прошедшие со времен Ван Хайна, знания о египетских редкостях и письменах значительно расширились, нас обоих поразило, что в отношении этого захоронения, сооруженного в таком необычном месте, не имелось никаких записей или изображений, указывавших на то, кто в ней лежит. Более того, само название этого места, Долина Мага, заинтриговало нас – и это в наш прозаический век! Когда мистер Трелони искал в помощь себе других египтологов, мы познакомились и решили найти эту таинственную долину.

Пока шла подготовка к путешествию – этим Абель Трелони занимался сам, – я поехал в Голландию, чтобы попытаться найти хоть какие-то следы, подтверждавшие рассказ Ван Хайна. Я отправился непосредственно в Хорн и терпеливо стал разыскивать дом путешественника или его наследников, если таковые были. Нет нужды утруждать вас деталями моих поисков и находок. Хорн не очень изменился со времен Ван Хайна, если не считать того, что потерял свое значение как торговый город. Пригороды остались такими же, какими были тогда; в таком сонном месте одно-два столетия ничего не значат. Я нашел дом и обнаружил, что никого из наследников в живых не осталось. Затем я стал интересоваться судьбой сокровищ голландца, так как было очевидно, что такой путешественник должен был обладать величайшими ценностями. Я проследил путь многих из них до музеев Лейдена, Утрехта и Амстердама и некоторых – до частных коллекций. Наконец в магазине старого часовщика и ювелира в Хорне я обнаружил то, что Ван Хайн считал своим главным сокровищем: огромный рубин, имевший форму скарабея, с семью звездами и выгравированными снаружи иероглифами. Новый владелец камня не знал иероглифической письменности, а открытия филологии за последние годы не дошли еще до его города. Он ничего не знал о Ван Хайне, кроме того, что такой человек существовал и что его в течение двух столетий местные жители почитали как великого путешественника. Часовщик ценил этот камень только с точки зрения его редкости и считал, что гравировка его портит, и хотя поначалу он не хотел расставаться с уникальным камнем, его удалось убедить благодаря значительной сумме денег. Мой кошелек был полон, поскольку я делал покупки для мистера Трелони, который, полагаю, вам известно, не испытывает недостатка в деньгах. Вскоре я уже был на пути в Лондон – полный безграничной радости и воодушевления, так как вез с собой доказательство чудесного рассказа Ван Хайна.

Камень был спрятан в сейфе, и мы, окрыленные надеждами, отправились в путешествие. Абелю Трелони не хотелось оставлять свою молодую жену, которую он нежно любил, но она, любившая его не меньше, понимала, как сильно он стремится продолжить свои поиски. Поэтому, скрывая про себя – как делают все хорошие женщины – свои тревоги, которые, замечу, в ее случае были особого рода, миссис Трелони призвала его следовать своему влечению.

Глава XI ГРОБНИЦА ДОЧЕРИ ФАРАОНА (продолжение рассказа мистера Корбека)

На предстоящее путешествие мистер Трелони возлагал большие надежды – ничуть не меньше, чем я. Ему свойственно большее постоянство, чем мне, и целеустремленность, которая преобразует надежду в веру. По сравнению со мной он не так подвержен взлетам и падениям настроения, резким переходам от радости к отчаянию.

Иногда в душу мне закрадывались сомнения, что таких рубинов может быть два или что приключения Ван Хайна не что иное, как выдумка путешественника, основанная на редкости, приобретенной в Александрии или Каире, Лондоне или Амстердаме. И все же мистер Трелони никогда не колебался, тем более что нам встречалось много такого, что отвлекало наши мысли от веры и неверия.

Египет¹⁴ – место небезопасное для путешественников, особенно если они англичане. Но

¹⁴ Египет – место небезопасное для путешественников, особенно если они англичане. – В 1882 году англичане оккупировали Египет под предлогом неспособности правительства Египта контролировать судоходство по Суэцкому ка-

Абель Трелони – бесстрашный человек, а временами мне казалось, что и я не трус. Мы собрали группу арабов, которых один или другой из нас знал в прежние времена, во время предыдущих поездок в пустыню, то есть им можно было довериться; точнее, мы не настолько им не доверяли, как другим. Нас было достаточно, чтобы защититься от каких-нибудь мародерствующих банд, и мы взяли с собой оружие и боеприпасы, а также заручились согласием и пассивным содействием властей. По поводу последнего обстоятельства вряд ли стоит добавлять, что основную роль сыграло благосостояние мистера Трелони. Добравшись до Асуана, мы наняли у местного шейха несколько арабов, причем его сын Хамаль согласился сопровождать нас, и отправились в пустыню.

После долгих блужданий среди бесконечной череды холмов к вечеру мы наконец подошли именно к такой долине, какую описывал Ван Хайн, – с высокими, крутыми скалами, сужавшейся к середине и расширявшейся к востоку и западу. Днем мы уже стояли перед скалой, на которой достаточно высоко от поверхности земли можно было заметить отверстие; иероглифы и различные изображения рядом с ним явно предназначались для маскировки.

Но символы и знаки, озадачивавшие Ван Хайна и людей его времени, не были загадкой для нас. Целая плеяда ученых, посвятивших этим исследованиям долгие годы, прорвалась в таинственную темницу египетского языка. На отесанной поверхности скалы мы, также изучившие эти тайны, смогли прочесть послание фиванских жрецов, написанное почти пять тысячелетий назад. В том, что его авторами были жрецы, причем враждебно настроенные к погребенному человеку, сомнений не возникало.

«Сюда боги приходят не по всякому призыву. „Безымянная“ оскорбила их и навеки будет в одиночестве. Не приближайся, иначе тебя испепелит их мечь!»

Использованные символы также добавляли значения тому, что было сказано. «Навеки» с помощью иероглифов выражается как «миллионы лет». Этот символ был повторен девять раз, в трех группах по три, и после каждой группы шли символы Верхнего Мира, Нижнего Мира и Неба. Так что для этой женщины невозможно было воскресение ни в мире солнечного света, ни в мире мертвых, ни в обители богов.

Это предупреждение, должно быть, обладало невероятной силой в те времена, когда оно было написано, и сохранило ее тысячи лет спустя, когда его слова превратились в непостижимую тайну для людей, проживавших теперь на земле Египта.

Ни мистер Трелони, ни я не осмелились перевести текст нашим спутникам. Хотя они и не верили в богов, чья кара могла настигнуть их – по грозному утверждению этой надписи, – но все же были достаточно суеверными и могли покинуть нас, узнав, о чем здесь шла речь. Тем не менее нас оберегали как их невежество, так и наша сдержанность. Мы расположились лагерем неподалеку, но все же за выступом скалы, немного дальше по долине, чтобы эта надпись не была постоянно перед глазами. Что там говорить, даже название этого места – Долина Мага – пугало их и соответственно вселяло в нас некоторую тревогу.

При помощи привезенных с собой досок мы соорудили лестницу; на балке, укрепленной на выступе скалы, располагавшемся почти на самом верху, соорудили блок для поднятия тяжестей. Воспользовавшись лестницей, мы добрались до большой каменной плиты, закрывавшей отверстие. Эта неуклюже поставленная на прежнее место своеобразная дверь была зафиксирована несколькими камнями. Было, однако, много свидетельств того, что плита вращалась на железных петлях и ее предполагалось запирать изнутри. Нам пришлось толкнуть ее внутрь и пройти рядом с ней. Кстати, у входа действительно находилась большая цепь, которую описывал Ван Хайн.

Я и Абель Трелони прошли в склеп, захватив с собой дюжину фонарей – их предполагалось закреплять на стенах по мере того, как мы будем продвигаться вперед. Сначала нам хотелось бегом осмотреть все, а затем перейти к исследованию деталей убранства склепа. Незабываемое, скажу вам, зрелище! До сих пор мы не видели ничего подобного этому захоронению. Искусно сделанные скульптуры и рисунки свидетельствовали, что гробницу в этой пещере сооружали еще при жизни той, для кого она предназначалась. Усыпальница располагалась высоко над сыростью разливов Нила, и ее убранство поражало яркостью и свежестью – словно художники только что закончили

налу.

свою работу.

В первой пещере – ее создали и человек, и природа – располагался портик с массивными семигранными колоннами, чего мы не встречали в других египетских усыпальницах. На его архитраве наше внимание привлекла скульптурная группа: лодка Луны, в которой находилась Хатхор с головой, увенчанной рогами коровы, между которыми находился солнечный диск вместе со столь почитаемым древними египтянами собакоголовым Анубисом.¹⁵ Лодка направлялась на север Гор-па-хердом,¹⁶ о чем свидетельствовали изображения Полярной звезды и созвездия Большой Медведицы. Звезды, образующие ковш, были сделаны из золота, так что в свете фонарей они сверкали особенно ярко. Пройдя через портик, мы обнаружили две смежные камеры.

Находившаяся на западной стене первого зала стела из лазурита, вся испещренная иероглифами алого цвета, показалась нам настолько примечательной, что мы задержались около нее, вместо того чтобы отправиться на поиски саркофага с мумией. Текст на плите начинался следующими словами: «Тера, властительница Обеих Земель, дочь Интефа, царя Верхнего и Нижнего Египта, дочь Солнца – Ра, увенчанная коронами Севера и Юга, покровительница искусств».

Дальше излагалась история ее жизни и правления, причем с большим количеством подробностей. Пшент – двойная бело-красная корона Верхнего и Нижнего Египта – была вырезана с особенно изысканной точностью. Как правило, в Древнем Египте ее мог носить только фараон.

Вы даже представить себе не можете, какое впечатление произвела на нас эта надпись. Не мы первыми увидели эти иероглифы, но мы оказались первыми из тех, кто мог их прочесть с тех пор, как эту плиту установили здесь почти четыре тысячи лет назад. Нас избрала судьба (или эта женщина), чтобы мир мог узнать о Тере, которая воевала против древних богов, заявив, что может подчинять их себе, хотя в то время только жрецы считали себя единственными посредниками между людьми и богами. Надписи на стенах обоих залов, кроме надписей на стеле, были окрашены синеваато-зеленой краской.

В дальнем зале находился колодец, ведущий к саркофагу.

Мы спустились в колодец с помощью принесенных с собой приспособлений, Трелони отправился первым. Колодец был глубоким, более семидесяти футов, но его никогда не засыпали. Внизу проход шел под уклон к погребальной камере, он был длиннее, чем обычно, и не был замурован.

Не стану описывать саркофаг из желтого камня, вы видели его в комнате Абея. Его крышка лежала на земле, она не была зацементирована, как это и описывал Ван Хайн. Нет нужды говорить, с каким возбуждением мы открыли деревянный гроб и заглянули внутрь. Зрелище оказалось не менее потрясающим, чем то, что предстало глазам голландца, когда он увидел руку, лежавшую на облачениях мумии. Вдобавок ко всему мы ощутили трепет, которого наверняка не испытывал Ван Хайн. Кисть отсутствовала, а запястье было покрыто высохшей кровью, как будто тело кровоточило – после смерти! Кровь стекала вниз, поэтому мы обнаружили на ткани, в которую была забинтована мумия, пятна цвета ржавчины. Итак, история подтверждалась полностью... Следовательно, мы не могли подвергать сомнению и другие вещи, о которых рассказывал голландец, как, например, отметки от семи пальцев на горле задушенного шейха.

Я не буду утруждать вас деталями всего, что мы увидели и постепенно узнали, прочитав иероглифы и расшифровав изображения на стенах захоронения.

Правительница Тера происходила из Одиннадцатой, или Фиванской, династии фараонов, правившей между 2160 и 2000 годами до Рождества Христова. Она, несомненно, обладала необычайным характером и способностями, в том числе даром художника. Когда умер ее отец, Интеф, Тера была еще достаточно юной, поэтому ее молодость подтолкнула на решительные действия амбициозных жрецов, которые благодаря своему богатству и знаниям сумели достичь огромной власти над всем Египтом. К тому времени они уже тайно подготовились к смелому и давно желанному ими шагу – отобрать власть у фараона и начать править страной. Но Интеф, предвидя та-

¹⁵ Анубис – покровитель умерших, почитался в виде человека с головой шакала или собаки.

¹⁶ Гор-па-херд – одна из ипостасей бога Гора, Гор-ребенок, сын Исиды.

кие шаги, обеспечил своей дочери поддержку армии. Он также учил ее управлять государством и даже посвятил в тайны самих жрецов, используя сторонников одного культа против другого. Каждый из них надеялся на выигрыш для себя, заручившись поддержкой фараона, или на какие-либо блага в будущем благодаря влиянию на его дочь. Об этом рассказали нам иероглифы и рисунки на стенах усыпальницы, причем мы пришли к выводу, что многие из изображений были выполнены самой царицей Терой. На стеле она не без причины была названа «покровительницей искусств».

Желая сделать дочь достаточно сильной, Интеф обучил ее магии, с помощью которой Тера получила покровительство Тота. Это была настоящая магия, в отличие от вполне безобидной храмовой магии жрецов, предназначавшейся скорее для того, чтобы произвести впечатление, а не достичь определенных результатов. Дочь фараона оказалась прилежной ученицей и вскоре превзошла своих учителей. Ее силы дали ей большие возможности, которыми она пользовалась в полной мере. Необычными способами египетская царица познавала тайны природы, однажды даже легла в могилу – ее забинтовали, положили в саркофаг и оставили так на целый месяц. Жрецы хотели воспользоваться моментом и стали распространять слухи, что Тера умерла и что ее заменили другой девушкой, но правительница убедительно доказала, что они ошиблись. Все это мы узнали, рассматривая чудесные иллюстрации к ее деяниям: вероятно, именно в этот период возродилось художественное величие Четвертой династии, которое достигло своего расцвета во времена Хеопса.¹⁷

В повествовании о Тере подчеркивался тот факт, что она хотя и была женщиной, однако претендовала на все мужские привилегии, а также царственное величие фараона. Нам встретилось ее изображение в мужской одежде и в белой и красной коронах. На следующем Тера предпочла женское платье, но короны Верхнего и Нижнего Египта все еще были на ней, в то время как снятые мужские одежды лежали у ее ног.

Наше внимание привлек сюжет, с помощью символов, необычных по своей образности даже в стране символов и во времена символов, рассказывавший о том, как царица достигла союза с Тотом. Изучая многочисленные изображения, мы заметили две интересные детали: там, где речь шла о надежде, или цели, или воскресении, обязательно присутствовал иероглиф, обозначающий север; и во многих случаях при рассказе о важных событиях, прошлых, настоящих или будущих, присутствовала группа звезд Большой Медведицы. Очевидно, правительница считала, что это созвездие каким-то образом связано с ней.

Вероятно, самым примечательным утверждением, не раз повторявшимся как на стеле, так и в настенных надписях, было то, что Тера обладала властью над богами. Кстати, именно на рубине с семью звездами, изображавшем скарабея, она вырезала заговоры, подчинявшие ей всех богов, как Верхнего, так и Нижнего Миров.

Письмена утверждали, что властительница знала о ненависти жрецов к ней и о том, что после ее смерти они постараются уничтожить ее имя. В соответствии с египетскими поверьями это была ужасная месть, уверяю вас, потому что без имени человек после смерти не может быть представлен богам и за него невозможно молиться. Тера намеревалась воскреснуть через длительное время и в другой стране, в северных широтах, под созвездием, которое управляло ее рождением. Поэтому ее рука должна была быть на воздухе – незавернутой – и держать Камень Семи Звезд, чтобы ка правительницы¹⁸ имело возможность передвигаться во времени и пространстве.

Упоминание о ка навело нас с мистером Трелони на мысль об астральном теле царицы. Был еще текст со ссылкой на шкатулку с семью сторонами, содержащую нечто дающее власть над богами. Поэтому мы не слишком удивились, когда в ногах мумии нашли семигранную шкатулку – вы видели ее в комнате хозяина дома. Нас заинтересовали также столик из гелиотропа со стран-

¹⁷ Хеопс – фараон IV династии (2723–2563 до н. э.), прославившийся строительством самой большой пирамиды.

¹⁸ Сущность человека представлялась египтянам состоящей из материальных (тело) и нематериальных (ипостаси души) компонентов. Посмертное существование тела являлось непременным условием вечной жизни. Тело умершего после обряда мумификации считалось божественным. В человеке существовал нематериальный двойник его физического тела – ка, после смерти продолжающий обитать в гробнице. Помимо ка существовала ба, которая путешествовала по небесам и в подземном царстве, а также ах, шуит и другие элементы души.

ными углублениями (не знаю, обратили ли вы на них внимание), но в то время мы не знали, что они означают. На повязках пятки левой ноги мумии тем же алым цветом, что и на стеле, был изображен иероглиф, обозначающий большое количество воды, на правой пятке – знак земли. Мы решили, что эти символы говорят о том, что ее ка способно перемещаться по собственному желанию и управляет четырьмя стихиями: землей и водой, а также воздухом и огнем, последний символизировал драгоценный камень.

В саркофаге было еще несколько амулетов, не имеющих большой ценности. Мы подумали, что более ценные украшения можно будет обнаружить между повязок, которыми была забинтована мумия, или, скорее всего, в шкатулке у ее ног. Однако нам не удалось ее открыть – верхняя и нижняя части составляли одно целое. Тонкая линия все же была заметна немного ниже верха, но крышку подогнали так точно, что ее невозможно было снять. Оставалось только предположить, что она каким-то образом укреплена изнутри.

Поймите меня правильно, я рассказываю вам все это для того, чтобы вы имели представление о том, с чем вам, возможно, придется столкнуться позже. Отбросьте в сторону здравомыслящие соображения! С этой мумией и со всем, что с ней связано, происходили такие странные вещи, что здесь необходима какая-то новая система взглядов. А некоторые явления совершенно невозможно совместить с обыденной жизнью и нашими знаниями.

Мы сделали наброски со всех рисунков на стенах, потолке и полу и приблизительный перевод надписей, а затем, взяв с собой стелу, саркофаг с мумией, каменный ларец, столики из гелиотропа, гипса и оникса, различные фигурки и амулеты-символы, покинули усыпальницу. Уходя, мы сняли лестницы и закопали их в песок под скалой на некотором расстоянии, пометив это место, чтобы найти их при необходимости.

Вечером мы покинули Долину Мага и отправились в трудный путь, обратно к берегам Нила. У нас была грубо сделанная тележка и достаточно людей, чтобы тащить тяжелую ношу, но продвижение вперед казалось невыносимо медлительным при мысли о том, что необходимо как можно быстрее доставить сокровища в безопасное место. Для большей сохранности мы вынули мумию из саркофага и везли ее отдельно. Ночи были тревожными: мы боялись нападения мародеров. Но еще большие опасения вызывали наши спутники. Эти грубые, коварные, беспринципные люди, разумеется, не понимали истинной цены тех вещей, которые мы вывезли из Долины Мага. Однако они догадывались, что некой стоимостью эти предметы все же обладают. В первую же ночь были предприняты две попытки воровства с тележки, а утром двое людей были найдены мертвыми.

Во вторую ночь началась песчаная буря – один из тех вселяющих ужас самумов, которые заставляют человека ощутить свою беспомощность перед силами природы. Мы были буквально погребены под слоем песка. Некоторые из наших бедуинов сбежали еще до бури, надеясь найти укрытие, остальные завернулись в бурнусы, и терпеливо переносили бедствие. Утром, когда самум прошел, мы сумели отыскать почти весь наш багаж, однако ящик, в котором была мумия, оказался разбитым, а сама мумия исчезла. Поиски ни к чему не привели. Мы прождали весь день в надежде, что сбежавшие бедуины вернутся. Отчего-то у нас возникло предположение, что это они похитили наш бесценный груз с тележки, а теперь, раскаявшись, принесут мумию обратно. В третью ночь перед рассветом мистер Трелони разбудил меня и шепотом сообщил:

«Мы должны вернуться к захоронению в Долине Мага. Не задавайте никаких вопросов утром, когда я буду отдавать приказы! Если вы начнете спрашивать, куда мы идем, это возбудит подозрение и разрушит наши планы».

«Хорошо, – кивнул я. – Но зачем нам туда возвращаться?»

Его ответ привел меня в трепет, словно задев уже настроенные на эту мысль душевные струны:

«Мы найдем мумию там! Я в этом уверен!» Как бы предупреждая сомнения или какие-либо аргументы против своих слов, он добавил: «Вот увидите!» – и снова залез под одеяло.

Утром арабы удивились, когда мистер Трелони приказал повернуть обратно; некоторые из них были недовольны, часть бедуинов покинула нас, так что мы отправились на восток уже в меньшем количестве. Поначалу сын шейха не интересовался местом нашего назначения, но, когда стало очевидно, что мы движемся в направлении Долины Мага, он тоже забеспокоился. По мере

того как мы приближались к долине, его беспокойство росло. В конце концов перед входом в нее Хамаль отказался идти дальше и предложил нам продолжать путь вдвоем. Он сказал, что будет ждать три дня и уйдет, если мы не вернемся в срок. Никакие деньги не могли заставить его изменить решение. Единственная уступка, на которую согласился араб, состояла в том, что он пообещал помочь найти лестницы и подтащить их поближе к скале. Так он и сделал, а затем со своими бедуинами вернулся ко входу в долину.

Мы с мистером Трелони взяли веревки и фонари и снова забрались в гробницу. Было очевидно, что в наше отсутствие здесь кто-то побывал: каменная плита, закрывавшая вход, была повернута внутрь, а с вершины скалы свисала веревка. Мы молча переглянулись и привязали свою собственную веревку; Трелони отправился вниз первым, а я – сразу же за ним. Когда мы уже находились в усыпальнице, мне пришла в голову мысль, что здесь не исключена ловушка и нас могут похоронить заживо. Меня охватил ужас, но слишком поздно было что-то предпринимать, и я ничего не сказал моему спутнику. У нас обоих были фонари, поэтому света было достаточно, когда мы вошли в камеру, где раньше стоял саркофаг. Несмотря на чудесную роспись, склеп казался опустевшим без саркофага, для которого он был вырублен в скале, без ларца и столиков.

Однако та, для кого он был предназначен, вернулась сюда! На том месте, где раньше стоял огромный саркофаг, лежала забинтованная мумия царицы Теры. Рядом с ней в необычных позах, предполагавших насильственную смерть, лежали трое наших бывших спутников-арабов, покинувших лагерь во время песчаной бури. Лица их почернели, руки и шеи были запачканы кровью, брызгавшей из носа, рта и глаз. У каждого на горле были заметны отпечатки, теперь уже чернеющие, руки с семью пальцами. Мыс Трелони, подойдя поближе, прижались друг к другу, охваченные страхом и благоговением.

Самое удивительное – на груди мумифицированной правительницы Теры лежала семипалая рука цвета слоновой кости, запястье охватывал шрам в виде неровной красной линии, на которой выступили капельки крови.

Глава XII

ВОЛШЕБНАЯ ШКАТУЛКА

(продолжение рассказа мистера Корбека)

Оправившись от изумления, которое длилось достаточно долго, мы не стали терять времени и поспешили покинуть усыпальницу, оставив там мертвых арабов. Мы пронесли мумию по коридору, потом я первым поднялся по колодцу, чтобы втащить ее в верхние залы гробницы. Взглянув вниз, я увидел, как мистер Трелони подобрал оторванную руку и спрятал на груди, очевидно не желая, чтобы она оказалась поврежденной или потерялась.

Потом при помощи веревки нам удалось опустить на землю свой драгоценный груз, а затем мы направились к выходу из долины, где нас должны были ждать наши провожатые, и увидели, что они уже уходят. Услышав наши недовольные возгласы, Хамаль в ответ прокричал, что выполнил свое обещание – ждал три дня. Я подумал, что он лжет, чтобы скрыть свое намерение бросить нас в долине (когда мы с Трелони позже сравнивали свои записи, я обнаружил, что он подумал то же самое). Однако уже в Каире выяснилось, что сын шейха был прав. Во второй раз мы переступили порог усыпальницы 3 ноября 1884 года – были причины, чтобы помнить эту дату.

Итак, мы потеряли три дня, – три дня своей жизни, – когда стояли перед расprostертыми у наших ног телами арабов и не могли отвести глаз от вернувшейся в свою гробницу мумии. Нет ничего странного в том, что мы с суеверным ужасом и почтением относимся к правительнице Тере и сейчас, когда она находится в доме рядом с нами, ощущаем незримое присутствие некой силы. Что ожидает нас, ограбивших ее могилу!

Немного помолчав, мистер Корбек продолжал:

– Мы успешно добрались до Каира, затем до Александрии, откуда нам нужно было плыть морем до Марселя, а уже оттуда следовать в Лондон. Но человек предполагает, а Бог располагает: в пароходной компании Александрии мистера Трелони ждала телеграмма, извещавшая о том, что его жена умерла при рождении дочери. С тех пор я ни разу не видел счастливой улыбки на его ли-

це.

Убитый горем Абель Трелони поспешил в Лондон. Таким образом, мне пришлось везти добытые сокровища в одиночку. Я успешно добрался до Лондона – сама судьба, казалось, помогала нам. Когда я встретился со своим другом, то был поражен тем, как изменилась его внешность: волосы поседели, черты лица окаменели и ожесточились. Мистер Трелони сообщил мне, что ребенка отдали кормилице, а сам он уже оправился от потрясения и готов продолжать жить и работать.

И действительно, в подобных случаях работа – лучшее лекарство от душевной боли и одиночества; и Абель Трелони полностью посвятил себя своему делу.

Не могу не отметить странное совпадение: роды, закончившиеся смертью роженицы и появлением на свет Маргарет, произошли в то время, когда мы находились в усыпальнице. Эта трагедия оказалась каким-то образом связана с его занятиями египтологией, особенно с тайнами египетской царицы.

Абель Трелони редко говорил о своей дочери, хотя не возникало никаких сомнений в противоречивости и сложности его чувств по отношению к ней. Я видел, что он любил и почти боготворил Маргарет – и все же не мог забыть того, что появление на свет этой девочки стоило жизни ее матери. Было еще одно обстоятельство, которое заставляло моего старшего друга мрачно хмурить брови. Лишь однажды он проговорился о причине своей мрачности: «Она не похожа на мать. Чертами лица Маргарет необычайно напоминает изображения царицы Теры».

По словам мистера Трелони, его дочь живет у людей, которые заботятся о ней лучше, чем он смог бы это сделать; и пока девочку не следует лишать простых радостей ее возраста. На самом деле меня несколько удивляло его нежелание подробно рассказывать о собственном ребенке, и как-то после моих вопросов о ней я услышал: «Есть причины, по которым мне приходится быть сдержанным. Когда-нибудь вы это узнаете – и поймете!»

Никогда больше я не заговаривал с ним о дочери и увидел Маргарет впервые в вашем присутствии.

Что касается сокровищ, которые мы, э-э, взяли из могилы, то по распоряжению мистера Трелони мумию – кроме оторванной руки – поместили в большой саркофаг из бурого железа. Его изготовил верховный жрец Уни из Фив, и он весь покрыт призывами к египетским богам. Саркофаг находится в холле. Прочие предметы из захоронения он предпочел оставить в своей комнате, в том числе и руку мумии – по причинам, одному ему известным. Полагаю, он считает этот предмет самым необыкновенным из всех своих сокровищ... пожалуй, за одним исключением. Я имею в виду рубин, называемый им Сокровище Семи Звезд. Абель Трелони держит его в большом сейфе, снабженном хитроумными охранными устройствами.

Рассказ мой, очевидно, утомил вас, но мне необходимо было объяснить все происшедшее вплоть до настоящего момента.

Через длительное время после возвращения из Египта мистер Трелони снова заговорил со мной о нашем путешествии в Долину Мага. За все это время (почти шестнадцать лет) он никогда не упоминал о Тере, разве что определенная ситуация вынуждала его к этому. Он побывал в Египте еще несколько раз – со мной и самостоятельно, и я тоже отправлялся туда – преследуя свои цели или по его поручениям. И вот однажды утром мистер Трелони спешно послал за мной; в то время я занимался в Британском музее и снимал комнаты на Харт-стрит. Когда я пришел, то он, взволнованный, встретил меня в холле и сразу же провел к себе в кабинет. Ставни были закрыты, и шторы опущены; ни один луч света не проникал в комнату. Верхний свет был включен, но вдоль одной из стен располагалось несколько мощных электрических ламп. Столик из гелиотропа с семигранной шкатулкой был выдвинут на середину комнаты. В свете ламп она выглядела весьма эффектно и, казалось, светила изнутри.

«Что вы об этом думаете?» – спросил мистер Трелони.

«Шкатулка похожа на драгоценный камень. Ее можно назвать „Волшебной шкатулкой мага“, – ответил я.

«А вы знаете, почему это вам кажется?»

«Наверное, из-за освещения?»

«Это само собой разумеется, – кивнул он. – Но в большей степени от расположения его ис-

точников».

Абель Трелони включил верхний свет и выключил лампы. Эффект был поразительным: шка-тулка мгновенно перестала светиться, не потеряв при этом своей красоты, но в ней не было теперь ничего необыкновенного.

«Обратили внимание на то, как располагались лампы?» – поинтересовался он.

«Нет».

«Я разместил их так, как вырезаны углубления в столике из гелиотропа».

Его слова не удивили меня. Не знаю почему, но все относящееся к мумии было столь таин-ственным, что каждое новое открытие лишь воодушевляло. Трелони продолжал:

«Все шестнадцать лет я непрерывно думаю о том приключении и пытаюсь найти ключ к тайнам, но разгадка пришла ко мне лишь вчера, причем во сне! Я неожиданно проснулся в силь-ном волнении, вскочил с постели – даже не знаю, что побудило меня сделать это, – и направился к окну. Высоко в небе сиял ковш вместе с Полярной звездой. И в это мгновение все стало на свои места! Помните, в надписях на стенах содержались указания на семь звезд Большой Медведицы и упоминалась „Волшебная шкатулка“? Мы с вами даже заметили странные полупрозрачные участ-ки в камне. Я решил, что свет семи светильников, расположенных в определенном порядке, смо-жет оказать некое воздействие на шкатулку или ее содержимое. Подвинув столик из гелиотропа к окну, я менял положение шкатулки, пока полупрозрачные участки не оказались в определенном порядке направленными на ковш Большой Медведицы. Шкатулка тут же слабо засветилась. Вне-запно небо заволокло тучами, и свечение погасло. Поэтому я решил воспользоваться лампами – вы знаете, иногда я применяю их в опытах. Некоторое время ушло на то, чтобы разместить их, но, как только я это сделал, шкатулка вновь засияла – и вы только что это видели. Впрочем, продвинуться дальше мне не удалось. И тут меня осенило: в захоронении должны находиться светильники, по-скольку звезд там быть не могло, а странных углублений, тщательно вырезанных на столике из гелиотропа, на который устанавливается шкатулка, ровно семь, и они, вероятно, предназначены для светильников. Найди мы их, и в постижении тайны был бы сделан еще один шаг».

«Но где они? Как нам отыскать их? И определить, что это именно они, когда мы их найдем? Что, если...»

Он быстро перебил меня:

«Ваш первый вопрос содержит в себе все прочие. Где лампы? Отвечаю: в гробнице!»

«В гробнице! – в изумлении повторил я. – Мы обыскали ее всю и вещи, представлявшие ка-кую-либо ценность, взяли с собой... но никаких светильников там не было!»

Пока я говорил, он развернул листы бумаги, а затем положил их на большой стол и прижал края книгами. Я узнал их сразу: это были сделанные нами копии надписей в гробнице. Закончив все эти приготовления, Абель Трелони медленно произнес:

«Помните, осматривая гробницу, мы удивлялись, что там не было... одной обязательной де-тали...»

«Да! Там не было сердаба – ниши в стене усыпальницы, в которой помещали изображения тех, кто похоронен в усыпальнице».

Видя, что я понял его, Трелони взволнованно продолжил свою речь:

«Я пришел к выводу, что сердаб там есть, но потайной. Жаль, что мы не подумали об этом раньше. Надо было вспомнить, что создательница этой гробницы – женщина, не чуждая прекрас-ному и стремящаяся к совершенству, следовательно, она должна была позаботиться о каждой ме-лочии. Вряд ли Тера стала бы пренебрегать этой деталью. Даже не придавая ей ритуального смыс-ла, царица могла сделать нишу в качестве украшения. Вне всякого сомнения, в гробнице должен быть сердаб и в нем то, что нам нужно, – светильники. Конечно, знай мы о них раньше, мы пред-положили бы наличие какого-то тайника. Я собираюсь просить вас снова отправиться в Египет, осмотреть гробницу, найти сердаб и привезти светильники!»

«А если я не найду тайника или же в нем не окажется светильников, что тогда?»

Он улыбнулся хмурой, редко появляющейся теперь улыбкой:

«Тогда вам придется потрудиться и все-таки найти их!»

«Хорошо!» – согласился я.

Он указал на один из листов.

«Вот копии надписей с южной и восточной стен. Я снова просмотрел их и в семи местах нашел символы созвездия Большой Медведицы, которое царица Тера считала властителем своего рождения и судьбы. Расположение звезд указывает на Полярную звезду, точку в стене, где располагается сердаб!»

«Браво!» – воскликнул я, поскольку подобные выводы заслуживали похвалы. По-видимому, он был доволен моей реакцией и с воодушевлением продолжал:

«Когда окажетесь там, исследуйте это место. Вероятно, для открытия сердаба служит какой-то потайной механизм, но, думаю, вы с ним справитесь».

Неделю спустя я отправился в Египет и нигде не задерживался, пока снова не оказался в Долине Мага. Я отыскал кое-кого из прежних наших помощников, так что мог рассчитывать на их поддержку. Ситуация в Египте заметно изменилась за шестнадцать лет, и в вооруженной охране не было необходимости.

Взобраться по скале оказалось несложно даже в одиночку, поскольку благодаря здешнему климату наши лестницы прекрасно сохранились и на них вполне можно было положиться.

Меня не покидала мысль, заставлявшая больно сжиматься сердце: за прошедшие годы наверняка в гробнице побывали посетители, и кто-то вполне мог наткнуться на тайник. Неужели я зря отправился в это путешествие?

Мои мрачные предчувствия подтвердились, когда я зажег фонари и прошел между семи-гранными колоннами. Именно там, где мы предполагали его найти, зиял чернотой открытый сердаб. Он был пуст. На полу прямо под ним лежало высохшее тело человека в арабском платье. Я оглядел стены, чтобы проверить, прав ли был Трелони. Действительно, символы ковша указывали на место полевую руку (на южной стороне), где и был сердаб, помеченный единственной золотой звездой. Внутри тайника мое внимание привлекли семь звезд из полированного золота. Я надавил на каждую из них поочередно – никакого результата. Возможно, механизм должен срабатывать от одновременного нажатия на все звезды рукой с семью пальцами. Мне удалось проделать это двумя руками, и каменная плита, медленно повернувшись, вновь встала на место, закрывая вход в сердаб.

Когда плита сдвинулась, она на мгновение приоткрыла каменное изваяние в человеческий рост. Мельком замеченная мною фигурка испугала меня. Она напоминала того мрачного стража, которого, по словам арабского историка аль-Масуди, король Саурид ибн Саулук поместил в Восточную пирамиду для охраны ее сокровищ: «Мраморная фигурка хранителя¹⁹ с копьем в руке и свернувшейся змеею на голове. При приближении неизвестного змея кусала его, обвившись вокруг шеи и убивая, а затем возвращалась на место».

Разумеется, и эта фигурка была сделана не красоты ради, и мне вовсе не хотелось иметь с ней дело – мертвый араб у моих ног служил прекрасным подтверждением этого! Снова тщательно изучив стену, я нашел следы от ударов молотка. Так вот что произошло! Грабитель, оказавшись более сообразительным, чем мы, заподозрил наличие тайника и постарался его отыскать. В результате он случайно освободил «хранителя», как назвал его арабский историк. Результат говорил сам за себя. Взяв кусок дерева и держась на безопасном расстоянии, я нажал на звезду.

Камень мгновенно отошел назад. Скрытая внутри фигура, выскочив, сделала выпад копьем, а затем мгновенно исчезла. Несколько раз я повторил попытку, но с тем же результатом: «хранитель» мелькал передо мной и скрывался в своем тайном логове.

Я не отказался бы изучить механизм «хранителя», двигавшегося с такой зловещей быстротой, но это было невозможно без инструментов, которых у меня не оказалось под рукой. Предполагаю, что для этого пришлось бы вырубить часть скалы. Я надеюсь, что когда-нибудь вернусь в гробницу и попытаюсь это сделать. Что касается светильников, то, во-первых, они не могли быть большего размера, чем сердаб, а во-вторых, неким образом несомненно символизировали Хатхор – богиню, соответствующую греческой Афродите или римской Венере, воплощению красоты и

¹⁹ Аль-Масуди (конец IX в. – 956) называли «арабским Геродотом». Цитата взята из книги «Промывание золота и россыпи драгоценных камней».

наслаждения. Символ ее – орел в квадрате, в правом верхнем углу которого расположен квадрат поменьше, – был вырезан внутри тайника и окрашен в ярко-алый цвет, как и надписи на стеле. Насколько мне было известно, существовало семь ипостасей этой богини, в некоторых из них она могла воскресать из мертвых, – так почему бы семи светильникам не соответствовать семи воплощениям богини?

Итак, первый грабитель нашел здесь свою смерть, второй обнаружил содержимое сердаба и унес светильники. Первая попытка ограбления была совершена много лет назад, на это указывало состояние тела. Когда случилась вторая, я не знал. Что ж! Тем сложнее будут поиски, но искать все равно надо!

Юджин Корбек погрузился в молчание на пару минут, затем продолжил:

– Описываемые мною события произошли почти три года назад, и все это время я, словно герой «Тысячи йодной ночи», разыскивал старые лампы. Я не смел вдаваться в подробности о том, что именно ищу, не пытался их описывать, поскольку это могло все испортить. На самом деле вначале я смутно представлял себе их облик, но постепенно мне становилось все яснее, как они выглядят. Можно написать целый том об испытанных мною разочарованиях и пустой беготне, но я не сдавался. Наконец около двух месяцев назад в Моссуле владелец одной лавки показал мне светильник – именно тот, что был мне нужен. Даже не знаю, как удалось мне скрыть радость, когда я понял, что близок наконец к успеху. Я был знаком с правилами восточного торга, так что этому еврейско-арабско-португальскому торговцу пришлось-таки уступить его мне и заодно показать весь свой товар. Среди всяческого хлама я обнаружил остальные шесть, на каждом из них была символика, относившаяся к Хатхор. Чтобы торговец не догадался о том, что мне нужно, я скупил почти все содержимое его лавки. Он едва не расплакался, говоря, что я разорил его, поскольку теперь ему нечем торговать. Представляю, что произошло бы, если бы владелец лавки узнал, какую сумму можно было выручить за некоторые из его товаров, ценимые им, быть может, не столь высоко. Мне удалось расстаться с большей частью моих покупок еще в Египте (чтобы не возбудить подозрений, я не мог ни дарить, ни даже «потерять» их), причем мне дали за многие безделушки вполне приличные деньги. Я постарался добраться до Англии как можно быстрее – слишком драгоценен был мой груз, так что не следовало подвергать его риску – и наконец прибыл в Лондон со светильниками, с некоторыми безделушками из тех, что полегче весом, и папирусами, собранными во время путешествия. Теперь, мистер Росс, вы знаете все, что знаю я, и вам решать, какие эпизоды из этой истории рассказать мисс Трелони, да и стоит ли ей вообще...

Его прервал звонкий девичий голос, раздавшийся за нашими спинами:

– При чем здесь мисс Трелони? Она здесь!

Мы дружно обернулись. В дверях стояла Маргарет. Мы не знали, давно ли она здесь присутствует и что стало доступно ее ушам.

Глава XIII ПРОБУЖДЕНИЕ ИЗ ТРАНСА

Неожиданно брошенная фраза ставит в тупик, потому что сразу невозможно оценить ее содержание, а также интонацию. Наша ситуация не была исключением. Однако, справившись с испугом, я уже не сомневался в искренности заданного Маргарет вопроса. Между тем девушка спокойным тоном продолжала:

– О чем вы беседовали здесь все это время, мистер Росс? Полагаю, мистер Корбек рассказывал вам о своих приключениях в поисках светильников. Надеюсь когда-нибудь услышать об этом от вас, мистер Корбек, но не раньше, чем мой бедный отец почувствует себя лучше. Я уверена, что он и сам с удовольствием присутствовал бы при вашем рассказе. Так я права? – Маргарет быстро оглядела каждого из нас и, очевидно, утвердилась в своих предположениях. – Отлично! Надеюсь, долго ждать мне не придется. – Она помолчала, затем, вздохнув, продолжила: – Меня ужасно расстраивает болезнь моего отца. Я чувствую, что нервы у меня сдают, и поэтому решила прогуляться по парку. Может быть, мне станет легче. Если вы не против, мистер Росс, я попросила бы вас побыть с отцом. Тогда я буду спокойна.

Я с готовностью поднялся, радуясь тому, что бедная девушка хотя бы на полчаса выйдет на воздух. Она казалась очень усталой, и у меня даже кольнуло в сердце, когда я взглянул на ее бледные щеки. Я отправился в комнату мистера Трелони, чтобы занять свое обычное место. В это время у его постели дежурила миссис Грант. В свое время мы приняли решение, что днем в комнате достаточно одного человека, и, когда я вошел, экономка воспользовалась случаем и вышла, чтобы заняться своими делами. Шторы были подняты, но окна выходили на север, и жаркие лучи солнца не попадали в помещение.

Я сидел, размышляя над рассказом Корбека, пытаюсь найти связь между этими удивительными событиями и тем, что происходило в доме. Подозрения не оставляли меня, я уже начал сомневаться во всех и во всем, даже в собственных чувствах. В моей памяти то и дело всплывали предостережения опытного детектива. Он считал мистера Корбека ловким и умным лжецом, а мисс Трелони его сообщницей. Маргарет – сообщница! Можно ли оставаться наедине с подобным предположением? Я готов был пожертвовать жизнью, лишь бы она оказалась ни при чем! Один лишь ее образ, нежный голос...

Сильный и властный голос прервал мои мечты:

– Кто вы? И что вы здесь делаете?

Несмотря на все ожидания, касающиеся его пробуждения, никому не приходило в голову, что Абель Трелони может проснуться сразу в ясном сознании, полностью владея собой. Я был настолько поражен, что ответил почти машинально:

– Меня зовут Малькольм Росс. Я присматриваю за вами.

Он казался удивленным и тут же забросал меня вопросами:

– За мной? Что вы подразумеваете? Зачем за мной присматривать? – Его взгляд остановился на собственном плотно перевязанном запястье. Тон его смягчился, стал менее напористым и более спокойным, как у человека, смилившегося с фактами. – Вы врач?

Я едва не улыбнулся, испытывая облегчение после долгого беспокойства за его жизнь.

– Нет, сэр.

– Но тогда почему вы здесь? Если не врач, то кто вы? – Его голос вновь посуровел.

Целый ряд аргументов, на которых должен основываться ответ, пронесся в моем мозгу быстрее, чем слова слетели с губ. Маргарет! Я должен помнить о Маргарет! Сейчас передо мной ее отец, ничего обо мне не знавший; естественно, его заинтересует и наверняка обеспокоит тот факт, что дочь предложила мне стать сиделкой у его постели. Обычно отцы с некоторой ревностью относятся к выбору дочерей, и, поскольку я не рассказал ей о своей любви, мне не следовало какими-то своими словами и поступками ставить ее в неловкое положение.

– Я барристер. Но здесь я не в качестве юриста, а просто как друг вашей дочери. Мисс Трелони попросила меня прийти, потому что знала о моей профессии и потому что решила, будто вас пытались убить. Позднее она, видя мое дружеское расположение, позволила мне остаться в соответствии с вашим пожеланием о постоянном дежурстве.

Мой собеседник отличался сообразительностью и, насколько мне было известно, немногословием. Сейчас хозяин дома не сводил с меня внимательного взгляда и, казалось, читал в моем мозгу каждую мысль. К счастью, он, не вдаваясь в подробности, из каких-то своих соображений принял, по-видимому, мои слова на веру. Глаза его блеснули, и губы чуть шевельнулись, следуя собственному ходу мыслей. Неожиданно мистер Трелони спросил:

– Думала, что меня хотели убить? Это случилось вчера вечером?

– Нет! Четыре дня назад.

– Что?!

Пока мы разговаривали, Абель Трелони сел на постели, а теперь, казалось, готов был из нее выскочить. Однако он сумел взять себя в руки и, откинувшись на подушки, тихо проговорил:

– Расскажите мне все – все, что знаете, каждую подробность! Ничего не упускайте. Но погодите: вначале закройте дверь! Прежде чем я кого-либо увижу, мне хочется узнать все детали того, что со мной произошло.

«Кого-либо увижу!» Меня, очевидно, считали исключением. Сочтя это признаком доверия ко мне, я с готовностью подошел к двери и тихо повернул ключ.

Когда я вернулся, мистер Трелони уже удобно устроился на постели.

– Говорите! – приказал он.

Я рассказал ему все, что только мог вспомнить, о событиях, имевших место после моего появления в доме. Конечно, я ни словом не обмолвился о моих чувствах к Маргарет, а о Корбеке сообщил, что тот приехал с какими-то лампами, которые разыскивал по его, Абеля Трелони, поручению. Разумеется, я не стал скрывать от него их пропажу и то обстоятельство, что они неожиданно нашлись в его доме.

Абель Трелони слушал с поразительным в данных обстоятельствах самообладанием, однако нельзя сказать, что он оставался равнодушен, поскольку глаза его иногда загорались, а сильные пальцы здоровой руки сжимали простыню. Это было особенно заметно, когда я говорил о Корбеке и о том, как светильники нашлись в будуаре Маргарет. Иногда он бросал отдельные фразы, словно комментируя мой рассказ. Таинственные события, больше всего интересующие нас, его, казалось, не взволновали; похоже, мистер Трелони уже знал о них. Больше всего его задело сообщение о выстрелах сержанта Доу. Пробормотав: «Тупица», он быстро глянул в сторону поврежденного шкафчика, всем своим видом выражая раздражение. Когда я упомянул о тревоге его дочери, о ее бесконечной заботе и преданности, он, пожалуй, был тронут и с изумлением прошептал: «Маргарет! Маргарет!»

Я закончил рассказ, доведя его до настоящей минуты, когда мисс Трелони отправилась на прогулку (сейчас я не осмелился думать о ней как о Маргарет). Мой внимательный слушатель довольно долго сидел молча – минуты две-три, но мне показалось, что они тянулись бесконечно. Затем он пристально посмотрел на меня и резко бросил:

– Теперь расскажите все о себе!

Это походило на некий намек, и я почувствовал, что краснею. Мистер Трелони не сводил с меня глаз, спокойных и вопрошающих, его взгляд проникал в душу. На его губах появилась легкая улыбка, и это усилило мое замешательство, хотя и принесло некоторое облегчение. Я не люблю витиеватых речей, привык прямо излагать свои мысли и потому твердым голосом произнес:

– Меня зовут, как я уже сказал, Росс, Малькольм Росс. По профессии я – барристер и был назначен на должность королевского адвоката в последний год правления королевы.²⁰

– Да, я знаю. Слышал о вас лишь хорошие отзывы. Где и когда вы познакомились с Маргарет?

– Первый раз мы увиделись на балу десять дней назад. Затем на пикнике, который устраивала леди Стратконнел на реке. Мы проплыли от Виндзора до Кукхема. Мар... мисс Трелони оказалась в одной лодке со мною. Я немного занимаюсь греблей, и в Виндзоре у меня есть своя лодка. Мы о многом беседовали... Естественно...

– Естественно! – В голосе его промелькнули насмешливые нотки.

Что ж, поскольку я нахожусь в обществе сильного человека, мне следует показать и свою силу. Мои друзья, а иногда и противники признают за мной это качество. В данном случае демонстрация слабости означала проявление скрытности. Я оказался в трудном положении, мне постоянно нужно было следить за своей речью, чтобы неосторожными словами не усложнить отношения дочери и отца. Я продолжал:

– Место, время дня и окружающая природа настолько располагали к доверию между нами, что разговор дал мне возможность ознакомиться с ее внутренней жизнью.

Лицо мистера Трелони помрачнело, но он промолчал. Теперь я должен был придерживаться определенной линии разговора, прикладывая к этому максимальные усилия. Ситуация могла обернуться серьезными последствиями также и для меня.

– Я не мог не заметить, что она чувствует себя одинокой. Думаю, я понял ее состояние, тем более что побуждал ее говорить со мной откровенно и счастлив был преуспеть в этом. Между нами возникло взаимопонимание.

Изменившееся выражение его лица заставило меня быстро добавить:

– Сэр, она не говорила ни о чем, что могло бы показать ее с дурной стороны. Мисс Трелони

²⁰ Имеется в виду королева Виктория, умершая в 1901 году.

лишь рассказала о своем желании быть ближе к отцу, которого она любит и понимает, о стремлении больше ему довериться и разделить круг его интересов. Поверьте мне, сэр, о таких чувствах может лишь мечтать сердце отца. Она – ваша достойная дочь и поделилась со мною своими сокровенными мыслями, очевидно, потому, что сочла меня человеком, которому можно довериться...

Я помолчал. Продолжать было не просто, я боялся навредить Маргарет. Абель Трелони сам облегчил мне задачу:

– Ну а вы?

– Сэр, мисс Трелони очень мила и красива. Она молода, и ее разум можно сравнить с горным хрусталем. Что касается меня, то я еще не стар и ни к кому не привязан. До сих пор мне не приходилось испытывать подобных чувств, могу сказать это вам, хотя вы и являетесь ее отцом!

Здесь я невольно опустил глаза. Подняв же их, увидел, что мистер Трелони по-прежнему внимательно рассматривает меня. Казалось, лицо его осветилось искренней добротой, когда он с улыбкой протянул мне руку и сказал:

– Малькольм Росс, я слышал о вас как о человеке бесстрашном и благородном. Рад, что у моей дочери такой друг. Продолжайте!

Сердце мое дрогнуло. Первый шаг к завоеванию отца Маргарет был сделан. Кстати, я заметил за собой, что, продолжая рассказ, стал более словоохотлив и манеры мои также оживились.

– С годами мы приобретаем опыт, позволяющий пользоваться своим возрастом благоразумно. Могу утверждать, у меня большой жизненный и профессиональный опыт. Я отважился попросить мисс Трелони считать меня своим другом и в случае необходимости согласиться на мою помощь. Она пообещала мне это. У меня даже в мыслях не было, что возможность проявить себя в качестве ее друга не заставит себя ждать. Когда с вами случилось несчастье, ваша дочь послала за мной!

Я замолчал, чувствуя его проницательный взгляд, но спустя мгновение продолжил:

– Когда было обнаружено ваше письмо с инструкциями, я предложил ей свои услуги. Вы знаете, что они были приняты.

– И что вы чувствовали в эти дни?

Интонация его вопроса поразила меня, напомнив о Маргарет и вновь заставив почувствовать себя мужчиной, защитником. Я заговорил более уверенным тоном:

– Эти дни, сэр, несмотря на тревогу и боль, которые я испытывал, видя страдания девушки, любимой мною с каждым часом все сильнее, были самыми счастливыми в моей жизни!

После этих слов мистер Трелони так долго молчал, что я уже забеспокоился, не слишком ли смелыми были мои слова. Наконец он прервал затянувшуюся паузу:

– Ваши слова могли бы обрадовать сердце ее бедной матери. – По лицу его скользнула тень, и он заговорил быстрее: – Вы определенно уверены в этом?

– Я знаю свое сердце, сэр. По крайней мере, думаю, что знаю.

Он покачал головой:

– Нет-нет! Я имею в виду не вас. Здесь все понятно. Но вы говорили о чувствах Маргарет ко мне... она жила здесь, в моем доме, целый год... и жаловалась вам на одиночество. А я за весь год, – грустно сознаться в этом, но это правда, – не заметил ни одного знака ее привязанности ко мне! – Голос его дрогнул, и Абель Трелони смолк, погрузившись в раздумья.

– Так значит, сэр, мне выпала честь за несколько дней увидеть больше, чем вам за весь год!

Мои слова вывели его из задумчивости, и он с удивлением заметил:

– Я не догадывался об этом, мне казалось, что Маргарет ко мне безразлична. По-моему, это наказание за мое пренебрежение к ней, за то, что я полагал ее созданием с холодным сердцем. Как радостно сознавать, что плоть от плоти моей Дженни... – Он в волнении откинулся на подушки.

Как, должно быть, он любил ее мать! Сейчас его воодушевляла скорее любовь к человеку, в котором он видел воплощение своей жены и даже не воспринимал как собственную дочь. Волна симпатии к Абелю Трелони прокатилась по моему сердцу. Я начал постигать чувства этих молчаливых и замкнутых натур, успешно скрывавших горячую жажду любви друг к другу! Меня не удивило, когда он вполголоса пробормотал:

– Маргарет, дитя мое! Нежная, ласковая, сильная и правдивая! Как она похожа на свою мать! До самых глубин своего сердца я был рад, что говорил с отцом Маргарет искренно.

– Четыре дня! – задумчиво произнес мистер Трелони. – Шестнадцатого! Так значит, сегодня двадцатое июля?

Я кивнул, и он продолжал:

– Итак, я четыре дня пролежал в трансе. Это не первый случай, однажды я провел в трансе три дня при необычных обстоятельствах и даже не подозревал этого, пока мне не сказали. Как-нибудь я вам об этом расскажу, если вам интересно.

На меня волной накатила радость. Отец Маргарет настолько доверяет мне... Неожиданно он объявил спокойным деловым тоном:

– Пожалуй, пора мне встать. Когда дочь придет, скажите ей, что со мной все в порядке. И передайте Корбеку, что, как только смогу, я увижусь с ним. Я хочу видеть эти светильники и все о них узнать!

Я еле сдерживал радость: в его обращении со мной были заметны родственные чувства, разве подобное не может воодушевить? Я поспешно направился к двери, намереваясь выполнить его распоряжения, но он остановил меня на полпути:

– Мистер Росс, вернитесь, пожалуйста!

Мне не понравилось обращение «мистер». Зная о моей дружбе с его дочерью, он уже называл меня Малькольмом, и возвращение к формальному обращению несколько испугало меня. Я внутренне напрягся, но выполнил его просьбу, стараясь внешне ничем не проявить своего душевного состояния. Мистер Трелони, будучи по натуре проницательным, словно прочел мои мысли, и лицо его заметно смягчилось.

– Присядьте на минуту, поскольку лучше поговорить сейчас, нежели потом. Что касается моей дочери – все это новость для меня, и неожиданная, потому мне и хотелось узнать об этом подробнее. Поймите, я, будучи ее отцом, имею некоторые обязательства, которые могут... одним словом...

Его замешательство почему-то возродило мои надежды, и я с волнением ждал продолжения.

– Исходя из того, что вы говорили о моей Маргарет... у вас есть намерение просить ее руки?

– Именно так! После того вечера на реке я собирался найти вас и спросить, могу ли я поговорить с ней об этом. События прошедших дней сблизили нас больше, чем я смел надеяться, но первоначальное намерение неизменно и крепнет с каждым часом.

Лицо его смягчилось. Как видно, мысленно он возвращался к собственной юности.

– По-видимому, Малькольм Росс, – это обращение вновь ободрило меня, – пока что вы еще не говорили с моей дочерью о ваших чувствах?

– Об этом не было сказано ни слова, сэр.

Скрытый смысл моей фразы вызвал серьезную и добрую улыбку на его лице, и он заметил:

– Ни слова! Это хорошо. Слова бывают двусмысленны, порой – лживы, а она могла бы повредить им!

Мое лицо залила краска.

– Я сознавал, насколько затруднительно ее положение, а также испытывал глубокое уважение к вам, хотя мы не были знакомы, сэр, поэтому не осмелился делать никаких заявлений. Мистер Трелони, клянусь вам: мы с вашей дочерью всего лишь друзья – не более!

Мистер Трелони протянул ко мне руки и с волнением сжал мои. Затем великодушным тоном произнес:

– Я удовлетворен, Малькольм Росс. Конечно, до тех пор, пока мы с ней не увидимся, я не дам вам своего разрешения по поводу каких-либо заявлений – на словах, – с улыбкой добавил он. Внезапно лицо его снова посуровело. – Но мне еще нужно кое-что обдумать. Это касается моей семьи. Именно поэтому я углубился в обсуждение жизненного пути дочери и ее будущего счастья с незнакомым человеком. Мои проблемы столь насущны, что я не могу терять ни минуты.

В его голосе прозвучало достоинство и гордость, что, несомненно, произвело на меня впечатление.

– Не забуду ваших пожеланий, сэр, – пообещал я, открывая дверь, и спустя мгновение услы-

шал, как он запер ее за мной.

Когда я сообщил мистеру Корбеку о том, что Абель Трелони пришел в себя, тот запрыгал от восторга, словно ребенок. Но почти мгновенно его радость сменилась озабоченностью: он попросил меня проявить осторожность и воздержаться от рассказа о его посещении гробницы и о том, как были найдены светильники.

– В случае, – добавил Корбек, – если Трелони заговорит с вами на эту тему, а он это несомненно сделает.

Он бросил на меня косой взгляд, выдающий его осведомленность о моих сердечных делах.

Я кивнул, соглашаясь с ним. Интуиция подсказывала мне, что мой собеседник прав, хотя причина этого осталась для меня не совсем ясной. Однако у меня не возникало сомнений, что Трелони – человек необычный и вести себя с ним надо соответственно. Кстати, скрытность – качество, не всегда почитаемое сильным человеком.

Отмечу, что реакция остальных на выздоровление хозяина дома была весьма разнообразной. Миссис Грант расплакалась от избытка чувств, а затем бросилась хлопотать, желая навести повсюду небывалый порядок. Лицо сиделки вытянулось: она лишилась больного, который не вызывал особых затруднений в уходе и приносил неплохой доход. Но разочарование длилось не более мгновения, и мисс Кеннети разделила всеобщую радость по поводу того, что беда миновала. Она сообщила нам о готовности прийти к больному по первому зову и занялась упаковкой своей сумки.

Я пригласил сержанта Доу в кабинет, чтобы остаться с ним наедине. Когда он услышал новость, судя по выражению его лица, всегдашнее самообладание на какой-то момент изменило ему. Надо сказать, я тоже удивился, услышав вопрос полицейского:

– А он объяснил хотя бы первое нападение? Ведь он уже был без сознания, когда произошло второе.

Профессиональный инстинкт в этом человеке был столь силен, что подавил все прочие.

Собственно нападение, благодаря которому я оказался в этом доме, уже перестало занимать мои мысли.

– Знаете, мне даже не пришло в голову спросить его об этом!

Детектив выслушал мой ответ с неодобрением.

– Вот почему раскрывают лишь малое количество дел, когда в них не принимают участие наши люди, – заметил он. – Детектив-любитель никогда не доведет дело до конца. Что касается обычных людей, напряжение опасности проходит, и они обо всем забывают. Это похоже на морскую болезнь, – философски добавил он. – Будучи на берегу, вы о ней даже не вспоминаете, а бежите в буфет подкрепиться! И все же, мистер Росс, я рад, что дело закрыто. Полагаю, мистер Трелони сам разберется во всем. Впрочем, не исключаю и такой возможности, что он ничего не будет делать, поскольку, очевидно, ожидал каких-то событий и не обратился в полицию. Я считаю, он хотел, чтобы кто-то избежал наказания... Итак, нам сообщат официально, для соблюдения всех формальностей в отделе регистраций, о несчастном случае или о случае сомнамбулизма. Скажу вам честно, сэр, меня это устраивает. Мне уже порой начинало казаться, что я схожу с ума. Слишком много тайн – а это не моя область, предпочитаю иметь дело либо с фактами, либо с их причинами. Теперь я могу умыть руки и вернуться к своей обычной работе. Разумеется, сэр, буду рад вас услышать, если вы решите пролить свет на эту загадку. Если не затруднит, пожалуйста, сообщите мне, каким образом человека вытащили из постели, когда именно его поцарапал кот и в чьих руках был нож во второй раз. Ведь наш приятель Сильвио не способен на подобный подвиг. Видите ли, я до сих пор об этом думаю и боюсь, что эти мысли будут отвлекать меня от других дел!..

Когда Маргарет вернулась с прогулки, я встретил ее в холле. Девушка по-прежнему оставалась грустной, и румянец не вернулся на ее щеки, а я, как ни странно, предполагал увидеть ее повеселевшей. Едва она меня увидела, как глаза ее загорелись и она выжидательно уставилась на меня.

– У вас для меня хорошие новости? – спросила она. – Отцу лучше?

– Да! А как вы об этом догадались?

– Поняла по вашему лицу. Я должна пойти к нему.

– Он сказал, что пошлет за вами, как только оденется.

– Сказал, что пошлет? – изумленно повторила она. – Значит, он пришел в себя! А я и не знала, что все столь замечательно! О Малькольм!

Опустившись на стул, она расплакалась. То, что она назвала меня по имени, обещало мне чудесные возможности, и я чувствовал, как сильно бьется мое сердце. Заметив охватившее меня волнение, девушка протянула мне руку. Я крепко сжал ее и поцеловал. Подобные минуты предоставляют удобные возможности влюбленным – поистине, это настоящий дар богов! До этого момента, несмотря на мою любовь к ней, у меня была лишь надежда. Но теперь, когда Маргарет с готовностью позволила мне пожать и даже поцеловать ей руку, ее пылкое ответное пожатие и огонь любви в темных, глубоких глазах красноречиво говорили обо всем, чего только мог пожелать самый нетерпеливый из влюбленных.

Мы не произнесли ни слова – разве они были нужны? Слова показались бы пустыми, ничтожными и не смогли бы выразить наших чувств. Не разъединяя рук, словно дети, мы поднялись по лестнице и у дверей комнаты мистера Трелони стали ожидать его приглашения. Я шепотом рассказывал ей на ухо – насколько это было приятнее разговора на менее близком расстоянии! – о том, как очнулся ее отец и какой разговор состоялся между нами, разумеется опуская подробности, касавшиеся ее самой.

Вскоре в комнате прозвенел колокольчик, и Маргарет, высвободившись из моих рук, приложила палец к губам. Она подошла к двери и тихо постучала.

– Войдите. – Произнес мистер Трелони громким голосом.

– Это я, отец!

Голос девушки дрогнул от волнения. Сколько в ее кратком ответе было любви и надежды!

Послышались быстрые шаги, дверь распахнулась, и Маргарет бросилась в объятия Абея Трелони. Мой слух уловил лишь несколько несвязных фраз:

– Отец! Дорогой отец!

– Мое дитя! Маргарет! Мое милое, нежное дитя!

– Ах, отец, отец! Наконец-то, наконец-то!

Отец с дочерью скрылись в комнате, и дверь за ними закрылась.

Глава XIV РОДИМОЕ ПЯТНО

В ожидании приглашения в комнату мистера Трелони, в котором я нисколько не сомневался, время тянулось медленно, и мне было очень одиноко. После нескольких первых мгновений эмоционального подъема при виде радости Маргарет чувство обладания, характерное для влюбленного, охватило меня. Но длилось это чувство недолго. Счастье девушки так или иначе зависело и от мистера Трелони, а две гордые, сильные личности, хотя и были связаны очень прочными родственными связями, какие только могут существовать между отцом и дочерью, начали узнавать друг друга только тогда, когда выросла дочь. Гордость и сила натуры каждого из них, а также сдержанность – основная черта их характеров – с самого начала создали барьер в отношениях. Каждый начал уважать скрытность другого довольно поздно, и взаимное непонимание переросло в привычку. Итак, эти два любящих сердца, страстно жаждущих найти сочувствие, долго находились в разлуке. Но теперь все уладилось, и я был безмерно рад, что наконец Маргарет обрела счастье. Пока я размышлял на эту тему, а также предавался мечтам о своих личных делах, дверь открылась и мистер Трелони пригласил меня войти.

– Пожалуйста, мистер Росс! – сердечно, но не без некоторой формальности, которая несколько охладила мой пыл, произнес он.

Я вошел в комнату, и Абель Трелони протянул мне руку, которую я пожал с удовольствием. Он, не отпуская ее, подвел меня к своей дочери. Маргарет смотрела то на меня, то на него и наконец опустила взгляд. Мы стояли так близко друг к другу, я слышал ее взволнованное дыхание. Мистер Трелони нарушил затянувшееся молчание.

– Если все происходит так, как бы мне этого хотелось, нам не следует что-либо держать в

тайне друг от друга. Малькольм Росс уже так много знает о моих делах, что, полагаю, он должен либо забыть о них и молча удалиться, как подобает джентльмену, либо узнать о них еще больше. Маргарет! Не хочешь ли ты, чтобы мистер Росс взглянул на твое запястье?

Девушка вопрошающе посмотрела на него, но, несмотря на ее заметное колебание, было ясно, что она приняла решение. Ничего не говоря, Маргарет подняла правую руку и сдвинула золотой браслет в виде распростертых крыльев вниз, открыв кисть.

Я похолодел от ужаса.

На ее кисти виднелась тонкая зубчатая красная линия, с которой словно стекали красные пятна, похожие на капли крови!

Девушка стояла передо мной – само воплощение гордой терпимости. Сквозь всю присущую ей мягкость и великодушное пренебрежение к собственной личности, которое я ощущал в ней, сквозь пламя огня, который, казалось, сиял из темной глубины ее глаз, освещая душу моей возлюбленной, – яркими искрами сверкала, вне всякого сомнения, гордость. Это чувство, основанное на вере, рожденное чистотой сознания, – гордость истинной королевы из прежних времен, когда принадлежность к королевскому роду требовала обладать величайшей храбростью и быть первым во всех великих деяниях. Так мы простояли несколько секунд, и в глубоком, торжественном голосе ее отца я услышал брошенный мне вызов:

– Что вы скажете теперь?

Не в силах выразить ответ словами, я взял правую руку Маргарет, склонился и чрезвычайно нежно поцеловал ее запястье. Когда, не отпуская руки девушки, я поглядел ей в лицо, то увидел на нем выражение такой радости, о которой мог только мечтать, как о райском блаженстве. Затем я обернулся к мистеру Трелони.

– Вы получили мой ответ, сэр!

Его мужественное лицо осветила гордая улыбка. Абель Трелони произнес единственное слово, когда положил свою руку на наши, сомкнутые, и нагнулся, чтобы поцеловать дочь:

– Хорошо!

Раздался стук в дверь, и в ответ на бесстрастное «Входите!», произнесенное мистером Трелони, появился мистер Корбек. Увидев нас, он в недоумении отшатнулся, и буквально в это же мгновение мистер Трелони поспешил к нему. Когда хозяин дома пожимал ему обе руки, казалось, что весь энтузиазм его молодости, о котором рассказывал нам мистер Корбек, вернулся к нему в одно мгновение.

– Итак, вы достали лампы! – едва ли не выкрикнул Абель Трелони. – Мои предположения в конце концов подтвердились. Пройдемте в библиотеку – там нам никто не мешает, и вы расскажете мне об этом! А пока мы беседуем, Росс, – он обернулся ко мне, – будьте добры, в знак нашей дружбы, достаньте ключи от сейфа, чтобы я смог взглянуть на эти лампы!

Когда я вернулся с ключами, они все еще были увлечены разговором; к ним вскоре после моего ухода присоединился Уинчестер. Мистер Трелони, узнав от Маргарет о его постоянном внимании, а также о том, что он, несмотря на большое противостояние, следовал всем инструкциям, попросил доктора остаться и выслушать захватывающую историю: «Это наверняка заинтересует вас».

Мы рано отобедали в тот день. После этого долго сидели вместе, беседуя, затем около шести часов вечера хозяин дома произнес:

– А теперь нам лучше всего расстаться и спокойно лечь спать пораньше. Мы можем продолжить завтра, часов в двенадцать, а сегодня мне хотелось бы все обдумать.

Доктор Уинчестер ушел первым, с любезной предусмотрительностью прихватив с собой мистера Корбека. Когда они ушли, мистер Трелони сказал:

– Думаю, сегодня вы можете переночевать у себя дома. Мне хотелось бы спокойно провести вечер с дочерью; есть многое, о чем мне следовало бы рассказать ей, и только ей. Возможно, уже завтра я смогу сообщить об этом также и вам; но в данный момент было бы лучше, чтобы нас ничего не отвлекало.

Я прекрасно понимал и разделял его чувства; но опыт последних нескольких дней был еще не забыт, и, несколько помедлив, я решил уточнить:

– Это действительно не опасно? Если бы вы знали, как...

К моему удивлению, Маргарет прервала меня:

– Малькольм, опасностей не предвидится. Я же рядом с отцом!

Говоря эти слова, она прильнула к нему, как бы защищая его своим телом. Я не знал, что ей ответить. Абель Трелони сердечно продолжил:

– Приходите как только вам захочется, Росс, например к завтраку. Мы обязательно поговорим.

Потом он тихо вышел из комнаты, оставив нас вдвоем. Я начал целовать руки Маргарет, которые она протянула мне, затем притянул ее к себе, и наши губы встретились – в первый раз.

В ту ночь я никак не мог заснуть – ощущение счастья и одновременно беспокойство прогнали сон прочь. Тем не менее ночь пролетела настолько быстро, что рассвет словно обрушился на меня, не прокрадываясь по своему обыкновению.

Еще не было девяти часов, когда я появился в Кенсингтоне. Все мое беспокойство мгновенно исчезло, как снег под лучами яркого солнца, как только я увидел, что румянец вернулся на бледные щеки Маргарет. Она сказала, что отец спал хорошо и скоро присоединится к нам.

– Я уверена, – прошептала девушка, – что мой отец специально не покидает своей комнаты, чтобы я могла первой встретить тебя и побыть с тобой наедине!

После завтрака мистер Трелони повел нас в кабинет, говоря по дороге:

– Я просил Маргарет присутствовать при нашем разговоре.

Когда мы сели, он серьезно произнес:

– Вчера вечером я сказал, что нам есть о чем побеседовать друг с другом. Осмелюсь предположить, вы думали, что это касается Маргарет и вас. Я нрав?

– Именно так.

– Хорошо, мой мальчик, все правильно. Мы говорили с Маргарет, и мне известны желания моей дочери.

Я крепко пожал протянутую им руку, а затем поцеловал Маргарет, подвинувшую свой стул ближе ко мне, чтобы мы смогли держаться за руки во время разговора. Абель Трелони продолжал несколько поспешно, что показалось мне странным:

– Вам известно очень многое о моей охоте за мумией царицы Теры и вещами, ей принадлежавшими; осмелюсь добавить, что вы догадываетесь о многих моих связанных с ней теориях. Об этом, если возникнет необходимость, я могу рассказать позже и ответить на любые вопросы – когда вам будет удобно. Но есть безотлагательное дело, о котором мне надо посоветоваться с вами сейчас, и оно заключается в следующем: Маргарет и я не достигли соглашения по одному вопросу. Я говорю о проведении эксперимента, который смог бы увенчать двадцать лет исследований, жизнь среди подстерегавших меня опасностей и неопишемое количество подготовительной работы. С его помощью нам стало бы известным знание, которое в течение веков было недоступно человечеству. Мне бы не хотелось, чтобы моя дочь присутствовала при нем, так как нельзя не учитывать тот факт, что данный эксперимент может быть сопряжен с риском, причем неизвестной природы. Однако я неоднократно попадал в своей жизни в исключительные обстоятельства, таким же опытом обладает мой бесстрашный ученик мистер Корбек, который помогал мне в работе, поэтому нам не страшно рисковать. Эксперимент пошел бы на пользу науке, истории и философии, и мы смогли бы перевернуть еще одну страницу в книге человеческой мудрости в наш прозаический век. Но повторяю, риск слишком велик, и мне ненавистна даже мысль о том, что моя дочь... – Он на мгновение замолчал, словно у него перехватило дыхание, затем продолжил: – Ее юная счастливая жизнь представляет собой великую ценность, чтобы можно было обращаться с ней столь легкомысленно, особенно теперь, когда она находится на пороге своего счастья. Я не желаю видеть, как она лишится жизни, как случилось с ее дорогой матерью...

Мистер Трелони прикрыл глаза руками. В одно мгновение Маргарет оказалась возле него, она принялась обнимать и целовать его, тихо нашептывая ласковые слова. Затем, выпрямившись и держа одну руку на его плече, девушка твердым голосом обратилась к нему:

– Отец! Мама не приказывала тебе оставаться возле нее, даже когда ты задумал отправиться в полное опасностей путешествие, когда Египет был целиком охвачен войной. Ты сам рассказывал

мне о том, как она уважала твою свободу и твое право ехать туда, куда ты считал нужным. Она беспокоилась о тебе, и вот доказательство! – Девушка приблизила к его глазам свое запястье со шрамом, который, казалось, источал кровь. – Теперь дочь Дженни поступает так, как на ее месте поступила бы она сама! – Затем Маргарет обернулась ко мне: – Малькольм, ты знаешь, что я люблю тебя! Но любовь предполагает доверие, и ты должен доверять мне пред лицом опасности не меньше, чем в радости. Я предлагаю тебе присоединиться к нам с отцом. Вместе мы можем преодолеть опасность или – если не добьемся успеха – умереть. Таково мое желание, мое первое требование, предъявляемое будущему мужу! Как ты думаешь, я права, правда? Скажи отцу, что ты об этом думаешь!

Она была похожа на королеву, обратившуюся с мольбой. Мой бог, я любил ее безмерно! Я встал возле Маргарет, взял ее за руку и произнес:

– Мистер Трелони! Маргарет и я – это одно целое, только смерть разлучит нас.

Он крепко сжал, соединяя, наши руки, затем с глубоким волнением произнес:

– Именно так поступила бы Дженни!

Мистер Корбек и доктор Уинчестер пришли в точно назначенное время и присоединились к нам в библиотеке. Несмотря на состояние безмерного счастья, в котором я пребывал, предчувствия подсказывали мне, что предстоящий разговор будет иметь весьма важное значение. Мысли о недавних странных событиях, а также о том, что еще более необычное может ждать нас впереди, не оставляли меня, как тяжкий груз на плечах. От моего внимания не ускользнуло, что остальные тоже пребывают в подобном состоянии духа.

Мы расположились вокруг мистера Трелони, который придвинул свое огромное кресло к окну. Маргарет села возле него справа, я – рядом с ней, Юджин Корбек слева, а доктор Уинчестер – напротив. После нескольких секунд молчания хозяин дома обратился к мистеру Корбеку:

– Вы рассказали доктору Уинчестеру обо всем, что произошло до сих пор, как мы условились?

– Да, – кивнул тот.

Мистер Трелони продолжал:

– А я рассказал все Маргарет, так что непосвященных среди нас нет! – Затем последовал вопрос к доктору: – Правильно ли я понял, что вы, будучи в курсе всего, что знаем мы, хотите принять участие в эксперименте, который мы надеемся произвести?

Ответ доктора был искренним и бескомпромиссным:

– Конечно! Даже не владея никакой информацией, я пытался помочь вашей дочери, решив для себя довести дело до конца. Теперь, когда мне многое известно, я тем более увлечен, заинтересован происходящим. Будьте совершенно спокойны в отношении меня. Я – ученый и исследователь, к тому же совершенно одинок и волен делать все, что мне угодно, распоряжаться всем, вплоть до собственной жизни!

Мистер Трелони торжественно поклонился и, повернувшись к мистеру Корбеку, сказал:

– Мы знакомы уже в течение многих лет, старина, так что у меня нет нужды задавать вам подобные вопросы. Что же касается Маргарет и Малькольма Росса, они уже высказали мне свои желания и не сомневаются по поводу принятого решения.

Он сделал паузу, словно приводил в порядок мысли; затем начал излагать свою точку зрения и предполагаемые намерения. Абель Трелони говорил медленно, тщательно подбирая слова, видимо постоянно помня о том, что некоторые из нас, слушавших его, были совершенно невежественны в отношении природы и происхождения тех явлений, о которых шла речь; он объяснял их по ходу своего рассказа:

– Эксперимент, который предстоит нам произвести, имеет своей целью определить, какой мощью и реальной силой обладает древняя магия. Вероятно, сейчас создались самые удачные условия для проведения этого опыта; я сделаю все возможное, чтобы мое видение, мое оригинальное истолкование оказалось эффективным. В то, что существует некая магическая сила, я твердо верю. Невозможно создать или каким-то образом симулировать подобную мощь в настоящее время; но я полагаю, что если в прежние времена она существовала, то среди своих свойств могла обладать, в том числе исключительной долговечностью. Что бы ни говорили, события, описываемые

в Библии, не являются мифом, а в ней мы читаем, что солнце остановилось по приказанию человека и что осел – не человек – заговорил. И если колдунья из Аэндора смогла вызвать душу Самуила, почему не допустить, что существовали подобные ей по колдовской силе и, возможно, хотя бы одна из них дожила до сих пор? В самом деле, ведь в Ветхом Завете сказано, что колдунья из Аэндора была одной из многих, и то, что именно она помогла Саулу, можно отнести к чисто случайным совпадениям. Он только искал среди многих, кого изгнал из Израиля, – «волшебников и гадалей».²¹ Египетская царица Тера, правившая примерно за две тысячи лет до Саула, была колдуньей и тоже имела гадалеля. Обратите внимание, как ее современники-жрецы и последующие во времени представители этого сословия пытались уничтожить память о ней – чтобы никто не смог когда-нибудь узнать даже ее имя. И они преуспели в этом настолько, что даже Манефон, историк египетских фараонов, живший в третьем веке до Рождества Христова и располагавший всей совокупностью преданий жречества за тридцать предшествующих столетий – для него были доступны любые записи, – нигде не упомянул ее имени. Кстати, никому из вас не пришло в голову, кто же был ее гадалелем?

Тут речь его прервал доктор Уинчестер, который, едва ли не вскочив с места, вскричал:

– Кот! Мумия кота!

Мистер Трелони довольно рассмеялся.

– Вы правы! Имеются все доказательства, что гадалелем царицы-колдуньи был кот, которого мумифицировали одновременно с ней, и эту мумию в отдельном саркофаге поместили в гробницу рядом с ее саркофагом. Именно он вцепился мне в кисть, оцарапав своими острыми когтями.

Замечание Маргарет прозвучало по-детски непосредственно:

– Тогда мой бедный Сильвио оправдан! Как я рада!

Отец погладил ее по голове и продолжал:

– Эта женщина, судя по всему, обладала даром предвидения экстраординарной силы. Для царицы не существовало границы времени. Казалось, Тера предвидела последствия, вызванные слабостями собственного правления, и приготовила для себя в случае опасности выход в другой мир. Обращая свой взгляд к созвездию Большой Медведицы, все свои надежды она связывала с севером, откуда дули холодные, бодрящие ветры. На стенах гробницы написано, что при ее рождении на Землю упал огромный метеорит, из середины которого извлекли драгоценный камень – рубин с семью звездами, расположенными точно в соответствии со звездами ковша, определившего время ее рождения, причем каждая звезда этой драгоценности семиконечна, что само по себе является чудом минералогии. Царица Тера придавала этому камню магическое значение, считая его своим талисманом. Необычная семигранная шкатулка, как сообщают те же записи, тоже сделана из метеорита. Число семь было для нее магическим числом, и это неудивительно для женщины с семью пальцами на одной руке и с семью пальцами на одной ноге. Кроме того, как мы знаем из текста стелы на ее гробнице, царица родилась в седьмом месяце, посвященном Хатхор – богине, от которой ведет свое происхождение ее род, то есть Интефы из Фив. Хатхор в своих опять-таки семи воплощениях символизирует, в том числе красоту, удовольствие и возрождение. Кроме того, в этом седьмом месяце, который по более позднему египетскому календарю начинался с 28 октября и длился до 27 числа нашего ноября, на седьмой день Большая Медведица как раз поднимается над горизонтом в небе Фив. Именно поэтому используемая в мистических целях магия царицы Теры, в основе которой лежало число семь, возникла именно здесь и именно в это время. Эта женщина владела всеми научными познаниями своего времени. Ее мудрый и предусмотрительный отец позаботился обо всем, зная, что ей предстоит борьба со жрецами. Не забывайте, что в Древнем Египте зародилась такая наука, как астрономия, достигнув невероятных высот; астрология, следуя за астрономией, также добилась больших успехов. Возможно, что в дальнейшем, при изучении световых лучей, мы обнаружим, что астрология также является подлинной наукой. Помните, что египтянам были знакомы науки, в отношении которых мы, несмотря на прогресс, не имеем впечатляющих достижений. Я имею в виду акустику, точные данные которой использовали

²¹ Первая книга Царств, 28, 7–9. По поверьям древних египтян и иудеев, гадалец – прирученное колдуном животное, в которое вселяется при гадании дух колдуна.

строители храмов Карнака, Луксора или пирамид, а они сегодня кажутся чудом для Белла, Кельвина, Эдисона и Маркони. Древние ученые Египта, возможно, нашли практическое применение и силе света, о чем в настоящее время мы можем только мечтать. Но об этом я буду говорить позже. Обратимся к шкатулке царицы Теры – не исключено, что внутри нее содержатся силы, о которых мы не имеем ни малейшего представления. Она сделана из твердого камня удивительной прочностью, скорее похожего на драгоценный камень, чем на обычный минерал. Как был выбран такой камень, что полупрозрачные пятна на нем соответствуют взаимному расположению семи звезд Большой Медведицы? По какой причине при свете звезд шкатулка начинает светиться изнутри? Почему, когда я подбираю лампы определенной формы, свечение еще больше усиливается и при этом шкатулка никак не реагирует на источник обычного света, независимо от его мощности? Повторяю, что в шкатулке сокрыты великие чудеса науки. Однако ее невозможно открыть. Тем не менее интуиция подсказывает мне, что ее удастся открыть именно с помощью света: или путем облучения светом, выделенным из какого-нибудь вещества, обладающего чувствительностью, скажем, к механическому удару, или благодаря высвобождению некоей энергии. Надеюсь только на то, что при нашей невежественности мы не используем грубые способы, которые могли бы разрушить этот механизм; поэтому не будем пользоваться знаниями нашего времени, а постараемся найти способы, существовавшие более пяти тысяч лет тому назад. Кроме того, в шкатулке могут находиться сведения, которые будут способствовать просвещению человечества. Мы знаем, что в Египте владели искусством составления лекарств, египтяне изучали свойства трав и минералов для белой и черной магии. Им также было доступно знание гипнотического воздействия, которое в виде искусства или науки родилось на берегах древнего Нила. Не исключено, что в шкатулке может храниться целый арсенал средств, воздействующих на сны: египтяне, эти древние практики, могли управлять сном по своей воле и усмотрению, и не только сном. Некоторые силы, заключенные в шкатулке, может быть, уже воздействовали на мою семью.

Уинчестер решил вмешаться:

– Но если в вашем случае некоторые из заключенных в ларце сил были задействованы, что может освободить их в благоприятное время и каким образом? Кроме того, вы и мистер Корбек однажды уже были погружены в транс на целых три дня. И как я понял из рассказа мистера Корбека, тогда шкатулка в усыпальнице отсутствовала, хотя мумия была на месте. А где же содержалась эта сила? Какой взгляд сформировался у вас на этот вопрос?

Голос доктора вибрировал, отражая степень его волнения; он наклонился вперед, тяжело дыша и уставившись на мистера Трелони неподвижным взглядом. Ответ не заставил себя ждать:

– В мумии царицы Теры! Я догадался об этом совсем недавно. Возможно, нам следует подождать, пока я смогу несколько прояснить ситуацию. Я имею в виду то, что эта шкатулка изготавливалась для специальных целей, так же как и все предметы, находившиеся в усыпальнице. Царица Тера могла не беспокоиться об охране своей мумии от змей и скорпионов, гиен и грабителей, ведь ее тело находилось в этой каменной гробнице, высеченной в скале на расстоянии ста футов от поверхности земли и на уровне пятидесяти футов ниже ее вершины. Меры предосторожности в основном были направлены против действий рук человеческих, против ревности и ненависти жрецов, которые, если бы знали об истинных намерениях царицы, постарались бы расстроить все ее планы. В чем они заключались? Правительница Тера сделала все возможное, чтобы подготовить свое возрождение, когда бы оно ни должно было произойти. При изучении символических рисунков на стенах гробницы я понял, что вера необычной египтянки отличалась от веры ее современников: она, например, ожидала своего возрождения во плоти. Вне всякого сомнения, именно это ее намерение увеличивало ненависть жрецов и оправдывало их действия, направленные на уничтожение самого существования, настоящего и будущего, человека, который отвергал их теории и оскорблял их богов. Итак, все, что могло ей понадобиться при осуществлении возрождения и после него, было собрано в этих почти герметически запечатанных помещениях в скале. В огромном саркофаге, который, как вы знаете, выглядит совершенно необычно в сравнении с саркофагами других царей, находилась мумия ее гадателя, кота, которого из-за его гигантских размеров я склонен считать разновидностью тигрового кота. В гробнице, также в прочной емкости, хранились кувшины-канопы, обычно содержавшие внутренние органы, бальзамировавшиеся отдельно, но в

данном случае они оказались пусты. Поэтому я считаю, что при этом захоронении вообще не было традиционного бальзамирования, а все органы были мумифицированы и уложены в тело, каждый на свое место. Если эта догадка соответствует истине, следует также заключить, что мозг царицы или вообще не извлекался обычным способом, или если все же был вынут, то затем его вернули на место. Посмотрите, с какой тщательностью были осуществлены действия с целью сохранить контроль над силами природы! В соответствии с верой царицы Теры открытая рука, не завернутая в ткани для бальзамирования, управляет воздухом, а странный драгоценный камень с сияющими звездами – огнем. Символы, изображенные на подошвах ее ног, дают ей власть над землей и водой. О звездном камне я расскажу вам несколько позже; пока же обратите внимание на то, как царица охраняет свой секрет в случае ограбления могилы или вторжения в нее с иной целью. Огромная крышка саркофага не запечатана, как это бывает обычно, потому что Тера желает контролировать пространство вокруг себя. Никто не может открыть шкатулку без особых светильников, ведь теперь мы уже знаем, что обычный свет в этом случае неэффективен. Но она спрятала светильники, относящиеся к шкатулке, причем в такое место, где их никто не мог найти, за исключением случая, предусмотренного ею, когда глазами мудрого человека руководят специальные указания. И даже в этом случае царица обеспечила их безопасность: если загадка будет разгадана случайно, приготовлен смертельный удар для ничего не подозревающего человека, занятого поисками. Для этой цели она использовала традиционный способ хранителей сокровищ пирамид, придуманный ее великим предшественником из Четвертой династии,²² восседавшим на троне Египта. Полагаю, вы заметили, что в устройстве усыпальницы имеются отклонения от обычных правил. Например, шахта, которая обычно заполняется твердыми камнями и мусором, была оставлена открытой. Почему это было сделано? Мне кажется, царица таким образом обеспечила себе выход из гробницы, когда после ее возрождения она должна превратиться в новую женщину. Все, что было необходимо для ее появления в новом облике, было тщательно продумано, вплоть до железной цепи, с помощью которой царица смогла бы спуститься на землю. То, что Тера ожидала долгого периода небытия, можно определить по выбору ею материала для всех вещей, находившихся в склепе. И тем не менее мы не можем вообразить, каковы были ее намерения, и никогда этого не узнаем, разве что смягчатся ее мертвые губы и она заговорит.

Глава XV ЦЕЛИ ЦАРИЦЫ ТЕРЫ

Теперь вернемся к рубину из семи звезд. Правительница Верхнего и Нижнего Египта открыто провозглашала его величайшей из своих драгоценностей. На нем она выгравировала слова, которые никто из ее современников никогда бы не осмелился произнести. У древних египтян существовало поверье, что есть слова, которые при правильном употреблении (метод их произнесения был не менее важен, чем сами слова) могут управлять богам и Верхнего и Нижнего Миров. Хекау, или слово власти, было наиболее значимым в целом ряде ритуалов. На драгоценном камне, которому, как вы знаете, была придана форма скарабея, выгравированы два таких хекау, одно под другим. Но вы все поймете лучше, когда увидите рубин! Подождите!

С этими словами Абель Трелони поднялся и вышел из комнаты. Жуткий страх – а вдруг с ним случится что-нибудь ужасное – охватил меня; но, как ни странно, он прошел, стоило мне взглянуть на Маргарет. Если возникала опасность для жизни ее отца, девушка ощущала это и испытывала огромную тревогу за него; теперь же она была спокойна и безмятежна. Я не стал ничего говорить и терпеливо ждал, как будут развиваться события.

Через две-три минуты хозяин дома вернулся, держа в руке маленький золотой футляр. Он снова опустился в свое кресло и положил изящную вещицу на стол прямо перед собой. Мы все подались вперед, когда Абель Трелони открыл футляр.

На подкладке из белого атласа лежал удивительный рубин огромных размеров, почти такой

²² Имеется в виду Хеопс.

же большой, как верхний сустав мизинца Маргарет. Он был огранен – вряд ли форму жука можно счесть природной, – но на его поверхности не были различимы следы рабочего инструмента – ни на туловище скарабея со сложенными крыльями, ни на лапках, прижатых к бокам. Внутри камня искрились семь звезд, каждая из которых была семиконечной; их расположение точно воспроизводило форму созвездия Большой Медведицы. На рубине были вырезаны какие-то иероглифы. Совершенство формы камня, а также четкость надписи я смог оценить, когда подошла моя очередь воспользоваться увеличительным стеклом, которое мистер Трелони вынул из кармана и передал нам.

Когда мы разглядели рубин во всех подробностях, Абель Трелони перевернул его. Обратная сторона камня оказалась не менее удивительной, чем верхняя, и напоминала брюшко жука. На ней тоже были вырезаны какие-то иероглифы и символы. Мистер Трелони возобновил свою лекцию, в то время как мы склонились над этим удивительным камнем:

– Как вы видите, здесь написано два слова, одно сверху, другое – снизу. Полагаю, все вы знаете о том, что иероглифы – это древнеегипетское рисунчатое письмо. Первоначально каждому рисунку соответствовало определенное слово, позднее появились также слоговые и согласные знаки; гласные звуки не выражались. Иероглифы могут быть и буквами, и слогами, и сокращенными понятиями; наконец, при окончании слова они могут определять его характер, как, например, здесь внизу. Первый символ – мотыга «мер», его можно прочесть как «долго и упорно трудится», а два заостренных эллипса – длительный конечный звук «р»: мер-р-р; сидящая фигура с рукой, поднятой к лицу, – его мы называли бы «определяющий мысль»; а свиток папируса – «документ». Итак, мы получили слово «терпение» в его общем и наиболее полном значении. Это хекау, которое может управлять Нижним Миром.

Лицо Маргарет сияло, когда она произнесла глубоким, звенящим голосом:

– Но ведь это правда! Как мудры эти древние люди!

Румянец залил ее щеки, девушка смущенно опустила глаза. Отец ласково улыбнулся ей и продолжил рассказ:

– Иероглифы на внешней стороне камня оказались проще, хотя общее значение кажется мне более туманным. Первый символ означает «человек», а второй – «аб» – «сердце». Итак, мы получаем «обитатель сердца», или я истолковал бы так: «любовь». И это хекау для управления Верхним Миром!

Он закрыл футляр и, жестом призвав нас оставаться на своих местах, пошел в кабинет, чтобы снова положить рубин в сейф. Когда он вернулся и сел на свое место, рассказ возобновился:

– Эта драгоценность с мистическими символами, которую царица Тера скрывала под своей ладонью, лежа в саркофаге, была важным фактором – возможно, наиболее важным – для ее возрождения. С самого начала я инстинктивно понял это и хранил камень в моем большом сейфе, откуда никто не мог его достать; это не удалось бы даже самой царице Тере, точнее, ее астральному телу.

– Ее астральному телу? Что это означает, отец? Что это означает?

В голосе Маргарет звучала столь сильная заинтересованность, когда она задавала этот вопрос, что меня это немного смутило; но Абель Трелони усмехнулся с отцовской снисходительностью, и эта улыбка несколько разрядила угрюмую торжественность обстановки.

– Астральное тело, о котором рассказали миру буддисты, является признанным фактом в современном мистицизме. Насколько нам известно, в Древнем Египте о его существовании уже знали. Одаренная личность может по своему желанию со скоростью мысли оказаться в любом месте путем расщепления и возрождения микрочастиц. По древним поверьям египтян, нематериальная основа человеческого существа состоит из нескольких частей. Первой из них является ка, или «двойник»; его, по утверждению многих египтологов, можно определить как «абстрактную индивидуальность личности», которая обладает всеми характерными атрибутами индивидуальности, но существует абсолютно независимо. Она свободно перелетает с одного места на земле на другое по собственному желанию; она может даже оказаться на небесах и беседовать с богами. Человек и его ка похожи, как две руки, поэтому иероглиф представляет собой рисунок двух рук, поднятых кверху. Иногда ка изображают в виде темного, похожего на тень силуэта. К трансцендентным ос-

новам также относились ба, аб, шуит, кху, ах и рин. Ба – чистый дух человека; сокол с человеческой головой. Когда ба покидает тело, наступает смерть, когда возвращается к мумии – умерший воскресает для вечной жизни в загробном царстве, именно поэтому необходимо бальзамировать мертвое тело. Аб, или сердце, тесно связано с душой и считается источником как животной жизни, так и добра и зла в человеке. Шуит, или тень, тоже тесно связано с ба. Кху, или дух души, считается эфирной субстанцией, по сути, той самой душой, которая не может умереть ни при каких обстоятельствах; кху обитает в ах, или в духовном теле человека. Рин – имя, ради его сохранения египтяне принимали чрезвычайные меры предосторожности, ибо, согласно распространенному в те времена верованию, если человеку не удавалось сохранить имя, он переставал существовать. Можно заметить, что если бы такое разделение функций, духовных и телесных, эфемерных и вещественных, идеальных и реальных, оказалось точным, то существовали бы возможности и способы реального возрождения тела под постоянным руководством и наблюдением свободной воли и разума.

Когда рассказчик остановился, я прошептал пришедшие мне на память строки из «Освобожденного Прометея» Шелли:

– «Встретил собственный образ, входящий в сад».

– Именно так! – одобрил Абель Трелони в своей обычной спокойной манере. – Шелли лучше разбирался в древних религиях, чем любой из наших поэтов.

Лекция – а для некоторых из нас рассказ хозяина дома можно было определить именно так – продолжалась.

– Вы должны иметь в виду, что у древних египтян существовало другое поверье; оно касается «ушебти» – фигурок, которые помещались в захоронение вместе с мертвыми, чтобы выполнять их работу в Нижнем Мире. Расширение этой идеи приводит к тому, что посредством магических формул возможно передавать душу и качества любого живого существа фигуре, повторяющей образ этого живого существа. Представляете, о какой власти того, кто обладает таким магическим даром, может идти речь! Из объединения различных поверий и их природных связей я пришел к заключению: царица Тера была уверена, что сумеет осуществить свое собственное возрождение, как только она этого пожелает и там, где захочет. Она могла отсрочить это событие на неопределенное время с тем, чтобы ее усилия наверняка увенчались успехом. Я не буду останавливать ваше внимание на пояснении этой мысли, а обращусь к ней несколько позже. Душа, беседующая с богами, дух, странствующий по земле по собственной воле, способность к астральным путешествиям – у Теры не было пределов или границ для осуществления своих планов. Все эти сорок столетий она оставалась спящей в своей гробнице – в ожидании. Она обладала терпением, которое может управлять богами Нижнего Мира, и той любовью, посредством которой можно управлять богами Верхнего Мира. О чем она мечтала – нам не дано узнать; но ее мечта разрушилась, когда голландский путешественник вошел в ее усыпальницу, украшенную скульптурами, а его спутники нарушили священное одиночество, украв руку царицы. Эта кража и все, что за ней последовало, доказали нам одну вещь: часть мумии царицы – ее рука – может стать точкой притяжения микро-частиц ее астрального тела. Теперь перейдем к венцу моих аргументов. Цель нападения на меня заключалась в том, чтобы открыть сейф и достать из него священную драгоценность – рубин с семью звездами. Огромная дверь сейфа не смогла удержать ее астральное тело, любая часть которого или все оно целиком могло собраться как внутри сейфа, так и вне его. И я не сомневаюсь, что в темноте ночи рука мумии искала драгоценный талисман и извлекала новый прилив сил от соприкосновения с ним. Но астральное тело, несмотря на все его могущество, не может вынуть рубин сквозь стены сейфа. Камень не является астральным предметом, поэтому извлечь его можно только обычным способом, открыв двери. Для этой цели царица использовала свое астральное тело и свирепую силу гадателя, чтобы завладеть ключом от сейфа. Я предполагал возможность подобных событий, более того, верил в их неизбежность и охранял себя от сил Нижнего Мира. Я тоже терпеливо ждал, пока смогу собрать вместе все необходимое для возрождения мумифицированной царицы!

Абель Трелони замолчал, и раздался голос его дочери, ясный и мелодичный:

– Отец, в египетской вере мумифицированное тело может возрождаться много раз в течение

веков или только однажды и окончательно?

– Может быть только одно возрождение, – ответил Абель Трелони. – Есть люди, верящие в то, что умершее тело сможет возродиться в реальном мире. Но большинство не верит в это, потому что дух – ка – находит радость в райских полях, где для него всегда есть пища и он может не страшиться голода. Ведь там всегда есть влага, тростники с глубокими корнями и все те радости, которых жаждут люди из засушливых земель под обжигающим солнцем.

Затем серьезным тоном снова заговорила Маргарет. Казалось, речь ее шла из самого сердца, а голосом говорила сама ее душа. Слушая девушку, мы ощущали небывалый восторг.

– Мне теперь становится понятно, к чему стремилась эта мудрая и благородная женщина, какова была мечта, которая держала ее душу в терпеливом ожидании десятки проходящих столетий. Это была мечта о любви. Только это чувство могло бы пробудить Тера. Любовь – мечта в жизни любой женщины, в древнем и новом мирах, язычницы и христианки, принцессы и нищенки... хотя могут быть и другие боли и радости в жизни женщины. О! Я знаю об этом! Я женщина и знаю женское сердце. Я знаю, что означали для нее недостаток пищи и ее изобилие, чем были для нее праздник и голод, для этой женщины, рожденной во дворце, под сенью корон двух Египтов! Чем были для нее тростниковые болота и звон ручейка, для нее, чьи корабли плыли по всему Великому Нилу от гор до самого моря. Чем были для нее мелкие радости и отсутствие глупого страха, для нее, поднятие руки которой уничтожало целые армии или привлекало к великолепию ее дворцов торговцев со всего мира! По ее слову вырастали храмы, хранящие все сокровища искусства древних времен. Это по ее замыслу и под ее руководством твердая скала превратилась в усыпальницу, построенную по ее велению! Несомненно, у такой женщины были самые благородные мечты! Я ощущаю их в собственном сердце и вижу их, стоит мне закрыть глаза!

В то время как она говорила об этом, казалось, ее вело вдохновение; взгляд устремился вдаль, словно ей было дано разглядеть нечто за пределами видения смертных. А затем ее глаза наполнились слезами – такова была сила эмоций!

– Я могу видеть ее в одиночестве и молчании, погруженную в собственные мечты, разительно отличающиеся от фантазий окружающих ее людей. Она мечтала о другой земле, далеко-далеко отсюда, под куполом тихой ночи, освещенной холодным прекрасным светом звезд, земле, лежащей под Полярной звездой, где дули освежающие ветры и жизнь представлялась ей иной. Там не было интриг и злодейства жрецов, устраивающих бесконечные заговоры, стремящихся захватить власть, путь к которой шел через мрачные храмы и еще более мрачные усыпальницы, через нескончаемый ритуал бесконечных смертей. Она мечтала о далекой земле, где любовь не средство для достижения корыстных целей, а божественное сокровище души – возможно, именно здесь существовала некая родственная душа, чья жизнь способна была соединиться с ее жизнью с помощью духовной связи, как их дыхания смешивались бы в окружающем воздухе! Я знаю это чувство, потому что сама испытывала его. Я могу говорить об этом теперь, так как благословение вошло в мою собственную жизнь и дает мне возможность выразить чувства, саму жаждущую душу царицы, поднявшейся над своим временем и так непохожей на свое окружение. О Тера, ты способна была управлять силами Нижнего Мира и всей мощью пантеона высоких богов!

Мы, мужчины, сидели в молчании, пока девушка со всем пылом юности, со страстью, присущей зрелой женщине, излагала нам свою интерпретацию планов и целей необычной правительницы древней страны. Слова, а также интонация, с которой она их произносила, несли в себе осознание собственной веры Маргарет. Величие ее мыслей, казалось, приподнимало нас над обыденностью. Вдохновенную речь, наполненную огромной силой внутреннего убеждения, можно было сравнить с великим музыкальным произведением, переворачивающим душу.

Лицо мистера Трелони было исполнено блаженного удовольствия. Я знал причину его возникновения и понимал, какое счастье вошло в его жизнь по возвращении в реальную жизнь после временного пребывания в небытии. Найти в своей дочери, чья натура до сегодняшнего дня была ему совершенно неизвестна, богатство эмоций, величие духовного прозрения, воображение, оригинальность суждений, достойную серьезного ученого... Остальную часть его чувств составляла надежда!

Что касается меня самого, то, похоже, я пребывал в каком-то трансе. Любовь предоставляет

безграничные возможности для сердца и души влюбленного, за его плечами вырастают крылья, и он способен летать, подобно ангелам. И все же... Кем было это новое, излучающее свет существо, добившееся права на существование в тумане и темноте наших опасений? Я знал, что натура моей Маргарет обладала божественными возможностями разного рода. С тех пор как на пикнике под сенью развесистой ивы я впервые заглянул в глубину ее прелестных глаз, меня не оставляла твердая вера в совершенство ее натуры, но этот парящий и все постигающий дух явился, конечно, откровением. Гордость, радость и восторг переполняли меня.

Когда присутствующие снова спустились на землю, каждый – своим путем, мистер Трелони, держа дочь за руку, продолжил свою лекцию:

– Теперь рассмотрим тот период времени, на который царица Тера наметила осуществление своей мечты. Я поддерживаю контакты с самыми квалифицированными астрономами, занимающимися расчетами, связанными с положением звезд. Как вы знаете, звезды изменяют свое относительное расположение на небе, хотя реальные расстояния перемещений находятся за пределами нормального сознания и наблюдаемые изменения невелики. Тем не менее они поддаются измерениям, конечно, если вычислять перемещение не за годы, а за века. В процессе изменений относительных положений звезд созвездия обретают новую форму, и Большая Медведица в этом смысле представляет прекрасный наглядный пример. Перемещения звезд даже за сорок столетий настолько малы, что практически незаметны для невооруженного взгляда, не имеющего опыта наблюдения за малыми перемещениями, но эти изменения могут быть измерены и проверены. Заметил ли кто-либо из вас, как точно все семь звезд рубина повторяют рисунок ковша или как соответствуют расположению звезд в созвездии прозрачные пятна на шкатулке?

Мы все дружно закивали, подтверждая свое согласие. Абель Трелони улыбнулся:

– Вы совершенно правы, соответствие – точное. И все же когда царица Тера лежала в своей гробнице, ни звезды в драгоценном камне, ни прозрачные пятна на шкатулке не соответствовали положению звезд в созвездии, каким оно было тогда.

Мы переглянулись в изумлении: необычная истина открылась нам. Голос мистера Трелони зазвенел:

– Вам понятно значение этого обстоятельства? Не проливает ли оно свет на намерения царицы? Ведомая предсказаниями, магией и суевериями, она выбрала время для своего возрождения, на которое, казалось, указали ей сами боги, отправлявшие послания на стрелах молний из других миров. Если это время было установлено сверхъестественной мудростью, верх человеческой мудрости – положиться на волю богов...

Он сделал паузу и затем заговорил более спокойным тоном:

– Таким образом, для нас в нашем мире представилась возможность тайного подглядывания в древний мир, мы получили привилегию, недоступную никому другому. Возможно, это единственный шанс за всю историю человечества. От начала и до конца тайнопись и символы необычного захоронения этой удивительной женщины полны направляющего света; а ключ к разгадке многих тайн лежит в драгоценном камне, который она зажала в мертвой руке над своим мертвым сердцем, которое, как она надеялась и верила, вновь забьется в более молодом и достойном ее мире! Маргарет одарила нас истинной интерпретацией чувств царицы!

Говоря эти слова, Абель Трелони с нежностью поглядел на дочь.

– Что касается меня, то искренне надеюсь, что она оказалась права. В таком случае, я уверен в этом, было бы замечательно, если бы мы могли помочь царице Тере в реализации этой надежды. Но мы не должны продвигаться слишком быстро или чрезмерно уверовать в знания, которыми располагаем в настоящее время. Голос, который мы, казалось, слышали, читая надписи на стенах усыпальницы, шел из времен, очень сильно отличающихся от наших, когда человеческая жизнь ничего не стоила, а мораль мало считалась с ценой усилий, прилагаемых для преодоления препятствий на пути к достижению желанной цели. Однако вернемся к шкатулке, которую вполне можно назвать волшебной. Я убежден, что она открывается только при соблюдении определенных световых законов или при использовании некоторых возможностей, которые не известны нам в настоящее время. Здесь перед нами простирается огромное пространство для предположений и экспериментов, так как ученые до сих пор не научились различать виды, мощност и степени

освещенности. Не анализируя различные виды лучей, мы можем принять на веру, что существуют различные свойства мощности света; эта огромная область научных исследований представляет собой почти неизведанную страну. Пока мы так мало знаем о силах природы, что наше воображение не нуждается в ограничении пределов в будущем. В течение всего нескольких последних лет ученые произвели такие открытия, за которые несколько столетий назад их могли объявить колдунами и сжечь. Рентгеновские и беккерелевские лучи, открытия в химии: радий, гелий, полоний, аргон, жидкая фракция кислорода. И если мы в конце концов сможем доказать существование различных видов и качеств света, то обнаружим, что, например, сгорание характеризуется различными мощностями процесса, а одни виды пламени имеют свойства, какими не обладают другие. Полагаю, у каждого из нас была возможность заметить, что свет от рапсового масла отличается от света, который дает парафин, или что пламя угольного сгорания и пламя китового жира также различаются. Ученые обнаружили это различие в освещении. Мне пришло в голову, что, возможно, когда открыли гробницу царицы Теры, в масле, сосуды с которым обнаружили в усыпальнице, произошли изменения. Эти сосуды не были использованы для сохранения внутренностей, как это делалось обычно, поэтому можно предположить, что их хранили в гробнице для каких-то специальных целей. Я вспомнил Ван Хайна, он писал о способе запечатывания этих сосудов, легком, но достаточно эффективном. Их можно открывать без особого усилия. Сосуды находились в саркофаге, который, несмотря на огромную прочность и возможность закрываться герметично, открывается так же легко. Итак, я приступил к осмотру сосудов. Очень небольшое количество масла в них все еще сохранилось, но оно загустело за два с половиной столетия, в течение которых сосуды оставались открытыми, и при этом не прогоркло. Исследуя масло, я определил, что оно было кедровым и, кстати, до сих пор источает слабый аромат. Это обстоятельство натолкнуло меня на мысль, что его использовали для заполнения ламп. Кто бы ни заполнял маслом сосуды и укладывал их затем в саркофаг, он знал, что с течением времени возможен процесс усыхания, поэтому каждый сосуд содержал масло на шесть заправок ламп. С сохранившимся маслом я произвел несколько экспериментов, получив при этом интересные результаты. Вы знаете, доктор, что кедровое масло, которое в больших количествах использовали при бальзамировании и исполнении церемониальных ритуалов над мертвыми египтянами, обладает ярко выраженным свойством преломления, не сравнимым по этому параметру с другими маслами? Например, мы используем его в линзах своих микроскопов для получения дополнительной четкости изображений. Прошлой ночью я влил немного такого масла в одну из ламп из гробницы и поместил лампу вблизи просвечивающей части волшебной шкатулки. Результат оказался впечатляющим: свечение внутри было ярче и интенсивнее, чем я мог себе вообразить, в то же время простой электрический свет, источник которого был помещен таким же образом, практически не дал никакого эффекта. Я пытался проделать тот же эксперимент с другими светильниками, но не обнаружил у себя нужного запаса масла. Однако я послал за ним и ожидаю вскоре получить значительное количество кедрового масла. И тогда... наш эксперимент... Мы увидим! Мы увидим!

Доктор Уинчестер, очевидно, следовал за логическими построениями хозяина дома, в связи с чем его комментарий был таков:

— Я надеюсь, что, если только освещение особого рода является эффективным средством воздействия на шкатулку, механизм ее не может быть испорчен или уничтожен.

Надо сказать, что его слова не могли не вселить надежду в наши души.

Глава XVI ПЕЩЕРА

Вечером мистер Трелони снова собрал нас у себя в кабинете, чтобы поделиться своими планами: — Я пришел к следующему заключению: для надлежащего осуществления того, что вполне достойно называться «великим экспериментом», нам следует находиться в полной, абсолютной изоляции. Она должна длиться не день или два, но столько времени, сколько нам для этого требуется. Здесь, в Лондоне, такое мероприятие осуществить невозможно; нужды и привычки, связанные с проживанием в большом городе, а также свойственные ему возможности отвлечения бу-

дут раздражать нас. Телеграммы, заказные письма или срочные посланники плюс великое множество тех, которые захотят что-нибудь разузнать, несомненно, разрушат наши намерения. Кроме того, происшествия прошлой недели привлекли внимание полиции к этому дому. Если даже в Скотленд-Ярде не подготовлены специальные инструкции, предусматривающие наблюдение за нами, можете быть уверены, что в полицейском участке проявят рвение и хотя бы один полисмен, совершая свои регулярные осмотры, будет следить за домом с особым старанием. Не следует забывать о том, что слуги, попросившие расчет из-за недавних событий, начнут болтать. Собственно говоря, это нормальное явление: для спасения собственной репутации им необходимо как-то объяснить, почему они отказались от службы в моем доме, которая, смею заметить, считалась почетной в соседних домах. Разумеется, слуги соседей не останутся в стороне от этих разговоров и, возможно, не удержатся и сами соседи. Затем любопытствующая и вездесущая пресса начнет со свойственным ей пылом просвещать своих читателей относительно событий в нашей семье и для увеличения тиража газет возьмется за нас. Когда здесь появится репортер, у нас практически не останется возможности сохранять изолированность своего существования. Даже если мы закроем все входы и выходы, это не избавит нас от внешнего вмешательства, а возможно, и от вторжения. В любом случае наши планы будут нарушены, поэтому мы должны предпринять меры – безусловно, уехать отсюда, собрав весь необходимый багаж. Я предвидел подобное развитие событий и уже давно занимаюсь надлежащей подготовкой. Конечно, я не могу предугадать, что именно может случиться, но предполагал разного рода неожиданности. Когда Корбек отправился на поиски светильников, я подготовил свой дом в Киллионе для того, чтобы разместить все редкости, которые хранятся здесь; здание электрифицировано, есть все необходимые приборы. Надо сказать, что дом недоступен для любопытствующих особ, к тому же защищен от постороннего взгляда благодаря своему расположению на маленьком скалистом мысу позади крутого холма. Таким образом, рассмотреть его можно только со стороны моря. К тому же здание ограждено высокой каменной стеной: мой предок построил его в те дни, когда большой дом вдаль от города должен был иметь надежную защиту. Это место вполне соответствует нашим требованиям, осталось проделать кое-какую работу. В чем она будет заключаться, я объясню позже. Марвин нанял специальный поезд, который прибудет на вокзал Паддингтон ночью – чтобы не привлекать лишнего внимания. Кроме того, заказаны телеги и крытые фургоны с достаточным количеством грузчиков и приспособлений, необходимых для доставки нашего багажа в Паддингтон. Сегодня нам необходимо заняться упаковкой, и осмелюсь надеяться, что к завтрашней ночи все будет готово. Во дворе дома хранятся специальные ящики, которые использовались ранее для вывоза вещей из Египта, и мне кажется, что если им удалось благополучно перенести путешествие через пустыню и вниз по Нилу до Александрии, а затем в Лондон, то они столь же безупречно послужат нам во время переезда отсюда в Киллион. Слуги поедут в Киллион сегодня вместе с миссис Грант. Они повезут некоторое количество провизии, чтобы мы не привлекали любопытства местных жителей своими повседневными нуждами; в случае необходимости экономке дано распоряжение снабжать нас провизией из Лондона. Благодаря мудрому отношению Маргарет к слугам, которые решили остаться у нас на службе после известных событий, а также ее щедрости мы могли полагаться на нашу прислугу. Люди были уже предупреждены о секретности, так что мы сможем не опасаться сплетен, распространяющихся изнутри.

(И в самом деле, когда слуги возвратились в Лондон после того, как приготовления в Киллионе были закончены, у них не было поводов для сплетен, по крайней мере основательных.)

В соответствии с планом мистера Трелони мы начали приготовления к отъезду. Под его руководством и с помощью слуг мы вытащили из сарая огромные ящики. Некоторые из них отличались чрезвычайной прочностью и были укреплены стальными полосами, уголками и другими подобными им деталями. Мы расставили их по всему дому, каждый вблизи предмета, который затем следовало в него упаковать. Когда эта предварительная работа была закончена, в каждую комнату и холл внесли огромные охапки сена, ваты и бумаги. Ближе к вечеру слуг отпустили, и мы приступили к упаковке.

Честно говоря, трудно было вообразить объем работы, которая нас ожидала. Что касается меня самого, то я имел более чем приблизительное представление о количестве предметов, выве-

зенных мистером Трелони из Египта и содержащихся в его доме, хотя мы с Маргарет в свое время устроили своеобразную экскурсию по особняку.

Мы трудились до поздней ночи и временами были вынуждены объединять свои усилия для упаковки какого-нибудь громоздкого экспоната; затем снова трудились поодиночке, но всегда под постоянным руководством мистера Трелони. Он сам, с помощью Маргарет, маркировал каждую вещь. И лишь когда мы, почти выбившись из сил, собрались, чтобы наконец поужинать, стало ясно, какая часть работы уже сделана. Однако только несколько ящиков, в каждом из которых находился большой саркофаг, было заколочено; так что предстояло сделать еще больше. Другие ящики, содержавшие по многу предметов, не следовало закрывать до тех пор, пока все не будет окончательно рассортировано и упаковано.

Я спал эту ночь как убитый, без всяких сновидений, и утром за завтраком выяснилось, что остальные провели эту ночь точно так же.

К следующему вечеру наша работа была закончена, осталось лишь дожидаться носильщиков, которым приказали явиться в полночь. Немного ранее назначенного времени мы услышали грохот тележных колес, затем дом подвергся вторжению армии рабочих, которые, казалось, без всяких усилий, просто благодаря своей многочисленности, организовав почти бесконечную процессию, вынесли все подготовленные нами ящики. Им потребовалось немногим более часа, и, когда телеги укатили, мы были готовы следовать за ними в Паддингтон. (Сильвио, конечно, был принят в нашу команду.)

Перед отъездом мы прошли по всему дому, который выглядел заброшенным и производил гнетущее впечатление. Из-за отсутствия слуг некому было навести порядок в доме; поэтому всюду, где мы занимались упаковкой вещей, валялись клочья сена, бумаги и ваты и прочий мусор, везде виднелись следы грязных подошв.

Перед тем как покинуть дом, мы присутствовали при процедуре извлечения из большого сейфа золотого футляра, содержащего рубин с семью звездами. Когда Абель Трелони надежно упаковал его в собственное портмоне, Маргарет, которая казалась смертельно усталой и, надо сказать, пугала меня своим измученным видом и напряженным выражением лица, внезапно просияла от радости, как будто драгоценный камень придал ей силы. Подарив отцу одобрительную улыбку, Маргарет сказала:

– Сегодня вечером у нас не будет неприятностей. Она не станет нарушать твои приготовления. Клянусь жизнью.

– Она – или нечто – причинили нам вред в пустыне, когда мы вернулись из Долины Мага! – таков был мрачный комментарий Юджина Корбека, стоявшего с ними рядом.

Маргарет поспешно ответила ему:

– Тера была тогда возле своей гробницы, из которой ее тело не вынимали в течение тысячелетий. Царица знает, что теперь все будет по-другому.

– Откуда она могла узнать об этом? – с улыбкой спросил Корбек.

– Если у царицы есть то астральное тело, о котором говорил отец, конечно, она должна знать. Как Тера может оставаться в неведении с ее способностью невидимого присутствия где-либо и ее интеллектом, которому доступны путешествия во времени и в пространстве, даже к звездам и в другие миры!

Маргарет замолчала, а ее отец торжественно произнес:

– Именно на основании этого предположения мы и надеемся на прогресс в своей работе. Надо иметь мужество придерживаться собственных убеждений и действовать на их основании – до самого конца!

Маргарет взяла его за руку и не выпускала до тех пор, пока мы не вышли из дому. Мистер Трелони закрыл парадную дверь, и мы двинулись по дороге к калитке.

Когда вещи были погружены (наши ящики заняли несколько вагонов), все рабочие сели в поезд. Телеги ожидали нас в Вестертоне – ближайшей станции от Киллиона. Мистер Трелони заказал спальный вагон для нашей группы; как только поезд тронулся, мы все разместились в своих купе.

В ту ночь я не мог пожаловаться на плохой сон, так как впервые за последнее время чувство-

вал себя в безопасности. Утверждение Маргарет о том, что «сегодня вечером у нас не будет неприятностей», казалось, ограждало от беспокойства. Кстати, по этому поводу я не задавал ей никаких вопросов, как и все остальные, в тот момент, очевидно, не задумавшись, на чем основывается ее уверенность.

Поезд шел медленно, с продолжительными стоянками на маленьких станциях, где рабочие имели возможность подкрепиться. Так как мистер Трелони хотел прибыть в Вестертон с наступлением темноты, не было необходимости спешить.

Весь день – и даже во время завтрака и обеда, провизию для которых мы взяли с собой, – шел разговор о «великом эксперименте», предстоящее событие полностью овладело нашими мыслями. Мистер Трелони проникался все большим энтузиазмом, с течением времени его надежды сменились уверенностью. Доктор Уинчестер разделял его воодушевление, хотя то и дело сообщал некий научный факт, который, казалось, разрушал линию аргументов и действовал на нас охлаждающе. Юджин Корбек хранил молчание, пока сталкивались мнения других, но в конце спора выяснялось, что его отношение к обсуждаемому вопросу было негативным.

Что касается Маргарет, то ее изможденный вид беспокоил меня. Возможно, это была какая-то новая фаза ее мироощущения, или она воспринимала предстоящее событие более серьезно, чем прежде. Девушка старательно искала уединения, однако из этого состояния выходила почти мгновенно. Как правило, это случалось тогда, когда какой-нибудь эпизод, например остановка на станции, прерывал монотонность путешествия или когда поезд с грохотом пересекал виадук, а эхо разносилось среди холмов и скал, окружавших нас. В такие моменты Маргарет принимала участие в разговоре, словно желая показать, что полностью осознает происходящее, как бы далеко ни уносили ее собственные мысли.

Ее отношение ко мне тоже странным образом изменилось. Иногда я чувствовал отстраненность – полузастенчивую, полунадменную; надо сказать, такое между нами было впервые. А порой моя голова кружилась от счастья, и виной тому была нежность, которую излучали ее взгляд, жесты или голос.

Путешествие протекало однообразно, почти без событий, на которые стоило обращать внимание, за исключением одного достаточно неприятного случая. Однако в это время мы спали, поэтому о происшествии стало известно только утром из беседы с охранником. Между Доумишем и Тейнмаусом поезд был остановлен предупредительным сигналом: кто-то стоял прямо на путях с факелом в руке, размахивая им из стороны в сторону. Выйдя из кабины, машинист обнаружил, что прямо перед паровозом находится куча красной земли – очевидно, обрушилась насыпь. Когда ее убрали, выяснилось, что рельсы не повреждены, и спустя некоторое время поезд последовал дальше. По словам охранника, эта вынужденная задержка в пути произошла из-за какого-то любителя пошутить.

Мы прибыли в Вестертон около девяти часов вечера. Телеги с лошадьми уже ждали нас, почти сразу началась разгрузка вагонов. Наблюдать за ее ходом не было необходимости, так как выполняли ее вполне компетентные люди. Мы сели в предназначенный нам экипаж и спустя некоторое время оказались в Киллионе.

Позади осталась дорога, прорезанная в скале. Мы выехали на плато, и волны, обрушивающиеся на скалы далеко внизу, донесли до нас бодрящее дыхание влажного морского воздуха. На всех нас большое впечатление произвел дом – построенное во времена якобитов огромное здание из серого камня, расположенное на скале над морем.

Внутри все было подготовлено к нашему приезду – миссис Грант и ее подчиненные хорошо потрудились. Мы быстро осмотрели комнаты, сверкавшие чистотой, а затем разошлись, чтобы умыться и сменить одежду после путешествия, длившегося более суток.

Ужин был накрыт в огромной столовой в южной части дома; под шепот волн, который иногда становился тише, но не смолкал, мы вели неторопливую беседу. В широкие окна вдалеке через залив можно было видеть дрожащие огни какого-то замка, а вдоль побережья местами мерцали слабые огоньки – рыбацьи хижины. Море казалось темно-синей равниной, на которой изредка появлялись светлые блики: это волны ловили своими гребнями лунный свет. От остального мира нас закрывали скалы, которые располагались над домом и рядом с ним.

После ужина мы все собрались в комнате, которую Абель Трелони определил в качестве своего кабинета. Первое, что бросалось в глаза, – это большой сейф, похожий на тот, что находился в его доме в Лондоне. Когда все расселись, мистер Трелони подошел к столу и, достав из кармана свое портмоне, положил его на блестящую полированную поверхность. В это мгновение странная бледность залила его лицо.

– Портмоне стало весить заметно меньше. Надеюсь, что ничего серьезного не произошло!

Мы дружно вскочили со своих мест и приблизились к столу – за исключением Маргарет. Она сидела выпрямившись, молчаливая и неподвижная, как статуя, устремив глаза вдаль, словно ее не интересовало то, что происходило вокруг.

Дрожащими пальцами мистер Трелони открыл портмоне. В тишине комнаты, нарушаемой лишь отдаленным шумом моря, раздался его хриплый дрожащий голос:

– Боже мой! Рубин пропал. Без него «великий эксперимент» не может состояться!

Его слова, казалось, вывели Маргарет из оцепенения. На какое-то мгновение ее лицо исказилось, но буквально через секунду она вновь выглядела безмятежно и почти с улыбкой произнесла:

– Отец, камень мог случайно выпасть из портмоне, когда вы переодевались. Давайте посмотрим в вашей спальне.

Не говоря ни слова, мы все поспешили в соседнюю комнату – она была смежной с кабинетом. Там, на туалетном столике, лежал рубин с семью звездами, отливая ярким цветом крови...

Мы неуверенно огляделись вокруг, а затем посмотрели друг на друга. Когда потом мы делились воспоминаниями об этом эпизоде, то каждый говорил о внезапно охватившем его чувстве покоя, подобном легкому облаку. Что касается Маргарет, то спокойствие, более свойственное статуе, покинуло ее, и она сжала руки так сильно, что побелели косточки пальцев.

Не говоря ни слова, мистер Трелони взял драгоценный камень со столика и направился обратно в кабинет. Осторожно, как только мог, он открыл дверь сейфа ключом, прикрепленным к браслету на его руке, и положил рубин внутрь. Только когда массивная дверь сейфа с легким щелчком закрылась и ключ повернулся в замке, его шумное дыхание стало более ровным.

Каким-то образом это событие, хотя и встревожившее всех, казалось, сняло с наших плеч тяжкий груз, и та напряженность, которая почти не оставляла нас с тех пор, как мы выехали из Лондона, исчезла.

Итак, еще один шаг в нашем необычном предприятии был сделан. Возвращение к прежнему состоянию, а также ощущение некой свободы более всего проявилось у Маргарет. Возможно, сказалось то обстоятельство, что она была единственной женщиной среди нас, или другое – ее молодость; не исключено, что повлияли обе причины, каждая по-своему. Так или иначе, но жизнерадостность, нежность, любовь снова засияли в ее глазах. Когда взор отца останавливался на ней, его лицо словно освещалось внутренним светом. Надо ли говорить, каким счастливым я себя почувствовал – впервые за все время путешествия!..

Пока мы ожидали появления багажа, мистер Трелони провел нас по всему дому, объясняя, как будут расставлены предметы из его коллекции – за исключением тех, что имеют отношение к «великому эксперименту». Не знаю почему, но он скрыл от нас свои намерения.

К тому времени когда экскурсия закончилась, начали подъезжать телеги, при этом суэта и беспокойство предыдущей ночи возобновились. Мистер Трелони стоял в холле возле массивной, обитой железом двери и давал указания, куда ставить каждый ящик. В невероятно короткое время весь груз был доставлен, и рабочие, получив щедрое вознаграждение, покинули дом. Затем мы с сознанием того, что еще один этап подготовки завершился, разошлись по своим комнатам. Не думаю, чтобы кто-нибудь из нас сомневался в том, что ночь мы проведем спокойно, и утром действительно выяснилось, что посреди этого беспорядка все замечательно выпались.

В течение следующего дня все вещи, кроме тех, которые были необходимы для эксперимента, расставили по местам, заранее для них предназначенным. Миссис Грант со всем штатом прислуги, как было оговорено прежде, должна была отправиться рано утром в Лондон.

Выслушав последние распоряжения, экономка покинула нас. Абель Трелони, убедившись, что двери закрыты, обратился к нам, собравшимся в его кабинете.

– Теперь я хочу сообщить вам один секрет, но должен просить каждого из вас торжественно

обещать ни с кем не делиться этими сведениями. Вот уже в течение трехсот лет такое обещание было получено от каждого, кто оказался посвящен в тайну. Не один раз жизнь и безопасность людей были сохранены благодаря порядочности тех, кто не отказался от данного ими обещания. Скажу вам больше: я нарушаю букву этого закона, если не самый его дух, так как имею право приглашать тайну только ближайшим членам своего семейства.

Мы по очереди поклялись молчать. Затем мистер Трелони продолжил:

– Под этим домом есть тайник – пещера, образовавшаяся естественным путем, но усовершенствованная людьми. Безопасное, хорошо укрытое место всегда считалось ценным владением, и так как главы нашего рода всегда настаивали на сохранении тайны, считаю своей честью подчиняться этому требованию. Не стану кривить душой и заявлять, что пещера всегда использовалась в соответствии с законом. Во времена кровавых Ассизских судов²³ довольно большая группа корнуолльцев укрывалась в ней от преследований; не сомневаюсь также в том, что пещера служила для хранения контрабандных товаров. Полагаю, вам известно, что в этих местах всегда жили семьи контрабандистов, причем этот род занятий не вызывал презрения у окружающих.

Мистер Трелони поднялся, сделал приглашающий жест, и все мы отправились в холл. Там он покинул нас на несколько минут, а затем, вернувшись, велел следовать за ним.

Как выяснилось, холл сообщался с довольно просторным помещением, в одной из каменных стен которого зиял проход, тускло освещенный изнутри. Когда мы приблизились к нему, то увидели ведущую вниз лестницу, вырубленную в скале. Не теряя времени, мы начали спускаться и, преодолев сорок или пятьдесят ступенек, оказались в огромной пещере, дальний конец которой был погружен во тьму. Слабый свет проникал сюда через несколько неравномерно расположенных в стенах узких щелей. По всей вероятности, это были трещины в скалах. Рядом с каждой такой трещиной находился ставень, который с помощью висящей рядом веревки могли быстро закрыть. Звук нескончаемых ударов волн, несколько приглушенный, доносился откуда-то снизу. Мистер Трелони продолжил свой рассказ.

– Это место я выбрал для «великого эксперимента», потому что оно удовлетворяет тем условиям, которые я посчитал первостепенными для успеха. Здесь, в каменной пещере, мы так же изолированы от внешнего мира, как царица Тера в своей усыпальнице в Долине Мага. Если наш опыт окажется удачным, то современная наука обогатится ценнейшими сведениями из древнего мира, достижениями давно исчезнувших цивилизаций, которые, возможно, изменят, в том числе и практическую деятельность людей. Если же мы потерпим неудачу, то даже знание о нашей попытке умрет вместе с нами. Для этого и всего иного, что может случиться, мне кажется, мы вполне готовы!

Он замолчал, и в наступившей тишине мы склонили головы, торжественно с ним соглашаясь. Абель Трелони возобновил свою речь, теперь уже с некоторой поспешностью:

– Если кто-нибудь из вас сомневается или, как оказалось, неправильно представлял свою задачу, ради бога, скажите это сейчас! Еще не слишком поздно, и можно уйти отсюда без промедления!

Мистер Трелони снова сделал паузу и внимательно посмотрел на каждого из нас. Мы тоже переглянулись, но никто не дрогнул и не опустил глаза. Что касается меня самого, то, если в глубине моей души и имелись какие-либо сомнения, один только взгляд на Маргарет мгновенно их рассеял. Ее лицо выражало бесстрашие, силу воли и божественное спокойствие.

Отец моей возлюбленной глубоко вздохнул и более решительным тоном продолжил:

– Эта пещера, как и все остальные помещения в доме, освещается электричеством. Чтобы сохранить в тайне свою деятельность, мы не должны подключаться к общей электромагистральной. Однако здесь имеется кабель, который можно подсоединить к проводке в холле.

Говоря это, он начал подниматься по лестнице, затем вблизи от входа в пещеру взял кабель и подсоединил к выключателю в стене. Под каменным сводом вспыхнуло несколько ламп, и я разглядел укрепленный в стене ворот со множеством всевозможных блоков. Словно отвечая на мой вопрос, мистер Трелони воодушевленно произнес:

²³ Ассизские суды – выездные сессии суда присяжных, созывались в каждом графстве не меньше трех раз в год.

– Да, это новинка фирмы «Симптон». Я установил эту систему с определенной целью, зная, что придется опускать вниз огромные тяжести. Не желая посвящать посторонних в наши тайны, я составил систему блоков, с которыми при необходимости мог бы управиться в одиночку.

Мы сразу принялись за работу и, прежде чем наступила ночь, разместили на местах, указанных хозяином дома, все саркофаги и другие нужные ему предметы, привезенные с собой. Это был необычный и одновременно жуткий процесс перемещения удивительных памятников прошедших веков в подземную пещеру, которая своей архитектурой, современной техникой и электрическим освещением теперь объединяла и старый, и новый миры. Чем больше углублялся я в работу, тем большее восхищение и признательность вызывал во мне мистер Трелони продуманностью всех деталей и точностью организации.

Не могу не признаться в том, что сильно испугался, когда Сильвио, которого в пещеру принесла на руках его хозяйка, вскочил, когда начали распаковывать саркофаг кота, и набросился на него с такой же яростью, как и прежде. Инцидент позволил увидеть Маргарет с неожиданной стороны, и сердце мое болезненно сжалось, как от удара. Девушка до этого момента стояла совершенно спокойно, опершись на саркофаг, в состоянии некоторой отрешенности, которое теперь часто посещало ее, но, увидев неистовую атаку Сильвио, казалось, сама поддалась приступу неудержимого гнева. Глаза моей возлюбленной сверкнули, а губы искривились в жестоком, недобром выражении – впервые на моей памяти ее лицо так изменилось. Она сделала несколько шагов к Сильвио, как если бы собралась вмешаться в атаку. Но я тоже выступил вперед, и, встретившись со мной взглядом, Маргарет остановилась. Сила ее гнева заставила меня затаить дыхание; я инстинктивно поднял руку, чтобы протереть глаза – настолько нереальным казалось мне происходящее. Заметив мой жест, девушка мгновенно успокоилась, а на лице ее появилось удивление. Со всей присущей ей грацией и красотой она наклонилась и подняла Сильвио, так же как это происходило и прежде в подобных ситуациях, и теперь держала кота на руках, лаская и успокаивая его, как будто имела дело с маленьким расшалившимся ребенком.

Эта сцена навела меня на грустные и беспокойные мысли. Маргарет по неизвестным причинам начала изменяться, и мне ничего не оставалось делать, как только молиться, чтобы это тревожащее меня явление прошло поскорее. Более чем когда-либо раньше я мечтал в этот момент, чтобы наш эксперимент скорее благополучно закончился.

Когда работа в соответствии с планом мистера Трелони была завершена, он дождался, пока наше внимание будет сосредоточено на его особе, и начал говорить:

– Все готово. Нам осталось дожидаться определенного времени, чтобы приступить к нашему «великому эксперименту».

Некоторое время мы дружно молчали. Первым заговорил доктор Уинчестер:

– Что за определенное время? О чем идет речь?

Мистер Трелони сразу же ответил:

– После долгих размышлений по этому поводу я решил, что этот день – 31 июля.

– Могу ли я спросить, почему назначена именно эта дата?

– Царица Тера во многом руководствовалась мистицизмом, чему имеется не одно свидетельство, поэтому мне показалось естественным, что она должна была выбрать период правления соответствующего бога. Четвертый месяц сезона наводнений управлялся богом Хепри,²⁴ олицетворявшим бога солнца Ра, когда речь идет о восходе светила, тем самым ассоциируя восход с пробуждением. Так как этот месяц начинается с нашего 25 июля, его седьмой день приходится на 31 июля, поэтому можете быть уверены, что правительница не выбрала бы никакой другой день, кроме седьмого.

Итак, нас отделяло два дня от главного события, ради которого мы прибыли сюда. Мы прожили их без особых проблем. В доме поддерживался безукоризненный порядок. Предусмотрительность мистера Трелони, приготовившего для нас отдельные комнаты, сделала участие слуг ненужным; мы также были обеспечены солидным запасом еды.

²⁴ Хепри – один из древнейших богов. Воплощался в образе жука-скарабея.

Глава XVII СОМНЕНИЯ И ОПАСЕНИЯ

История века представляет собой не что иное, как бесконечное повторение истории часа, а история человеческой жизни – многократно повторенная история момента. Ангел, записывающий историю мира в Великую Книгу, не пользуется чернилами всех оттенков радуги; ему достаточно света и тьмы. Все события и явления, все мысли и эмоции, сомнения, надежды, страхи, а также намерения и желания вплоть до самых низменных складываются в итоге из противоположных элементов.

Если бы у кого-то возникло желание записать полную и правдивую историю прожитой жизни, где нашлось место всему, что может выпасть на долю потомка Адама, его вполне могло бы удовлетворить то, что я испытал в течение сорока восьми часов. Разумеется, записывающему понадобился бы свет солнца и глубина тени, с помощью которых всегда можно выразить Небо и Ад, так как высочайшее Небо есть Вера, а сомнение отделяет один шаг от зияющей тьмы Ада.

Конечно, в те два дня бывали моменты, когда, осознавая всю прелесть Маргарет и ее любовь ко мне, я находил в себе силы избавиться от своих сомнений – как рассеивается иногда утренний туман перед восходом солнца. Но чаша весов почти все это время склонялась в пользу мрачных мыслей и ощущений.

Определенный Абелем Трелони день стремительно приближался, и меня охватило чувство неизбежного конца. Исходом, возможно, станет жизнь или смерть одного из нас, но к этому мы все уже были готовы. Этическая сторона эксперимента, основанного на религиозных поверьях, меня не волновала, так как этот опыт не затрагивал моих интересов. Что касается причин и исходов, то они не только не были в моей власти, но вообще находились за пределами моего понимания. Сомнения в успехе «великого эксперимента» были такими же, какие сопровождают любую деятельность, преследующую великие возможности. Для меня, чья профессиональная жизнь протекала в сфере интеллектуальных сражений, такая форма сомнения была скорее стимулом к борьбе, чем средством устрашения. Что же тогда вызывало тревогу, превращаясь в душевную боль, на чем сосредоточивались мои мысли?

Я начал сомневаться в Маргарет!

Вокруг чего сосредоточивались мои сомнения – вокруг ее любви, или честности, или доброты?.. Разумеется, нет. Она сама их вызвала, потому что изменилась.

Временами в течение прошедших нескольких дней я едва узнавал ее. Неужели передо мной та самая девушка, которую я встретил на пикнике и затем помогал ей охранять сраженного странным недугом отца? Тогда, даже в минуты печали, страха или беспокойства, она была сама жизнь, и забота, и спокойное достоинство. Теперь же Маргарет почти всегда держалась отстраненно, иногда пребывала в противоречивом настроении, словно ее разум, а также естество больше не принадлежали ей. Вплоть до времени, когда мы уехали из Лондона, в моей душе все время присутствовало чувство безопасности, пришедшее вместе с осознанием, что наша любовь взаимна. Но теперь я не знал, была ли рядом со мной моя Маргарет – прежняя Маргарет... Эту девушку я едва понимал, ход ее мыслей создавал между нами невидимую преграду.

Порой Маргарет словно просыпалась и говорила мне нежные и приятные слова, которые я часто слышал от нее прежде, – и все же в такие моменты она казалась мне наиболее непохожей на себя. Это выглядело так, как если бы она повторяла их словно попугай или под чью-то диктовку, подобно человеку, который умеет говорить и играть свою роль, но не имеет собственных мыслей. Постепенно я начал возводить между нами барьер, потому что более не мог разговаривать с ней легко и свободно. Полагаю, Маргарет тоже почувствовала это, так как начала избегать меня. Ранее она изыскивала всякую возможность быть со мной, точно так же, как я всегда стремился к ней; а теперь любая попытка одного из нас избежать встречи, уйти от общения причиняла новую боль нам обоим. Час за часом мы все больше отдалялись друг от друга. Если бы не ряд моментов, когда прежняя Маргарет возвращалась ко мне, полная привычного очарования, не знаю, что могло бы произойти. Но к счастью, подобное возвращение как бы давало новый старт нашим отношениям и сохраняло мою любовь к ней.

Я отдал бы весь мир за возможность поделиться с кем-нибудь своими сомнениями, но это было невозможно. Кому я мог довериться? Как мог я говорить о своих сомнениях по поводу Маргарет с кем-нибудь, даже с ее отцом? Мне оставалось только страдать – и надеяться.

Весь день в доме царила странная тишина. Каждый из нас был занят собственными мыслями, и это ощущалось даже в разговорах во время завтрака и обеда. Вечером я вышел прогуляться – в одиночестве. Сначала я попросил Маргарет присоединиться ко мне. Но девушка пребывала в безразлично-апатичном настроении, и, надо сказать, очарование ее молчаливого присутствия на меня уже не действовало. Рассердившись на самого себя и пытаясь охладить возникшее раздражение, я мерил шагами площадку перед воротами.

Прекрасный вид на море, тишина, нарушаемая лишь ударами волн, доносившимися снизу, и хриплыми вскриками чайки, то и дело взмывавших к серым небесам, придали моим мыслям спокойное течение. И все равно они постоянно возвращались к одной теме – к сомнениям, которые истомили меня. Бессознательно я обнаружил, что задаю себе вопрос, на который не могу найти ответа. Тем не менее здесь, в одиночестве, под влиянием морской стихии и мрачных скал, мой разум вновь заработал четко, в привычном ему ритме, продиктованном моей жизнью, и я начал трезво анализировать факты, тревожащие меня.

Точкой отсчета стало следующее: Маргарет изменилась – каким образом и под влиянием каких сил? Было ли это связано с ее характером, умом или продиктовано ее природой? Ведь физический облик оставался прежним. Я начал группировать все сведения, относящиеся к ней, начиная с самого рождения, обстоятельства которого были более чем странными.

Итак, согласно утверждению Юджина Корбека, рождение Маргарет стоило жизни ее матери и произошло тогда, когда ее отец со своим другом пребывали в трансе в гробнице в районе Асуана. Это состояние предположительно было вызвано женщиной – мумифицированной, но сохранившей, как мы имели разные поводы убедиться в этом даже до эксперимента, свое астральное тело, которым она могла распоряжаться по собственной воле. Таким образом, царица не испытывала затруднений с перемещениями в пространстве, и огромное расстояние между Лондоном и Асуаном превращалось в ничто. А та власть, которую колдуны использовали в некромантии, была направлена на мертвую женщину и ее ребенка, возможно тоже мертвого.

Мертвый ребенок! Допустимо ли, чтобы ребенок был мертв, а потом вернулся к жизни? Значит, в него вселился оживляющий дух – душа? Ка мертвой царицы и ее кху в состоянии были оживить то, что она выбрала. В таком случае Маргарет вообще могла быть не личностью, а просто вместилищем астрального тела царицы Теры, подчиняющимся ее воле!

Каждая клетка моего существа протестовала против такого вывода. Как мог я верить в то, что не было никакой Маргарет вообще, а рядом со мной оказалось тело, использованное в собственных целях женщиной, умершей сорок веков назад!.. Мои умозаключения завершились тем, что я отказался следовать логике.

По крайней мере, у меня была Маргарет!

Вновь логический маятник качнулся назад. Ребенок не был мертв, а если это так, имели ли колдовские чары вообще какое-нибудь отношение к ее рождению? Было очевидно (это я также знал от Корбека), что существовало странное сходство между Маргарет и дошедшими до нас изображениями царицы Теры. Как такое могло случиться? Речь не шла о воспроизведении, например, какого-то родимого пятна, которое запечатлелось в памяти ее матери, ведь миссис Трелони никогда не видела ни одного портрета царицы Теры. Даже ее отец не сталкивался с изображениями правительницы, пока не нашел усыпальницу всего за несколько дней до рождения дочери. От этого вопроса мне не удавалось так легко избавиться, как от предыдущего. Сомнение приняло облик непроходимого мрака, в котором, не подчиняясь никакому закону, изредка мерцали крошечные точки света, что, казалось, продлевало существование этой темноты.

Оставалась возможность, почерпнутая из оккультной науки. Она заключалась в том, что существовал какой-то способ, который давал возможность мумифицированной царице заменять собою Маргарет. Эта точка зрения не могла быть отброшена с легкостью. Теперь, когда мое внимание было сосредоточено на ней, в памяти всплывало слишком много подозрительных обстоятельств, подтверждавших такую возможность. Все странные и непонятные события, кото-

рые переполнили нашу жизнь в течение нескольких последних дней, сначала перемешались у меня в голове, но аналитический характер ума, свойственный человеку моей профессии, заставил их выстроиться в нужном порядке. Теперь мне было легче управлять собой и сделать какие-то обобщения, произвести некоторую мыслительную работу, хотя она носила довольно печальный характер, так как могла оказаться направленной против Маргарет.

Но ведь цель этого разбирательства – сама Маргарет! Я думал о ней и сражался за нее, а работая в потемках, мог причинить ей вред. Моим главным оружием ее защиты должна стать правда. Мне необходимо было многое узнать и понять; тогда я смог бы начать действовать – разумеется, имея целостную концепцию и факты. Расположенные по порядку, они выглядели следующим образом. Во-первых, странное сходство царицы Теры и Маргарет, родившейся в другой стране спустя тысячи лет и за тысячу миль от Египта, тем более что ее мать не имела ни малейшего представления о внешности египтянки. Во-вторых, исчезновение из моей комнаты книги Ван Хайна, в которой я прочел описание семизвездного рубина. В-третьих, светильники были обнаружены в комнате Маргарет. Тера – ее астральное тело – могла открыть дверь комнаты Корбека в отеле и запереть ее снова, после того как ушла оттуда с лампами. Таким же образом она могла воспользоваться окном и оставить светильники в доме мистера Трелони. В-четвертых, подозрения детектива и доктора. В-пятых, бывали ситуации, когда Маргарет предсказывала с абсолютной точностью развязку, как будто она знала о намерениях царицы. В-шестых, ее предположение о том, где находится рубин, который потерял ее отец. Когда я вспомнил этот эпизод, то единственным выводом, к которому я пришел, была необходимость всегда исходить из того, что теория об астральной сущности царицы верна.

Очевидно, беспокоясь о том, чтобы все прошло хорошо по пути из Лондона в Киллион, царица Тера сама похитила драгоценный камень-талисман, считая его необходимым для охраны путешествия. Затем каким-то мистическим способом она через Маргарет помогла найти рубин. И наконец, странное двойное существование, которое Маргарет вела в последнее время, – оно казалось следствием того, что произошло раньше.

Двойное существование! Это действительно было выводом, который преодолевал все противоречия, согласовывая их. Если и вправду Маргарет не свободно действовала, а вынуждена была говорить или вести себя в соответствии с получаемыми указаниями, или если ее существо могло быть заменено другим без вероятности, что кто-нибудь это заметит, тогда все остальное оказывалось возможным и зависело от свойств души той личности, которая направляла таким образом ее действия. Если царица Тера была справедлива, добра и чиста... а если нет? Ужас этой мысли не мог быть выражен словами, и я скрипел зубами в бессильной ярости, воображая леденящие душу последствия.

До сих пор проявления новой сущности Маргарет были немногочисленны и едва заметны, за исключением того, что раз или два ее отношение ко мне не могло не озадачить. Но теперь изменения почти полностью захватили ее самым ужасным образом. Не исключено, что вторая индивидуальность была худшего, а вовсе не лучшего вида... Теперь, когда я раздумывал об этом, у меня появилась причина для страха. В истории мумии со времен Ван Хайна, взломавшего гробницу, список погибших, о которых мы знали, предположительно умерщвленных по ее воле и по ее приказу, был ужасающим. Араб, укравший руку мумии, и другой, который взял ее с тела умершего. Пытавшийся украсть рубин у Ван Хайна арабский шейх, на шее которого нашли следы семи пальцев. Два мертвых тела обнаружены в ту ночь, когда Абель Трелони выбрался из усыпальницы, а три других трупа – по возвращении в гробницу. Араб, который открыл секретный сердаб. Итак, девять мертвецов, один из которых был, очевидно, убит рукой самой царицы! И сверх того несколько нападений на мистера Трелони в его собственной комнате, когда с помощью своего гадала правительница пыталась открыть сейф, чтобы вынуть оттуда драгоценный талисман.

Если царица, намереваясь возродиться, осуществляла это свое намерение через кровь, что могло остановить ее от совершения любого преступления, которое увеличивало шансы осуществления ее плана? Какой ужасный шаг сделала бы Тера, если бы он увеличивал вероятность исполнения ее желания? Но каковы были ее желания, какое из них являлось сокровенным? До сих пор мы знали обо всем этом только из утверждений Маргарет, наполненных энтузиазмом ее возвы-

шенной души с благородными устремлениями. В этих утверждениях не нашлось места для выражения любви, о которой царица Тера мечтала или которую она нашла. Мы знали наверняка только то, что она поставила выше всего задачу своего возрождения, и в этом событии, по-видимому, особую роль должен был играть север, который она очень любила. Но то, что задуманное возрождение должно было произойти в одинокой гробнице в Долине Мага, не вызывало сомнений. Все было тщательно подготовлено для этого: с саркофага снята крышка, запечатанные сосуды с маслом достаточно легко открывались; также было предусмотрено, что количество масла за столь большой промежуток времени уменьшится. Внутри усыпальницы имелась цепь, с помощью которой царица могла спуститься на землю. Но каковы были дальнейшие намерения Теры, мы не знали и даже не имели никаких догадок на сей счет. Если она предполагала начать жизнь снова как обычный человек, то в этом желании содержалось нечто благородное, что согревало мое сердце; в таком случае мне хотелось пожелать ей успеха. Мою растревоженную душу успокаивало то, что, возможно, Маргарет помогала правительнице в осуществлении ее добрых намерений. Оставалось только ждать развития событий, над которыми я не имел власти.

Я вернулся в дом в другом настроении и обрадовался, увидев Маргарет – прежнюю Маргарет, ожидавшую меня.

После ужина, оставшись наедине с девушкой и ее отцом, я поделился с ними своими размышлениями:

– Как вы думаете, не было бы разумно предпринять все возможные предосторожности – на случай, если царица не пожелает воспользоваться нашей помощью, – и во время, и после ее пробуждения, если оно произойдет?

Маргарет ответила так поспешно, что у меня сложилось впечатление, что ее ответ был подготовлен заранее:

– Но она уже все одобрила! Отец старается претворить в жизнь все то, чего желает великая царица!

– Вряд ли это именно так, – возразил я. – Все, что она приготовила, всеми мыслимыми способами отгорожено от всего живого. Сама усыпальница находилась в безлюдной пустыне, далеко от жилья, – мне кажется, она надеялась на эту изолированность, считая, что сможет избежать непредвиденных случаев. Конечно, находясь здесь, в другой стране, в другое время, в совершенно других условиях, царица Тера может совершать ошибки и невольно угрожать кому-нибудь из нас, как это она делала в отношении других в прошедшие времена. Девять человек, о которых нам известно, были убиты или ее собственной рукой, или по ее повелению. Правительница может быть безжалостна, когда ей это необходимо.

Своим ответом я опасался оскорбить мистера Трелони, но он искренне засмеялся, что несколько успокоило меня.

– Мой дорогой друг, некоторым образом вы совершенно правы. Царица, несомненно, предпочла бы уединение, и, конечно, было бы гораздо лучше, если бы эксперимент произошел в выбранных ею условиях. Однако это стало невозможным, когда голландский путешественник вломился в ее гробницу. Я не виновен в происшедшем, хотя именно записки Ван Хайна заставили меня оказаться в ее усыпальнице. Мною двигало исключительно любопытство, и я взял оттуда вещи, перед которыми не мог устоять как коллекционер и ученый. Вспомните также, что в то время я не имел ни малейшего представления о намерениях правительницы возродиться и не знал о ее подготовке к этому. Все это выяснилось много позже. Но затем я сделал все возможное, чтобы полностью выполнить ее пожелания. Меня пугает только одно: неправильная интерпретация тайнописи царицы. Возможно, я что-нибудь пропустил или не заметил. Однако я не оставил невыполненным ничего из того, что, по моему представлению, должно быть исполнено, и не сделал ничего такого, что послужило бы во вред приготовлениям царицы Теры. Хочу, чтобы «великий эксперимент» завершился успешно. До сего дня я не жалел ни труда, ни времени, ни денег, ни самого себя, преодолевал трудности и смело смотрел в лицо опасности. Все мои силы и знания использованы, используются и будут впредь использоваться до тех пор, пока мы не выиграем или проиграем эту великую ставку.

– Великая ставка? – повторил я. – Вернуть жизнь женщины? Доказательство того, что воз-

рождение возможно посредством применения магии, научного знания или путем использования неких сил, которых мир в настоящее время еще не знает?

И тогда мистер Трелони заговорил о надеждах, которые питали его душу; до этого момента он только намекал на них, не поясняя сущности. Раз два я слышал, как Корбек рассказывал о свойственной его другу неистовой энергии, но, исключая благородные речи Маргарет, когда она рассказывала о надеждах царицы Теры, – ее пыл можно было отнести в каком-то смысле к наследственности, – я никогда не замечал в нем ничего подобного. Однако теперь его слова, подобно потоку, сметали любую противоречивую мысль, и я получил совершенно новое представление об этом человеке.

– «Жизнь женщины»! Что такое жизнь женщины в сравнении с тем, на что мы надеемся? Мы рискуем жизнью моей дочери – самого драгоценного для меня существа на свете. Мы также рискуем жизнями мужчин: вашей, моей собственной, а также жизнями еще двоих, которые завоевали мое полное доверие. «Доказательство того, что возрождение возможно»! Это, пожалуй, самая удивительная вещь в наш век науки и скептицизма. Но истина о жизни и возрождении – лишь крупицы знания, которое мы можем получить в результате проведения нашего эксперимента. Вообразите: если бы кто-то вернулся к нам из прошлого и подарил бы нам знания, накопленные в великой Александрийской библиотеке²⁵ и утраченные затем в поглотившем их ненасытном пламени, развитие науки пошло бы без ненужных заблуждений и мы смогли бы не только исправить ошибки истории, но выйти на дорогу утраченных искусств, забытых знаний, так что наши ноги двигались бы точно по указанному следу. Эта женщина могла бы поведать нам, что представлял собой наш мир перед тем явлением, которое мы называем Потопом; дать нам сведения о происхождении этого удивительного мифа, обратить наш ум к изучению предметов, которые сейчас нам кажутся первобытными, а на самом деле были древними историями, возникшими до времен Патриархов. Но и это еще не все! Это даже еще и не начало! Если бы история этой женщины доказала, что люди того времени не отличаются от нашего о них представления, это бы означало, что пока мы не достигли уровня их знаний, даже того уровня, которым сегодня может овладеть человек. Если на самом деле это возрождение совершится, исчезнут сомнения относительно прежних знаний, древней магии, старой веры! И если это так, мы должны будем признать, что ка этой великой и просвещенной царицы завоевало секреты большие, чем любой смертный из всего окружающего ее звездного мира. Эта женщина в расцвете лет добровольно сошла в могилу и возродилась из нее вновь, она выбрала смерть в молодом возрасте, чтобы при воскрешении в другом веке, после загробного сна в течение колоссального интервала времени выйти из своей гробницы в полном расцвете и блеске юности и власти. О, что за возможности возникают при появлении такого человека среди нас! Человека, чья история началась задолго до того, как написали Библию, кому были неизвестны греческие боги, человека, который может связать вместе старое и новое, землю и небеса и рассказать о чудесах неизвестного – старого мира его юности и миров из других галактик!

Он замолчал, почти обессиленный. Маргарет взяла его за руку и, пока он говорил, не выпускала ее. В ее лице произошла перемена, которую я так часто наблюдал в последнее время: мистическое сокрытие собственной личности, которое давало мне едва уловимое ощущение отдаленности от нее. В своем неистовстве Абель Трелони ничего не заметил, но, когда он замолчал, его дочь снова стала сама собой за одно мгновение. В ее прекрасных глазах блистали непролитые слезы, она наклонилась и поцеловала ему руку. Затем, повернувшись ко мне, сказала:

– Малькольм, ты говорил мне о смертях, которые последовали по приказу царицы; но, может быть, виновных справедливо наказали за промедление при выполнении ее приказов или за то, что они мешали выполнить поставленную ею цель. Правильно ли так ставить вопрос? Вспомни, ведь она боролась за свою жизнь! За жизнь, за любовь и все великолепные возможности того туманного будущего в неизвестном мире Севера, который был столь привлекателен для нее! Не думаешь ли ты, что она, обладающая всеми знаниями своего времени, со всей великой и несокрушимой мощью своей натуры надеялась распространить их среди нас? Возможно, она хотела привести че-

²⁵ Александрийская библиотека – основана в III веке до н. э., насчитывала 700 000 томов на многих языках Древнего мира. Сожжена в 391 году фанатиками-христианами.

ловечество к завоеванию неизвестных миров и использовать для благоденствия своего народа все, что завоевала во время сна смерти за столько веков. И ее желание могло быть разрушено безжалостной рукой убийцы или вора... Если бы это был ты, разве ты не стал бы сражаться, используя любые средства, чтобы достигнуть своей мечты и цели всей жизни? Можешь ли ты понять, что в то время, как смертное тело, спеленутое защитными тканями, уберегающими от природного воздействия и предписанными религиозными обычаями и наукой ее времени, ждало назначенного часа, ее мозг во время всех этих мрачных столетий находился в покое, а душа свободно летала от одного мира к другому между безграничными пространствами?

Маргарет замолчала, совершенно обессиленная волнением, по ее щекам бежали слезы. Я сам был тронут настолько, что не мог выразить свои чувства словами. Это в самом деле была моя возлюбленная, и, сознавая ее присутствие, мое сердце забилося сильнее. Мое счастье породило смелость, и я решился высказать предположение о двойном существовании девушки. Взяв руки Маргарет в свои и целуя их, я обратился к ее отцу:

— Что вы думаете, сэр? Она не смогла бы сказать об этом более красноречиво, если бы даже сам дух царицы Теры был с нею, чтобы вдохновить ее и навести на эти мысли!

Ответ мистера Трелони просто ошеломил меня! Оказывается, отец моей Маргарет прошел точно такой же путь размышлений, как и я сам.

— А что, если это так? Я хорошо знаю, что душа ее матери живет в ней. А если в моей дочери живет дух великой и удивительной царицы, то Маргарет станет мне дороже вдвое! Не бойтесь ее, Малькольм Росс; по крайней мере, не остерегайтесь ее в большей степени, чем всех остальных из нашей группы!

Маргарет подхватила тему разговора так быстро, что ее слова казались продолжением слов ее отца.

— Не опасайся меня, Малькольм, царица Тера знает все и не причинит нам вреда. Я так же уверена в этом, как и в том, что совершенно потерялась в глубинах моей собственной любви к тебе!

В ее голосе было нечто настолько странное для меня, что я быстро взглянул ей в глаза. Они были ясными, как всегда, но некая мысль пряталась в них за тончайшей вуалью. А еще они напомнили мне глаза льва, помещенного в клетку.

Глава XVIII УРОК КА

В тот вечер мы по предложению хозяина дома рано улеглись спать: до «великого эксперимента» оставалось чуть больше суток, и мистер Трелони полагал, что нам следует подкрепить свои силы сном, настолько продолжительным, насколько позволят нам обстоятельства. Конечно, он договорился о вызове дополнительной помощи, в случае если таковая понадобится. Однако никто всерьез не предполагал, что повторится нападение, подобное тому, которого мы боялись в Лондоне, когда пришлось организовывать специальную охрану.

Что касается меня самого, я ощущал странное чувство, близкое к освобождению. Я принял точку зрения мистера Трелони: если Тера в самом деле соответствовала нашим о ней представлениям, то с ее стороны невозможно было ждать никакого противодействия, ведь мы руководствовались исключительно желаниями царицы. Так что у меня было хорошее настроение, я чувствовал себя гораздо лучше, чем прежде, когда предполагал, что в сложившихся обстоятельствах обрести душевный покой невозможно. И все же мысли о странном состоянии Маргарет не оставляли меня. Если ее личность вела двойное существование, что может произойти, когда два этих существа сольются в одно? Снова и снова я перебирал в уме все возможные варианты. Для меня не было утешением то обстоятельство, что саму Маргарет вполне удовлетворяла такая ситуация, а ее отец с ней покорно согласился. Любовь, что ни говори, чувство эгоистическое, она отбрасывает черную тень на все, что угодно, если стоит между этим «всем» и светом.

Ночные часы текли, а мои чувства приобрели необыкновенную остроту: мне казалось, что я слышал, как движутся стрелки по циферблату. Между тем тьма уступила место полумраку, а по-

лумрак сменился серым цветом раннего утра, перешедшим в солнечный свет, – и все это без пауз и помех, усиливая печаль, поселившуюся в моей душе. Выйдя из комнаты, я крадучись прошел по коридору, желая убедиться, что все остальные в полном порядке. Накануне мы условились оставить свои двери слегка приоткрытыми, так чтобы любой тревожный звук был бы слышен беспрепятственно и издалека.

Все спали. До меня доносилось ровное дыхание каждого, и мое сердце радовалось, что эта долгая ночь закончилась благополучно. Когда я преклонил колени в порыве благодарственной молитвы в своей комнате, то, прислушиваясь к себе, ощутил наконец меру своего страха. Желая успокоиться, я поспешно покинул дом и спустился к воде по длинной лестнице, вырубленной в скале. Купание в холодных волнах взбодрило меня, привело в некоторый порядок мои нервы, и я был готов встретить новый день.

Когда я поднимался по лестнице, преодолевая крутые каменные ступени, то мог видеть, как лучи солнца, встававшего у меня за спиной, золотили окрестные скалы. Тем не менее в утреннем воздухе ощущалась некоторая тревога, все выглядело слишком ярким, как бывает иногда перед штормом. Я остановился для того, чтобы еще раз насладиться зрелищем открывавшегося передо мной простора, и почувствовал осторожное прикосновение к плечу чьей-то руки. Обернувшись, я увидел, что рядом со мной стоит Маргарет – такая же ясная и сияющая, как утро! Вне всякого сомнения, это была моя возлюбленная – прежняя Маргарет, без всякого чужого присутствия. Что ж, по крайней мере, день, посвященный последним приготовлениям к «великому эксперименту», а возможно, и не только к нему, начался прекрасно.

Однако радость была недолгой. Когда мы вернулись в дом после прогулки по скалам, день вступил в свои права, возвращая в наши отношения мрачность и беспокойство, надежду и воодушевление, глубокую депрессию, безразличие и утешение.

После завтрака мы собрались в пещере, где мистер Трелони еще раз проверил расположение предметов, объясняя нам, почему каждый из них находится именно здесь, на своем конкретном месте. Он принес с собой огромные рулоны бумаги, на которых были изображены планы помещений гробницы царицы Теры, знаки и рисунки, которые он восстановил, пользуясь набросками, сделанными им самим и Корбеком. Таким образом, мы могли увидеть копии всех иероглифов и символов, покрывавших стены, потолок и пол усыпальницы в Долине Мага.

Мистер Трелони поделился с нами своими наблюдениями по поводу некоторых предметов из захоронения. Так, например, углубление в столе точно соответствовало дну «волшебной шкатулки» – наверняка это было сделано специально. Местоположение ножек стола на полу отмечали Урее различной формы, причем голова каждого из них смотрела в направлении Урея, обвинявшего ножку, сделанную в форме лапы шакала. Еще одна немаловажная деталь: мумия лежала на приподнятой части дна саркофага, по форме совпадающей с ее фигурой, головой к западу, а ногами к востоку, в соответствии с направлениями магнитных потоков Земли.

– Если это было сделано намеренно, – он многозначительно посмотрел на нас, – в чем лично я нисколько не сомневаюсь, использовавшаяся сила имела какое-то отношение к магнетизму или электричеству либо к тому и другому. Возможно, здесь имеет место и неизвестная современной науке энергия, заключенная в этом таинственном веществе, из которого сделана шкатулка. Я, например, подвергал ее воздействию радия – правда, мне удалось достать его только в очень малом количестве, но опыт не дал никаких результатов. Кажется, радий не активен, когда его помещают в смесь дегтя с цинковой обманкой, и, несомненно, в природе существуют другие подобные им субстанции, в которые его можно заключать. Возможно, они принадлежат к классу инертных газов, открытых сэром Уильямом Рамзаем.²⁶ Ларец может быть сделан из аэролита,²⁷ в котором могут содержаться и неизвестные нам элементы. Поэтому я допускаю, что в ней заключены некие мощные силы, которые высвобождаются в тот момент, когда шкатулку открывают.

²⁶ Рамзай, Уильям (1852–1916) – английский химик и физик, удостоенный в 1904 году Нобелевской премии за открытие пяти новых химических элементов, составивших группу инертных газов.

²⁷ Аэролит – устаревшее название каменного метеорита.

Мистер Трелони замолчал, устремив взгляд на шкатулку. Некоторое время он, очевидно, обдумывал сказанное, затем продолжил:

– Должен признаться, есть кое-какие вопросы, на которые я до сих пор не нашел ответов... Настоящая загадка! Может быть, они не имеют первостепенной важности, но в таком деле, как наше, где столько неизвестного, нельзя не придавать значения любой мелочи. Расстановка предметов в усыпальнице продумана со скрупулезной точностью, поэтому каждая деталь несет в себе определенный смысл. Как вы можете видеть из плана гробницы, саркофаг расположен вдоль ее северной стороны, а «волшебная шкатулка» – на южной. Пространство, примыкающее к нам, совершенно лишено символов или каких-либо орнаментальных украшений. На первый взгляд естественно объяснить этот факт тем, что рисунки делались после размещения саркофага в захоронении, но более внимательный осмотр убеждает: система символических изображений на полу задумана таким образом, чтобы был достигнут совершенно определенный эффект. В чем он заключается – вот что хотелось бы узнать... Обратите внимание на символы на западной и восточной стене по отношению к голове и ногам саркофага. Здесь продублированы некоторые из тех символов. В каждом случае изображено солнце, будто бы разрезанное пополам линией саркофага, которая служит как бы горизонтом. Рядом можно увидеть изображение вазы, которая в иероглифическом письме означает сердце – аб, а также иероглиф – пара рук, широко распростертых и поднятых вверх на уровне локтей; это графическое обозначение ка, или «двойника». Но их относительное положение различно: в изголовье саркофага ка повернут в сторону аб, а в ногах распростертые руки направлены в сторону, противоположную иероглифу, изображающему сердце. Такой порядок символов означает, по-видимому, что во время прохождения солнца с запада на восток, от заката до восхода, аб – сердце – остается активным даже в гробнице, но не может выйти за ее пределы, а ка – «двойник» – перемещается, куда хочет, и днем, и ночью. Если это предположение правильно, нас предупреждают о том, что сознание мумии не отдыхает и с ним следует считаться. Своеобразный сигнал тревоги! Или, может быть, нам внушают, что после ночи возрождения ка оставит аб – сердце, таким образом, царица возродится исключительно для физического существования. И наиболее ценная ее нематериальная часть будет утрачена для мира! Что станет с ее памятью, опытом, с ее ба – удивительной странствующей душой? Однако не это беспокоит меня. В конце концов, я изложил вам лишь гипотезу, которая, кстати, находится в противоречии с египетской теологией, утверждающей, что ка – наиболее существенная нематериальная часть человеческой личности.

Он замолчал, и мы все ждали, когда пауза закончится. Тишину нарушил доктор Уинчестер:

– Не говорит ли все это о том, что царица опасалась вторжения в ее гробницу?

Абель Трелони засмеялся в ответ:

– Дорогой сэр, она предполагала подобное развитие событий. Грабитель усыпальниц – отнюдь не современное явление. Они уже существовали во времена ее правления. Тера не только была готова к вторжению, но ожидала его. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что лампы были спрятаны в сардабе, а также фигурка хранителя-копьеносца.

Мы выслушали его молча, одна лишь Маргарет обратилась к нему:

– Отец, ты не мог бы дать мне этот план? Мне хотелось бы как следует изучить его в течение дня.

– Конечно, моя дорогая, – сердечно сказал Абель Трелони, передавая карту дочери.

После этого он предложил нам совершить небольшую экскурсию по дому, во время которой возобновил свой рассказ, в котором уже отсутствовала всякая мистика, уступив место фактам.

– Я хочу ознакомить вас со схемой электрической сети на случай какой-нибудь неполадки, – промолвил мистер Трелони. – Вы, наверное, уже заметили, что дом полностью электрифицирован, так что в нем нет ни одного темного уголка – это я специально предусмотрел. Электрический ток вырабатывается группой турбин, движущихся под воздействием разности уровней воды при приливе и отливе.

Надеюсь, такой способ сводит к нулю вероятность неприятных ситуаций с освещением, и мы всегда располагаем запасом необходимой мощности.

Пока мы шли по дому, я вслух восхищался тем, насколько великолепно задумана система и

как мистер Трелони оградил себя от любой аварии, которую может вообразить человеческая мысль. Но постепенно восхищение сменилось страхом. В таком предприятии, как наше, границы, к которым возносилась человеческая мысль, были беспредельно широки. Однако за ними находились Божественная мудрость и Божественная власть!

Когда мы вернулись в пещеру, Абель Трелони предложил обсудить еще одну проблему:

– Теперь следует со всей определенностью установить точный час, когда начнется «великий эксперимент». Если для него все готово, мы можем приступить к нему в любое время. Но речь идет о приготовлениях, сделанных женщиной чрезвычайно острого ума, которая полностью доверяет магии. Для нее все имеет тайное значение, поэтому прежде, чем решить этот вопрос, мы должны поставить себя на ее место. Вспомните прежде всего об изображении заката солнца; мы также обнаружили, что число «семь» играло важную роль в жизни царицы. Рассуждая логически, можно прийти к выводу, что время, установленное ею, – седьмой час после заката солнца. В Корнуолле это время определяется как три часа утра!

Мистер Трелони, предлагая нам «рассуждать», тем не менее назвал установленное время вполне категорично, то есть вопрос был решен; но при этом слова его не содержали никакой мистики; его манеры также отличались спокойствием. И все же мы испытали настоящее потрясение – об этом свидетельствовали бледность наших лиц и напряженное молчание. Точное определение часа, казалось, обрекло нас на ожидание стремительно приближавшегося Страшного суда. Единственный человек, чувствовавший себя при этом спокойно, была Маргарет, которая с безразличной улыбкой наблюдала за происходящим. Абель Трелони, бросив на девушку внимательный взгляд, тоже улыбнулся; для него настроение дочери было прямым подтверждением его теории. Что касается меня самого, то я был вымотан до предела. Когда я теперь вспоминаю об этом, то понимаю, что в тот момент мои чувства были сходны с переживаниями приговоренного к смерти в течение его последнего часа.

Нет пути к отступлению, мы все в руках Господа!

Руки Господа!.. Тем не менее – какие еще силы окружали нас? Что произойдет со всеми нами, земной пылью, клубящейся на ветру... еще один порыв – и разве кто-нибудь вспомнит о нас? Нет, подобная участь не для меня... Маргарет!

Я очнулся при звуках твердого голоса мистера Трелони:

– Теперь займемся светильниками – это последнее, что нам осталось сделать.

Под его наблюдением мы заполнили египетские лампы кедровым маслом, проверили не один раз, должным ли образом отрегулированы в них фитили. Наши старания были направлены, в том числе и на то, чтобы зажечь их без промедления и одновременно.

Приготовление заняло довольно много времени. Думаю, все удивились не меньше меня, когда, покидая пещеру, слышали, как часы в холле пробили четыре.

Мы рано поужинали и, руководствуясь советом хозяина дома, разошлись по своим комнатам: каждый должен был по-своему подготовиться к тревогам предстоящей ночи. Маргарет выглядела бледной и изможденной, так что я посоветовал ей лечь в постель и постараться уснуть. Она кивнула, соглашаясь. В этот момент рассеянность, которая словно туманом окутывала ее весь день, исчезла; со свойственными ей очарованием и нежностью она пожелала всем хорошего отдыха и, наклонившись, поцеловала меня! Окрыленный счастьем, я вышел из дому прогуляться по скалам. Мне хотелось ни о чем не думать, а просто любоваться бликами заходящего солнца на воде, вдыхать свежий морской воздух, благодарить Бога за созданную Им красоту... С радостью признаюсь, что все это наилучшим образом укрепило мой дух и подготовило к предстоящим ночным событиям, которые неумолимо приближались.

Когда я вернулся, вся наша компания собралась для вечернего чая – люди, как правило, привязаны к нуждам и привычкам своей обыденной жизни. Я присоединился к ним, воодушевленный прогулкой, – общение с природой всегда восстанавливало мои душевные силы. Мужчины хранили угрюмое молчание; время добровольного заточения в этом доме среди скал, помимо отдыха, одновременно давало пищу для размышлений. Маргарет была весела, но по отношению к себе я чувствовал тень некоторого равнодушия, что снова возвращало меня к мрачным мыслям. Когда чаепитие закончилось, она вышла из комнаты, но через минуту вернулась со свертком рисунков, с

которыми, очевидно, не расставалась весь день.

Мы все невольно вздрогнули, когда услышали ее голос, настолько необычны были интонации:

– Отец, я обдумала все то, что вы говорили сегодня о скрытом значении этих солнц, и аб, и ка. Я внимательно просмотрела все эти рисунки.

– И каковы же результаты, дитя мое? – заинтересованно спросил мистер Трелони.

– Здесь возможно и другое толкование!

– Какое же именно? – Его голос дрожал от нетерпения и беспокойства.

Маргарет отвечала тем же странным звенящим голосом, и это предупреждало нас: сейчас мы услышим кое-что необычное.

– Это означает, что при закате солнца ка входит в аб и только после рассвета ка покинет аб.

– Продолжай! – хрипло сказал Абель Трелони.

– В эту ночь «двойник» царицы, всегда свободный, останется с аб – ее сердцем, ибо оно не может покинуть место своего заключения в усыпальнице мумии. Когда солнце опустится в море, царица Тера перестанет существовать до тех пор, пока «великий эксперимент» не вернет ее из сна к жизни после пробуждения. Вам нечего опасаться ее – беспомощной мертвой женщины, отдавшей все эти столетия за грядущий час, в надежде на новую жизнь в новом мире, о котором она так страстно мечтала!..

Внезапно у Маргарет перехватило дыхание, и она замолчала. Прежде чем девушка отвернулась от нас, я успел заметить слезы в ее глазах.

Судя по всему, сердце отца не откликнулось на чувства дочери. Абель Трелони выглядел возбужденным, однако на его лице отразилась и тень угрюмой властности, так живо напомнившая мне суровость его облика во время транса. Видя искреннее сострадание Маргарет к царице Тере, он лишь сказал:

– Мы должны проверить точность твоего предположения!

Он поднялся из-за стола и, сопровождаемый беспокойным взглядом Маргарет, пошел к себе. Почему-то ее тревога не затронула меня так сильно, как обычно.

В столовой воцарилась глубокая тишина – никому не хотелось высказываться по поводу происходящего. Немного помедлив, Маргарет покинула нас, а я отправился на террасу. Свежий морской ветер и красота пейзажа, окружавшего меня, помогли восстановить хорошее настроение, тем более что я окончательно поверил в то, что опасность, которую я связывал с предстоящей ночью, более нам не угрожает. Меня убедила в этом Маргарет, окончательно и бесповоротно, причем мне даже не пришлось в голову проверять логику ее предположений. В прекрасном расположении духа и практически не ощущая беспокойства, угнетавшего меня все последние дни, я вернулся в свою комнату и прилег на софу.

Сквозь сон я услышал голос Корбека:

– Спускайтесь в пещеру, мистер Трелони хочет нас всех видеть – немедленно. Поспешите!

Я едва ли не бегом спустился в пещеру, где все уже собрались, кроме Маргарет; она вошла сразу после меня, крепко прижимая к себе Сильвио. Кот вел себя беспокойно, пытаясь высвободиться из ее рук. Я поглядел на часы – было около восьми вечера.

Увидев дочь, Абель Трелони обратился к ней с настоятельностью, которая была внове для меня:

– Ты веришь, Маргарет, что царица Тера по своей воле решила расстаться со своей свободой и пребывать в состоянии мумии, пока не закончится эксперимент? Быть равнодушной при любых обстоятельствах, лишиться всякой власти до тех пор, пока акт возрождения не будет завершен... а ведь он может закончиться и неудачно?

После паузы Маргарет тихо ответила:

– Да!

За эти несколько мгновений выражение ее лица, голос, манеры – словом, все изменилось. Даже Сильвио почувствовал это и с яростным усилием наконец вывернулся из рук девушки; но она, казалось, даже не заметила произошедшего. Я ожидал, что животное, освободившись, атакует ненавистную ему мумию кошки, но он, осторожно приблизившись к ней, сразу отступил, жалобно

мяукая, а затем начал тереться о мои ноги и успокоился только после того, как я взял его на руки. Мистер Трелони заговорил снова:

– Ты уверена в том, что говоришь? Всей своей душой?

Лицо Маргарет утратило рассеянное выражение; сейчас оно казалось освещенным той причастностью, которую ощущает человек, чувствуя необходимость или предназначение говорить о великих вещах. Она ответила дрожащим – но отнюдь не от испуга – голосом:

– Я знаю это! Мое знание превосходит мою веру!

Мистер Трелони продолжал, пристально глядя на нее:

– Будь ты царица Тера, то смогла бы доказать любым возможным способом свое согласие?

– Да, любым способом!

Сколько бесстрашия было в ее голосе!

– Даже отказавшись от своего гадателя, уничтожив его?

Маргарет молчала, и я мог видеть в глазах моей возлюбленной выражение загнанного зверька. Мне так хотелось прервать этот мучительный разговор, но, когда взгляд мистера Трелони упал на меня, я не мог произнести ни слова. Между ними происходило что-то недоступное нашему пониманию.

Большими шагами Абель Трелони направился к стене пещеры и отодвинул ставень, закрывавший узкую щель. Холодный воздух проник в помещение, и солнечный свет озарил их обоих, так как Маргарет теперь стояла рядом со своим отцом. Он указал на солнце, которое погружалось в море в ореоле золотого огня, и его лицо было неподвижно, как камень. Голосом, бескомпромиссные интонации которого я не забуду до самой смерти, он сказал:

– Решай! Говори! Когда солнце целиком погрузится в море, будет слишком поздно!

Великолепие закатных лучей коснулось лица Маргарет и словно зажгло внутри нее священный огонь. Девушка тихо ответила:

– Даже тогда!

Затем, подойдя к маленькому столику, на котором лежала мумия кота, она положила на нее руку и звонко воскликнула:

– Если бы я была Терой, я бы сказала: «Заберите все, чем я обладаю! Эта ночь существует только для одного бога!»

В то время как она произносила эти слова, солнце полностью погрузилось в воду и пещеру заполнили сумерки. Некоторое время мы стояли в полной тишине, которую прервал печальный голос Маргарет:

– Отец, солнце зашло! Увидит ли его снова кто-нибудь из присутствующих здесь? Наступила ночь всех ночей!

Сильвио подбежал к своей хозяйке и остановился рядом с ней, как будто просил, чтобы она взяла его на руки. Он не обращал никакого внимания на мумию кошки.

Глава XIX «ВЕЛИКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ»

Если требуется свидетельство о том, как каждый из нас и мы все вместе пришли к вере в существование ка – души египетской царицы, его можно было бы обнаружить в тех изменениях, которые всего за несколько минут произошли в нас после ее добровольного отречения, сделанного через Маргарет. Несмотря на приближение рокового часа, о чем невозможно было забыть, мы выглядели и действовали так, будто на нас снизошла великая благодать. Разве это можно было сравнить с теми днями, когда мистер Трелони находился в трансе? Страх тогда буквально въелся в наши души. Никто не в состоянии представить, пока не испытает сам, что такое находиться в постоянном ожидании неизвестной опасности, которая может настигнуть тебя в любой момент.

Изменения проявились по-разному, в соответствии с натурой каждого. Маргарет была печальна; доктор Уинчестер – оживлен и весьма наблюдателен; мистер Корбек находился в задумчивом настроении. Сам я, можно сказать, склонялся к веселью, так как освободился от беспокойства за Маргарет – по крайней мере, на некоторое время.

Что касается Абея Трелони, то его меньше всех коснулись перемены. Это было вполне естественно, ведь он в течение многих лет вынашивал планы, которые нам сегодня ночью предстояло воплотить в жизнь. Поэтому любое связанное с этим событие воспринималось им как эпизод, шаг к конечной цели. Его натура обладала огромным зарядом лидерства, он ни разу не выразил сомнения по поводу задуманного дела.

Мистер Трелони попросил мужчин пройти вместе с ним; из холла мы перенесли в пещеру дубовый стол, довольно длинный, но не слишком широкий. Для него было определено место – в центре помещения, прямо под несколькими ярко сиявшими лампами. Маргарет некоторое время наблюдала за нашими действиями, затем внезапно ее лицо побледнело, и она возбужденным от волнения голосом воскликнула:

– Что вы собираетесь делать, отец?

– Развернуть мумию кота. Царице Тере сегодня ночью не понадобится ее гадатель. Если бы она захотела иметь его при себе, это было бы опасным для нас, так что мы хотим обезвредить его. Ты не тревожишься, дорогая?

– О нет! – быстро ответила девушка. – Но я подумала о своем Сильвио... Что бы я почувствовала, если бы он был мумией, которую сейчас начнут распеленывать!

Мистер Трелони приготовил ножи и ножницы и положил мумию кота на стол. Таким образом, начало нашей работы носило мрачный характер; чувство одиночества и ощущение изоляции от всего мира усиливалось от завываний ветра и от биения волн о скалы внизу. Количество бинтов казалось бесчисленным, их слои были склеены чем-то вроде битума или смолы с сильным запахом, и маленькое облачко ароматной красной пыли, поднимавшейся над нами, то и дело заставляло нас чихать и протирать глаза. Когда сняли последний бинт, перед нами предстал огромный кот: его глаза были закрыты, усы свирепо топорщились – как, наверное, и при жизни, – шерсть, зубы и когти полностью сохранились. Пока мы разглядывали это великолепное животное, наше восхищение сменилось страхом, вызвавшим сильную дрожь, – по крайней мере, у меня. Пасть и когти кота покрывали бурые пятна крови, судя по всему пролитой не так давно!

Первым пришел в себя доктор Уинчестер: для него кровь сама по себе была достаточно привычным зрелищем. Он вынул увеличительное стекло и начал рассматривать пятна. Мистер Трелони громко дышал, словно освободившись от какого-то напряжения.

– Это то, чего я ожидал, – сказал он, – и обещает хорошие результаты последующих исследований.

Доктор Уинчестер едва ли не вторил ему:

– Как я и ожидал! У него по семь когтей на каждой лапе!

Открыв свою записную книжку, он вынул листок бумаги с отпечатками когтей Сильвио, на котором также были зарисованы следы царапин с запястья мистера Трелони, и подложил бумагу под лапу мумии. Отметки когтей совпали!

Дальнейший тщательный осмотр животного не дал никаких пугающих результатов, кроме того, что мы еще раз убедились в превосходной сохранности мумии. Когда Абель Трелони поднял кота со стола, Маргарет подскочила к отцу с криком:

– Будь осторожен, отец! Будь осторожен! Мумия может поранить тебя!

– Не бойся, моя дорогая, – ответил он, двигаясь в направлении лестницы.

– Куда ты идешь? – спросила девушка слабеющим от страха голосом.

– На кухню. Мы сожжем мумию. Только тогда этот кот не будет представлять опасности; даже его астральное тело не может материализоваться из пепла.

Он подал нам знак следовать за ним. Маргарет зарыдала, я подошел к ней, желая утешить, но моя возлюбленная развернула меня спиной к себе и, тихонько толкнув вперед, прошептала:

– Нет, нет! Ступай, ты можешь понадобиться отцу. О, это так похоже на убийство! Бедный любимец царицы...

В кухне уже все было готово: мистер Трелони заранее разжег огонь и теперь ждал, когда выровняется пламя. Спустя некоторое время он бросил в него мумию; она лежала темной массой в огненно-красных языках, а комната заполнялась запахом паленой шерсти. Затем огонь охватил сухое тело; вещества, использованные при бальзамировании, обратились в дополнительное горю-

чье, и пламя зарычало с новой силой. Оно свирепствовало еще несколько минут, а затем мы дружно вздохнули. Гадателя царицы Теры более не существовало!

Когда мы вернулись в пещеру, Маргарет выключила электрические лампы, и только едва заметные лучи света проникали сквозь узкие щели в стенах. Отец быстро подошел к ней и обнял, словно защищая. Девушка опустила голову ему на плечо и, казалось, успокоилась. Несколько минут длилось томительное молчание, которое наконец прервал ее голос:

– Малькольм, включи свет!

Я выполнил ее приказ и убедился, что, хотя на нежных щеках девушки виднелись следы слез, ее глаза были уже сухими. Абель Трелони тоже это заметил и явно обрадовался. Обращаясь к нам, он торжественно произнес:

– Теперь ничто не помешает нам!

Маргарет, должно быть, подозревала, что именно сейчас произойдет, так как тихо спросила:

– А что вы собираетесь делать?

Мистер Трелони, видимо понимая ее состояние, так же тихо ответил:

– Распеленать мумию царицы Теры.

Маргарет теснее прижалась к отцу и прошептала умоляющим тоном:

– Отец, ведь вы не станете распеленывать ее! Ведь вы мужчины!.. Она, обнаженная! При ярком свете этих ламп!

– Но... почему бы и нет, дорогая?

– Только подумай, отец, она ведь женщина! В таком виде! В таком месте! О, это жестоко, это так жестоко!

Маргарет была совершенно измучена своими переживаниями. Ее щеки горели ярким румянцем, а глаза вновь наполнились слезами. Я встретился взглядом с мистером Трелони, и он кивнул, очевидно не возражая, чтобы я помог ему. Типичное желание мужчины – переложить на плечи кого-то другого задачу успокоения женщины, находящейся в раздражающем его отчаянии. Однако отец моей возлюбленной все же попытался сделать это сам:

– Дорогая, это же мумия! Царица Тера умерла около четырех тысяч лет назад!

– Что это меняет? Пол не зависит от срока. Женщина остается женщиной, даже если она и умерла сорок столетий назад. К тому же вы ожидаете, что она возродится. Значит, ни о какой смерти и речи быть не может. Ты всегда внушал мне, что царица оживет, если удастся открыть шкатулку!

– Да, именно так, дорогая, и я в это верю. Но если она не умерла, тогда то, что происходило с ней в течение этих лет, невероятно похоже на смерть. Подумай вот о чем: ее ведь бальзамировали мужчины. В Древнем Египте, моя дорогая, женщины этим не занимались. И кроме того, – продолжал он более спокойно, видя, что она принимает его аргументы, если и не соглашается с ним, – мы привыкли к таким вещам. Корбек и я уже распеленали сотни мумий, и среди них было столько же женщин, сколько и мужчин. Даже Росс в своей работе адвоката... – Внезапно он остановился.

– Разве ты собираешься помочь им? – В голосе Маргарет слышалось раздражение.

Я ничего не ответил: в таких случаях лучше промолчать. Мистер Трелони неторопливо продолжал, к счастью отказавшись от аргументов, касавшихся моей должности:

– Дитя мое, ты же сама будешь присутствовать при этом. Неужели мы отважимся сделать т/л, что могло бы оскорбить тебя или причинить тебе боль? Постарайся вести себя разумно. Мы все – серьезные люди, начинающие весьма важный эксперимент, который может открыть для нас мудрость древних времен и беспредельно увеличить человеческие знания. Эти новые знания могут направить человеческий разум на неизведанные пути философии и исследований. Предстоящий эксперимент, – Абель Трелони заметно воодушевился, и голос его зазвучал сильнее, – может повлечь смерть любого из нас, да что там – всех нас! Мы знаем из прошлого опыта, что существует или может существовать огромное количество опасностей, угрожающих нам. Пойми, дитя мое, что мы приступаем к нашим действиям не с легкой душой, но со всей серьезностью глубоко заинтересованных в них людей! Кроме того, моя дорогая, какие бы чувства ты или любой из нас ни испытывал по этому поводу, для успеха эксперимента мумию необходимо раскрыть. Мы избавим царицу от этих бинтов, прежде чем она снова вернется к жизни, вместо того чтобы оставаться

одухотворенным трупом, обладающим астральным телом. Если будут выполнены ее первоначальные намерения и Тера вступит в новую жизнь, обернутая во все эти пелены... она же умрет, задохнувшись! Теперь, когда она по собственному желанию временно отдает свою астральную власть, не может быть никаких сомнений по поводу наших действий.

Лицо Маргарет прояснилось.

– Хорошо, отец! – сказала она, целуя его. – Но мне все равно кажется, что это величайшее оскорбление для царицы, для женщины.

Я направлялся к лестнице, когда она окликнула меня:

– Куда ты?

Я вернулся к ней, взял ее руку и, целуя тонкие пальцы, ответил:

– Я приду, когда все будет закончено.

Маргарет долго смотрела на меня, и что-то похожее на легкую улыбку появилось на ее лице, когда она наконец заговорила:

– Возможно, тебе следует остаться. Господин адвокат, это может оказаться полезным для вашей практики! – Девушка засмеялась, встретившись со мной глазами, но почти за одно мгновение ее настроение переменилось: на лице появилось серьезное выражение, и она тихо произнесла, заметно побледнев: – Отец прав! Это ужасная ситуация. Необходимо, чтобы все мы отнеслись к ней серьезно. Но все равно... нет, именно по этой причине лучше оставайся с ними, Малькольм!

Пока она говорила, мое сердце остановилось, однако я решил промолчать в ответ: и так достаточно плотная атмосфера страха сгустилась над нами!

К этому времени Абель Трелони с помощью мистера Корбека и доктора Уинчестера сняли крышку с саркофага, сделанного из бурого железняка. Внутри находилась мумия царицы – широкая, длинная и достаточно тяжелая, так что даже для нас, четверых мужчин, поднять ее из саркофага оказалось нелегкой задачей. Под руководством мистера Трелони мы положили ее на стол, где совсем недавно разворачивали мумию кота.

И только тогда весь ужас этого занятия овладел моим сознанием! При ослепительном свете электрических ламп физическая сторона смерти оказалась потрясающе реальной. Наружные пелены, разорванные и стянутые нашими руками, потемневшие либо от пыли, либо от времени, напоминали лохмотья; раскраска сохранилась в виде отдельных пятен, а лак местами откололся. Количество слоев было огромным, тем не менее через них постепенно проступали формы человеческого тела. Весь романтический и таинственный ореол смерти исчезал у нас на глазах. Два более пожилых человека, преданные своему увлечению, не в первый раз в жизни занимались подобными вещами, поэтому сохраняли самообладание и не казались столь сильно выбитыми из колеи; доктор Уинчестер словно склонился над операционным столом и являл собой заинтересованного профессионала. Но я совсем упал духом, мне было стыдно за всех и одновременно жаль присутствующих, самого себя в том числе; кроме того, бледность Маргарет и ее встревоженность заставляли меня мучиться от невозможности ей помочь.

Работа шла медленно. Распеленывание мумии кота, конечно, дало мне некоторый опыт, но эта мумия была намного больше и завернута куда более искусно. К тому же нас не покидало осознание близости смерти в ее неприглядном естестве, а также бесчеловечности вмешательства в «жизнь после смерти» египетской правительницы. Не могу не отметить то обстоятельство, что процесс сам по себе оказался более сложным: животное было забальзамировано с использованием традиционных составов; здесь же даже первые слои полотна источали совсем другие запахи – наверняка лучших смол, трав и специй. Но в воздухе по-прежнему висела красная пыль и раздавался треск бесконечного количества разрываемых бинтов. Когда мы увидели разрезанными все слои, их толщина превзошла все наши ожидания.

Мое волнение росло вместе с кучей бинтов на полу. Некоторое время спустя я отстранился от стола – и Маргарет посмотрела на меня с благодарностью. Мы сомкнули руки, пальцы девушки тесно переплелись с моими, крепко сжав их.

Грубое полотно сменилось более тонкими тканями, некоторые из них были украшены какими-то символами и картинками, в основном бледно-зеленых оттенков, и даже при многоцветии зеленые тона преобладали. То и дело мистер Трелони или мистер Корбек обращали наше внима-

ние на какой-нибудь особенный рисунок, прежде чем отложить пелену в чудовищных размеров груды на полу.

Процесс близился к завершению. Пропорции лежавшего перед нами тела уже уменьшились до почти нормальных размеров, соответствующих росту царицы, которая, как известно, была выше среднего роста. Я услышал, как учащенно дышит Маргарет, мой тревожный взгляд отметил ее неестественную бледность, напоминавшую мрамор статуи. Как раз в это время Абель Трелони снимал последний бинт; посмотрев на Маргарет, он заметил успокаивающим тоном:

– Не переживай столь сильно, дорогая! Посмотри, царица одета в мантию.

Последняя пелена представляла собой широкий кусок материи, длина которого равнялась длине тела. Когда ее сняли, нашим взорам предстала расточительно широкая мантия из белого полотна, покрывавшая тело от шеи до ступней. Маргарет мгновенно забыла о своих переживаниях и теперь с чисто женским интересом рассматривала прекрасную ткань. Впрочем, все остальные тоже не могли отвести от мантии восхищенных глаз. Незабываемое зрелище! Полотно, напоминавшее тончайший шелк, лежало великолепными, почти скульптурными складками и лишь несколько измялось под верхними слоями ткани, пеленавшими мумию.

Вокруг шеи мантия была искусно расшита нитями из чистого золота, узор дополняли вплетения из веточек смоковницы, внизу вышивка повторялась, только с использованием стеблей лотоса неравной длины, что вносило в ритм рисунка беспорядочно-естественную красоту натуральных растений.

Поверх мантии, не окружая тело, лежал пояс из драгоценных камней, казалось позаимствованный свои цвета у радуги, а блеск – у звезд на ночном небосводе.

Пряжкой для пояса служил камень желтого цвета, своей формой напоминавший шар в золотой оправе. Он сиял, как будто внутри него находилось настоящее солнце, освещая все вокруг своим ярким блеском. По бокам от него были укреплены два молочно-белых камня меньших размеров, их мерцание создавало полную иллюзию серебристого лунного света.

Маргарет в экстазе всплеснула руками, затем склонилась над столом, чтобы как следует рассмотреть необыкновенный пояс. После минутного созерцания она выпрямилась во весь свой довольно высокий рост и заговорила с убежденностью абсолютного знания:

– Это не похоронный наряд! Он не мог быть изготовлен для обрядов мертвой царицы! Это свадебный наряд!

Мистер Трелони оттянул складку материи возле шеи, и я догадался по порывистому вздоху, что его что-то удивило. Он приподнял мантию еще выше и произнес:

– Маргарет права! Эта одежда не предназначалась для мертвой. Посмотрите! Мантия просто лежит поверх ее тела.

Он поднял с мумии пояс, переливавшийся блеском драгоценных камней, и передал его Маргарет. Затем приподнял роскошную мантию и положил поперек рук девушки, которые она протянула к нему в порыве неудержимого восторга. Предметы такой редкой красоты не могли не вызывать подобного чувства.

Все мы молча стояли, потрясенные прелестью женской фигуры, которая лежала перед нами полностью обнаженная, за исключением прикрытой пеленами головы. Мистер Трелони наклонился и дрожащими от волнения руками поднял эту пелену, которая была изготовлена из такого же полотна, что и сама мантия. Когда он отступил от стола, перед нами предстала вся прославленная красота царицы. Меня окатила волна стыда: как несправедливо, что нам, простым смертным, дозволено равнодушными глазами смотреть на истинное воплощение мечты о прекрасном! Это было сродни святотатству.

Царица Тера напоминала статую, вырезанную из слоновой кости рукой Праксителя.²⁸ Кожа поражала своим совершенством, была гладкой, как бархат; никаких следов увядания или тления, окаменевших морщин; изменения коснулись лишь забрызганной кровью руки, которая пролежала обнаженной поверх покровов в течение нескольких десятков веков.

Уголки губ Маргарет дрогнули, на щеках вспыхнул гневный румянец. Импульсивным дви-

²⁸ Пракситель (ок. 390 – ок. 330 до н. э.) – древнегреческий скульптор.

жением девушка накинула на тело царицы прекрасную мантию, закрыв изуродованную руку. Теперь мы могли любоваться только лицом Теры. Оно было еще восхитительнее, чем тело, потому что производило впечатление живого и одухотворенного. Глаза были закрыты; длинные, черные, загибающиеся вверх ресницы лежали веером на щеках. Ноздри благородной формы хранили покой, казавшийся более абсолютным, чем тот, что приносит смерть. Полные, красные губы приоткрывали тончайшую линию жемчужных зубов. Ее волосы необычайной густоты, черные и блестящие, как вороново крыло, были приподняты прядями над белоснежным лбом, на который выбивалось несколько легких локонов.

Меня потрясло сходство древней правительницы с Маргарет, хотя я уже был подготовлен к нему фразой мистера Корбека, процитировавшего ее отца. Эта женщина – я не мог думать о ней как о мумии или трупе – напомнила мне нашу первую встречу на балу, когда я издали восхищался царственной осанкой мисс Трелони. От моего внимания не ускользнуло то, что украшение из крупного жемчуга с лунным блеском и драгоценных камней, скреплявшее прическу царицы, по своей форме ничем не отличалось оттого, что сияло тогда в шелковистых локонах Маргарет.

Мистер Трелони выглядел так, словно злая магия лишила его физических сил. Он был совершенно разбит и едва держался на ногах. И когда Маргарет, успокаивая, обняла его обеими руками, я услышал, как он еле прошептал:

– Дитя мое, мне кажется, что это ты лежишь передо мной!

Некоторое время мы молчали, прислушиваясь к вою ветра, перешедшего в бурю, и неистовому биению волн о скалы далеко внизу. Голос мистера Трелони, прервавшего паузу, уже обрел привычные нам интонации:

– Позже мы попытаемся исследовать процесс бальзамирования. Внешне мумия совсем не похожа на те, которые мне доводилось изучать. Кажется, нет надрезов для извлечения связок и внутренних органов, которые, по всей вероятности, остались нетронутыми. Кроме того, ткани тела совсем не содержат влаги: каким-то очень точным методом через вены ввели воск, или стеарин, или какое-то неизвестное вещество. Я не исключаю парафин, потому что к тому времени древние египтяне могли уже знать о нем.

Маргарет откуда-то достала белую простыню и, накрыв ею тело царицы, попросила нас перенести Теру к ней в комнату.

– Мне не хотелось бы, чтобы до установленного срока она лежала здесь, в этой пещере, одна, совершенно обнаженная, под ярким светом ламп. Может быть, она приготовилась к встрече с женом, имя которому Смерть.

Мы вышли в почтительном молчании, оставив Маргарет наедине с царицей Терой. Когда спустя некоторое время моя возлюбленная позвала меня к себе, мертвая красавица была одета в свою мантию из тонкого полотна с золотым шитьем, ее украшали принадлежавшие ей великолепные драгоценности, а также белые цветы, которые Маргарет положила на высокую грудь египтянки. Вокруг ложа стояли зажженные свечи.

Рука в руке мы простояли некоторое время возле нее. Затем со вздохом Маргарет отвернулась.

Осторожно прикрыв дверь, мы направились в столовую, где нас ждали остальные. Несколько минут прошло в молчании, затем возобновился разговор о том, что было, и о том, что еще должно произойти.

Время от времени я чувствовал, как беседа едва ли не затухает подобно пламени, которое нечем питать, – как если бы мы утратили уверенность в своих самых важных убеждениях. К тому же долгое ожидание начало сказываться на состоянии наших нервов. От моего внимательного взгляда не укрылось то обстоятельство, что для мистера Трелони перенесенный им транс не был столь безобидным, как мы полагали или как он нашел нужным рассказать нам. Правда, его воля и целеустремленность были столь же сильны, как всегда, но физически он заметно сдал. Конечно, подобное положение вещей казалось мне вполне объяснимым. Четыре дня совершенного отрицания жизни ослабили бы любой организм.

Время текло все медленнее, и мои собеседники, не сознавая этого, проявляли признаки сонливой усталости. Я, всеми возможными способами желая сохранить ясность сознания, пытался

понять, не было ли это гипнотическим влиянием царицы, которому мы уже подвергались.

Что касается Маргарет, тревога ожидания заметно сказалась на ее состоянии, что было естественным для женщины. Бледность не покидала ее лица, глаза утратили живой блеск, и около полуночи я начал серьезно беспокоиться за нее. Я отвел девушку в библиотеку и там долго уговаривал прилечь на софу. «Великий эксперимент» должен был начаться точно через семь часов после захода солнца, это соответствовало трем часам ночи. Даже если выделить час для окончательных приготовлений, нам предстояло еще два часа волнений, и я клятвенно обещал Маргарет, что разбужу ее в любое время, какое она укажет. Однако девушка не хотела и слышать об этом. Улыбнувшись, она поблагодарила меня, заверив, что вполне способна выдержать оставшиеся часы ожидания и совершенно не хочет спать. Я согласился, хотя и через силу, но сознательно потратил на уговоры больше часа; так что, когда Маргарет настояла на том, чтобы мы вернулись в столовую, я шел туда с сознанием того, что по крайней мере помог ей скоротать время ожидания.

Абель Трелони, доктор Уинчестер и Юджин Корбек молчаливо созерцали огонь в камине. С чисто мужской твердостью они пребывали в покое, исполненные сознания выполненного долга. Они сделали все, что было в их власти.

Когда пробило два часа, этот звук заставил нас несколько оживиться. Все тени, казалось кружившие вокруг нас в течение предшествующих часов, мгновенно исчезли, и мы занялись последними приготовлениями. Сначала необходимо было проверить окна и убедиться, что все они закрыты, затем подготовить наши респираторы, чтобы надеть их, когда наступит знаменательный час. Мы решили их использовать, так как не знали, не будут ли выходить какие-нибудь отравляющие газы из шкатулки, когда она откроется. При этом никому из нас почему-то не приходило в голову, что возможно иное развитие событий – например, сумеем ли мы открыть ее вообще.

Под предводительством Маргарет мы перенесли мумифицированное тело царицы Теры в пещеру и положили ее в саркофаг. Поврежденная рука вернулась в прежнее положение – на грудь, и вновь ладонь скрывала рубин с семью звездами, который мистер Трелони заранее вынул из сейфа.

Когда я вспоминаю о прошедших событиях, то иногда мне приходит в голову, что со стороны все это выглядело довольно странно, включая сам опыт, который нельзя было отнести к ряду обычных событий. Мрачные и молчаливые мужчины подняли белую неподвижную фигуру, напоминавшую статую из слоновой кости (во время нашего продвижения с нее соскользнула простыня), и унесли ее прочь от зажженных свечей и белоснежных цветов. Их ждала пещера, где сияние электрических огней было направлено на огромный саркофаг, установленный в центре помещения, готового для окончательного эксперимента, основанного на исследованиях двух ученых-путешественников, посветивших им свою жизнь. А если вспомнить, что шествие возглавляла девушка, чье поразительное сходство с мумией усиливалось ее необычной бледностью...

Мы уложились в три четверти часа, потому что все действия были тщательно продуманы. Маргарет подозвала меня, и я отправился вместе с ней, чтобы принести Сильвио. Оказавшись у себя в комнате, она передала мне кота, а затем совершила странный поступок, от созерцания которого у меня защемило в груди и я в очередной раз задумался о безнадежности затеянного нами дела. Одну за другой Маргарет старательно гасила свечи и ставила каждую на ее обычное место, говоря при этом:

– Что бы ни наступило – жизнь или смерть, – отныне не будет причин для их использования.

Затем, взяв Сильвио на руки и прижимая его к груди, отчего он начал громко мяукать, Маргарет вышла.

Я, покидая комнату, осторожно прикрыл за собой дверь, чувствуя при этом сильное волнение – путей к отступлению уже не оставалось.

«Великий эксперимент» начался. Мы надели респираторы, и каждый занял свое место согласно заранее составленному плану действий. Я должен был стоять возле выключателей у двери и быть готовым включить или выключить свет по указанию мистера Трелони. Доктор Уинчестер расположился позади саркофага, так чтобы не оказаться между мумией и ларцом; он должен был внимательно следить за тем, что будет происходить с царицей. Маргарет находилась рядом с ним: она держала Сильвио. Мистер Трелони и мистер Корбек должны были зажечь светильники. Они

уже стояли наготове, глядя на стрелки часов, приближавшиеся к цифре «три».

Звон серебряного колокольчика часов прозвучал для нас подобно звукам труб перед Страшным судом. Один! Два! Три!

Едва последний звук растаял в наступившей тишине, фитили египетских ламп были зажжены, и я выключил электрический свет. В полумраке разгорающихся светильников и после выключения ламп пещера мгновенно преобразилась – все предметы в ней приобрели зловещие очертания. Я слышал, как громко стучит мое сердце, и мне казалось, что до меня доносится сердцебиение остальных.

Следующие секунды, наверное, летели на свинцовых крыльях. Фигуры людей в пещере были едва различимы, выделялось лишь белое платье Маргарет и белые же респираторы на наших лицах.

Неужели эти лампы никогда не разгорятся как следует? Наконец на фоне их слабого свечения проступили квадратная челюсть мистера Трелони и смуглое бритое лицо мистера Корбека. Глаза доктора Уинчестера сверкали как звезды, споря своей яркостью с изумрудной зеленью глаз Сильвио.

Прошло несколько секунд, и спокойный, устойчивый свет ламп начал заметно увеличивать свою яркость, одновременно меняя оттенок от синего до хрустально-белого. Так продолжалось в течение двух минут без всяких изменений со стороны шкатулки, пока наконец она тоже не начала слабо светиться. Этот поначалу слабый блеск постепенно усиливался, затем шкатулка превратилась в сверкающий драгоценный камень. А еще она напоминала мне живое существо, главным смыслом существования которого было свечение.

Неожиданно раздался звук, похожий на приглушенный взрыв, и шкатулка поднялась над поверхностью стола на несколько дюймов; в этом не было никаких сомнений, так как всю пещеру залил яркий свет. Крышка медленно сдвинулась в сторону, словно подчиняясь давлению каких-то сил, из шкатулки пополз тонкий зеленоватый дым. Даже через респиратор я ощущал странный острый запах. Затем дым стал сгущаться, повалил клубами и в течение нескольких секунд заполнил пещеру, так что наступила почти полная тьма. Мне так хотелось в этот момент броситься к Маргарет, которую я продолжал видеть сквозь дым, – она стояла позади саркофага рядом с доктором Уинчестером. Затем я увидел, как доктор Уинчестер упал, но оставался в сознании: он размахивал рукой, как бы запрещаая приближаться к себе. Фигуры мистера Трелони и мистера Корбека стали совсем неразличимыми в дыму, и я потерял их из виду. Сильвио был встревожен, его жалкое мяуканье было единственным звуком, слышимым в пещере. Шкатулка продолжала светиться, а лампы постепенно затухали. И неудивительно: такого количества яркого пламени не могло хватить надолго.

Я напряженно ждал, когда раздастся команда включить свет, но приказа не поступало. Густые клубы дыма продолжали вырываться из светящейся шкатулки, в то время как лампы гасли одна за другой. В конце концов осталась только одна, испускавшая тускло-голубое, мерцающее свечение, но это не означало, что в комнате стало темно, – свет исходил от сияющего ларца. Я продолжал пристально наблюдать за Маргарет; все мои беспокойные мысли сосредоточились исключительно на ней, однако я мог видеть только ее белое платье за укрытой простыней фигурой, лежавшей в саркофаге. Запах дыма, давно щекоктавший мои ноздри, теперь начал действовать и на глаза, и они предательски заслезились. Тем не менее я смог разглядеть, как рядом с саркофагом движется что-то белое. Количество дыма, выходявшего из шкатулки, начало уменьшаться, а сам дым стал менее плотным. В этот момент свечение шкатулки начало быстро слабеть. Мяуканье Сильвио раздавалось откуда-то снизу вблизи меня, а затем он начал карабкаться вверх по моей ноге.

Шкатулка больше не светилась, зато вокруг ставен появилась еле заметная светлая линия – наступало утро. Я стащил с головы респиратор и громко спросил:

– Должен ли я включить свет?

Ответа не последовало; кашляя и задыхаясь, я выкрикнул снова:

– Мистер Трелони, должен ли я включить свет?

Он продолжал молчать, но отозвалась Маргарет с другого конца пещеры, ее голос прозвучал,

словно колокольчик:

– Да, Малькольм!

Я повернул выключатель, и электрические лампы под потолком вспыхнули. Правда, они казались лишь тусклыми точками света в тумане, среди клубов дыма. Я поспешил к Маргарет, руководствуясь, как ориентиром, ее белым платьем, и мне удалось схватить ее за руку. Она поняла мое беспокойство и сразу же сообщила:

– Со мной все в порядке.

– Слава богу! – ответил я. – А как остальные? Давай быстро откроем ставни и избавимся от этого дыма!

К моему удивлению, она отвечала медленно, как бы нехотя:

– С ними все будет в порядке. Им не причинили никакого вреда.

Я не стал расспрашивать, на чем основывается ее вывод, а решительно распахнул ставни.

Через несколько минут в комнате произошли заметные изменения. Плотный дым устремился наружу под действием сквозняка (я настежь открыл дверь), усилилась яркость электрического света, и моим глазам предстала следующая картина. Все мужчины лежали без движения в странных позах: доктор – на спине возле саркофага, широко раскинув руки и ноги, а у столика со шкатулкой – мистер Трелони и мистер Корбек, скрючившись, подтянув колени к груди. Настроение мое поднялось до неведомых высот, когда я увидел, что все трое тяжело дышат, хотя и находятся в ступоре.

Маргарет стояла неподвижно, и сначала мне показалось, что ее сознание затуманено, но буквально на моих глазах она обрела все больший контроль над собой. Вдвоем с ней мы подтащили сначала мистера Трелони, а затем остальных ближе к щелям в стенах пещеры. Спустя несколько минут мужчины начали приходить в себя. Маргарет поднялась вверх в столовую и принесла бутылку бренди, по рюмке которого мы заставили их принять в качестве лекарства. Все мои мысли и усилия были поглощены их состоянием, но постепенно напряжение уменьшалось. Я огляделся, чтобы понять, каковы были результаты нашего эксперимента. Густой дым почти исчез, но комнату все еще заполнял туман и странный острый запах.

Шкатулка была открыта, и в ней находилась кучка черного пепла. Я подошел к саркофагу. На изголовье лежало украшение, которое поддерживало волосы египетской царицы, и рубин с семью звездами. Белая простыня валялась рядом с саркофагом на полу пещеры, как если бы кто-то недавно встал из него и куда-то удалился. Царица Тера?

Ни единого признака.

Я взял Маргарет за руку. Она с видимой неохотой оставила своего отца, за которым нежно ухаживала, но достаточно послушно последовала за мной. Наклоняясь к ней, я прошептал:

– Что случилось с царицей? Скажи мне! Вы с доктором стояли так близко к ней и должны были видеть, что здесь произошло!

Девушка отвечала, спокойно глядя мне в глаза:

– Я ничего не сумела заметить. До тех пор пока дым не стал совсем плотным, я не отрывала взгляда от саркофага – царица оставалась неподвижной. Затем, когда наступила такая темнота, что ничего нельзя было увидеть, я услышала возле себя какое-то движение. Возможно, это был доктор Уинчестер, который упал, лишившись чувств, или, может быть, проснулась царица – не могу утверждать ничего. Кстати, где Сильвио? Я не смогла разглядеть, что произошло с ним, но очевидно, он сбежал от меня, так как его мяуканье раздается где-то за дверью. Надеюсь, он не обиделся на меня...

Как бы в ответ на слова Маргарет кот вбежал в комнату и начал тереться об ее платье, тянул его на себя, словно требуя, чтобы его приласкали. Девушка наклонилась, осторожно взяла его на руки и стала успокаивать.

Я обошел вокруг саркофага, осматривая его и все вокруг самым тщательным образом. Затем ко мне присоединились мистер Трелони и мистер Корбек – они быстро оправались от потери чувств, а вот доктору Уинчестеру для восстановления сил потребовалось больше времени. Но все, что нам удалось обнаружить, – это остроконечный холмик неосязаемой пыли, от которого исходил странный «мертвый» запах.

Мы так и не сумели найти какие-нибудь следы, которые помогли бы понять то, чем закончился «великий эксперимент». Лишь одна находка подтвердила нашу идею о физическом уничтожении мумии: маленькая кучка точно такого же пепла осталась от мумии кота.

Осенью мы с Маргарет поженились. Ради этого торжественного случая она надела мантию мумии с поясом и украсила свою прическу заколкой из жемчужин и драгоценных камней, которую царица Тера носила в волосах. На груди моей невесты сверкал вставленный в золотое кольцо, сделанное в виде скрученного стебля лотоса, рубин с семью звездами, на чьей поверхности были начертаны слова, повелевающие богами. Во время бракосочетания солнечный луч, проникший сквозь алтарные окна, упал на этот необыкновенный камень, и мы сочли это неплохим предзнаменованием.

Слова, выгравированные на рубине, определили нашу совместную жизнь; Маргарет всегда придерживается их, и на земле не существует более счастливой семьи, чем наша.

Порой мы вспоминаем о великой царице, и разговор наш течет легко и свободно. Однажды в ответ на мое сожаление о том, что она не возродилась к новой жизни в новом мире, жена, устремив на меня мечтательно-отстраненный взгляд, который я иногда замечаю у нее, сказала:

– Не печалься о ней. Кто знает, может быть, она нашла то, что искала? Любовь и терпение – вот из чего можно создать счастье в этом мире живущих или умерших. У нее была мечта, и только об этом каждый из нас может просить...